

АНТОЛОГИЯ КАРАКАПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

**Составитель И.Юсупов.
Под редакцией С.Северцева.**

**Издательство художественной литературы
им. ГАФУРА ГУЛЯМА**

Ташкент – 1968

Послесловие М.Нурмухамедова.
Биографические справки составил В.Бочин.
Художник Б.Жуков.

АНТОЛОГИЯ КАРАКАПАКСКОЙ ПОЭЗИИ (ред. Северцев С.Л. Вступит. статья) Т. Изд. худож. лит. им. Гафура Гуляма, 1968. 608 с. Тираж 3000. На титуле. Сост. И.Юсупов.

КАРАКАПАКСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

СОРОК ДЕВУШЕК

(Отрывки)

Среди множества памятников каракалпакского народного творчества героический эпос "Сорок девушек" ("Кырк кыз") стоит на первом месте,— это подлинное сокровище народной поэзии.

Героическая поэма "Сорок девушек" была записана в 1940 г со слов известного народного сказителя Курбанбая Тажибаева (1876—1958) в Турткульском районе, Каракалпакской АССР.

Каракалпакская народная поэма "Сорок девушек" завоевала широкую известность. Она переведена на русский, узбекский, казахский, туркменский, киргизский, литовский языки. Видный французский писатель Луи Арагон, внимательно изучающий литературы народов Советского Союза, сравнил героические образы каракалпакской поэмы с героями знаменитой "Песни о Роланде".

Богатырский эпос "Сорок девушек"— многослойный литературный и исторический памятник. В нем нашли отражение как события глубокой древности, так и близкого к нам времени, в частности, военные столкновения, происходившие в Хорезмском оазисе и в Туркестане в XVIII веке.

В большинстве тюркоязычных эпосов главными действующими лицами являются богатыри. Основные герои эпоса "Сорок девушек" — девушки-воительницы, выступившие с мечом в руках на защиту родной земли от нашествия захватчиков.

В эпической поэме "Сорок девушек" нашли яркое выражение идеи патриотизма, справедливости, дружбы народов. В финале поэмы герри, победившие захватчиков и добившиеся личного счастья, передают управление страной в руки представителей четырех народов Хорезма — каракалпаков, узбеков, туркмен и казахов.

По богатству языка, силе и глубине художественных образов, многообразию литературных приемов поэма "Сорок девушек" занимает выдающееся место среди остальных произведений народного эпоса. Страницы этого памятника изобилуют яркими, самобытными метафорами, эпитетами, гиперболами, а также сменами ритмов и многочисленными рефренами.

Со времени опубликования этого памятника к нему приковано внимание многих исследователей. Некоторые из них приводят веские доказательства того, что автором дошедшего до нас варианта поэмы "Сорок девушек" является знаменитый поэт XVIII столетия Жиен Тагай улы. Используя исторические сказания своего народа, поэт создал новый вариант ранее существовавшей эпической поэмы, причем ученые полагают, что создание этого нового варианта было вызвано не только творческими, но и политическими причинами — стремлением к объединению разрозненных каракалпакских племен и родов.

Эпос "Сорок девушек" дважды переводился на русский язык — поэтессой Светланой Сомовой и поэтом Арсением Тарковским. Перевод А. Тарковского

удостоен в 1968 году Государственной республиканской премии имени Бердаха.

Содержание эпоса "Сорок девушек" сводится в главных чертах к следующему.

В незапамятные времена в старинном городе Саркоп жил бай Аллаяр — отец шести сыновей и одной дочери Гулаим. В пятнадцатилетнем возрасте Гулаим выпросила у отца в собственное владение остров Миуели и воздвигла на нем крепость. Гулаим подобрала себе подруг — сорок девушек — и обучила их воинскому искусству: верховой езде, стрельбе из лука, фехтованию. Она заранее готовилась к боевым подвигам, ибо знала, что калмыцкий хан Суртайша уже давно помышляет пойти войной на Саркоп. Гулаим со своими подругами посадила на пустынном острове деревья и цветники, превратила эту местность в цветущий сад.

Слава о редкой красоте хозяйки крепости разнеслась далеко за пределы страны. Многие добивались ее руки, но все встречали отказ: девушка полюбила богатыря Арыслана, явившегося ей во сне.

Бедняк Журын, пасший скот Аллаяра, решил прибегнуть к хитрости и завладеть сердцем красавицы. Под покровом темноты он проникает в крепость и просит вызвать из палатки Гулаим. Девушка убеждается, что перед ней не богатырь, и приказывает отстегать его плетью.

Вернувшись к оставленному им стаду, Журын обнаруживает, что волки съели сто баранов. Он понимает, что жадный бай не простит ему этого убытка и снесет ему голову. Выход из беды подсказывает говорящий вороненок. Журын в обличье пророка является к спящему Аллаяру и требует в жертву сто баранов. Обман удаётся.

Обнаглевший Журын пускается на новые хитрости. Он пробирается на кладбище и прячется в склеп отца Аллаяра. Мучимый болезнью бай приходит на могилу предка, чтобы вымолить облегчение. Пастух под видом духа его отца разговаривает с Аллаяром и приказывает ему выдать свою дочь Гулаим за Журына. В день свадьбы Журын погибает от руки одного из обожателей Гулаим.

Параллельно с этой сюжетной линией развивается другая. Властелин Ирана Надир-шах, завоевавший значительную часть Хорезма, мечтает жениться на красавице Алтынай — сестре хорезмского богатыря Арыслана (именно его увидела во сне и полюбила Гулаим). Арыслан и его народ живут на землях, куда власть Надир-шаха не распространилась. Путем коварных интриг шах принуждает Арыслана покинуть Хорезм. Цель у него одна — сделать Алтынай своей женой. Надир-шах посылает сватов, затем сам является к Алтынай, но получает отказ. Разгневанный шах вторгается в страну со своим огромным войском. Силы неравны, — богатырша Алтынай и ее народ терпят поражение. Раненая Алтынай попадает в плен.

Когда девушка выздоравливает, шах пытается овладеть ею, но это ему не удается, и он превращает прекрасную пленницу в рабыню.

Тем временем калмыцкий правитель Суртайша решает двинуть свои войска на город Саркоп. Он совершает нападение в тот момент, когда Гулаим со своими сподвижницами отправляется в далекий поход. Льются потоки крови в Саркопе. Коварный завоеватель одерживает победу. Разграбив страну, он угоняет в полон оставшихся жителей.

Вернувшись из похода. Гулаим клянется на могиле своего отца отомстить за поруганную родину и устремляется в погоню. Но дороге происходит встреча

Гулаим и прославленного хорезмского богатыря Арыслана. Они узнают друг друга. Арыслан хочет поцеловать любимую, но она просит его подождать с сердечными делами, ибо сначала нужно исполнить священный долг перед родиной. Арыслан присоединяется к отряду девушек.

Разбив наголову полчище Суртайши, они освобождают родной народ, томившийся в рабстве. Гулаим выходит замуж за Арыслана.

Но недолго продолжается их счастье. Арыслан и Гулаим узнают о судьбе Алтынай. Они спешат к ней на помощь. Освободив Алтынай из неволи, они сообща предпринимают новый военный поход, чтобы принести народу драгоценный мир — освободить Хорезм от власти завоевателя Надир-шаха.

Наконец враг повержен. Чета героев передает управление страной народным избранникам — представителям каракалпаков, узбеков, туркмен и казахов, населяющих Хорезмский оазис. Девушки-воительницы во главе с Гулаим и Арысланом с победой и славой возвращаются в Саркоп.

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА САРБИНАЗ

(Из Песни первой)

На своих подруг дорогих
Гулаим глядит, весела,
Ободряет и учит их
Выбивать врага из седла,
В боевом наряде мужском
По-мужски сражаться с врагом,
Тонкий стан стянув кушаком,
Без ошибки владеть клинком;
Учит их искусству, каким
Настоящий храбрец-батыр
В грозный час удивляет мир.

Вот разумница Гулаим
Говорит подругам своим:

"Плачу я, подруги, плачу слезы лью.
Снег пойдет зимою в дорогом краю.
Сорок вас, подруги, сорок милых мне,
И от вас тревоги я не утаю.

Добрый конь арабский бросится в полет,
Из-под черной гривы заструится пот...
Что ж теперь почуял конь мой Актамкер?
Все дрожит, косится, крепкий повод рвет...

Ночью слышу частый стук его копыт,
Звучно камень черный под конем звенит.
Отчего ушами Актамкер прядет?
Почему на месте конь мой не стоит?

Актамкеру плетка больше не страшна,
Добрая хозяйка больше не нужна.

Отчего, скажите, конь копытом бьет,
Почему трепещет и не ест зерна?

Почему сегодня быстроногий мой
Не остановился конь перед стеной?
Птицей через стену он перелетел,
Чтобы там, на воле, мять ковыль степной.

Может быть, он чует приближенье бед?
Мне теперь тревога застит белый свет.
Если не сегодня, то уж не поздней,
Чем под вечер завтра дайте мне ответ!"

Стали держать совет,
Услышав такие слова,
Сорок девушек удалых.
Как под зимней бурей трава,
Загорелые лица их
Пожелтели от крепких дум.
Но ответ не пришел на ум
Ни единой из сорока.
Оседлали они коней —
Мол, родная степь широка,
Не найдется ль разгадки в ней?
Из сорока девиц
Самой младшей была
Смуглолицая Сарбиназ.
Ни одна из старших сестриц
Вровень стать не могла
С младшей сестрицею — Сарбиназ.
Из сорока соколиц
Самой смелой была
Соколицею Сарбиназ.

Сарбиназ —

Отрада глаз —
 В каждом споре была права,
 Словно жемчуг были слова
 У разумницы Сарбиназ.
 На родном
 Раздолье степном
 День и ночь провела в седле,
 Стала девушкам вожаком
 И назад в предрассветной мгле,
 В благодатный, прохладный час
 Привела подруг Сарбиназ;
 И, поклон Гулаим отдав,
 В ясной памяти удержав
 Всех вчерашних вопросов нить,
 Взор потупила Сарбиназ.
 Гулаим дала ей приказ
 Без утайки все говорить;
 Та, скромна и взором светла,
 Вот какую речь повела:

"Я весною цветы собираю в саду,
 Я вослед за тобой и на смерть пойду.
 Принесла я ответ тебе, о сестра,
 Хоть большую тебе он сулит беду.

Было время: сюда мастера пришли;
 Крепость грозная вышла из-под земли.
 Девятнадцати месяцев нет еще
 Горделивой твердыне Миуели.

Наши силы, как луки, напряжены,
 Кони наши откормлены и сильны,
 Древки доблестных копий у нас в руках
 Позолоченной сталью оснащены.

Ты за дело взялась, как прямой батыр.
Ты готовишься к битвам, хоть любишь мир.
Чтоб клинки не заржавели, ты в ножны
Терпеливо втираешь смолу и жир.

Ты подругам вручила мечи, уча
По-мужски нападать и рубить сплеча,
Чтобы дорого враг нашу кровь купил,
Не ушел от девического меча.

Так разумно ты действуешь потому,
Что грядущее зримо порой уму.
Принесешь ты спасенье от рабства нам
И отечеству милому своему.

На крутом берегу Ак-Дарьи живет
Хан калмыцкий, терзающий свой народ.
Ровно через шесть лет грабежом-войной
На Саркоп этот хан Суртайша пойдет.

О трех тысячах юрт акдарьинский стан.
Тьмы батыров помчит за собою хан.
Он осадит Саркоп; загремят бои,
Хлынет красная кровь из горючих ран.

Будет крупною дрожью земля дрожать,
Будут кони усталые громко ржать,
На гнедом скакуне твоего отца
Будет черный чекмень в день беды лежать.

Дерзкий враг тебя схватит за воротник,
Твой родник замутит, отведет арык;
Шестерых твоих братьев пошлет на казнь,
Отчий город заставит рыдать калмык.

Ты наденешь кольчугу, подынешь меч,
Сорок дев поведешь по дороге сеч,
Будут звонкие стрелы железо рвать,
Будут головы вражьи валиться с плеч.

Но когда по золе, по родной земле
Кровь рекой разольется в кромешной мгле,
Не споткнется о трупы твой верный конь
И удержишься ты в боевом седле.

Конь ушами прядет и копытом бьет,
Чует сердцем стремительных стрел полет,
Слышит ржанье калмыцких лихих коней —
И не хочет зерна, и воды не пьет.

Вот и все, что я знаю, сестра, мой свет.
Я даю на вопросы прямой ответ.
За недобрые вести прости меня.
Мне от горьких предчувствий покоя нет".

И, подругой младшей горда,
Гулаим обняла тогда
Прозорливую Сарбиназ,
И вложила по связке роз
В обе смуглых ее руки,
И, целуя в обе щеки,
Милой умницей назвала,
В юрту белую повела
И ее усадила там,
И сложила к ее ногам
Вороха нарядов цветных —
Ярко-красных и золотых;
Обошла с корзиной сады,
Принесла подруге плоды;
Остальных, стоявших вокруг,

Угостила медом подруг;
 Подарила всем сорока
 Платья, радующие глаз;
 Нарядила подруг в шелка, —
 И поставила выше всех
 Прозорливую Сарбиназ.
 И счастливую Сарбиназ
 Прославляли сорок подруг,
 Пировали сорок подруг,
 Пели песни, венки плели
 Из цветов родимой земли,
 За крепостной Крепкой стеной
 В белых юртах Миуели
 Отдыхая перед райной.

ПАСТУХ ЖУРЫНТАЗ И КРАСАВИЦА ГУЛАИМ

(Из Песни четвертой)

Жил да был на свете пастух,
 Жил да был пастух Журынтаз.
 Как стручок, он был с виду сух,
 Некрасив он был и плешив,
 Да зато — хитер и смышлен.
 В горькой бедности жизнь прожив,
 Пас овец Аллаяра он.
 Бай не жаловал пастуха,
 И ни кошки, ни петуха
 Не имел бедняк Журынтаз.
 Староват
 Был на нем халат,
 Дыроват
 И коротковат,
 И не мог никак Журынтаз
 До колен его дотянуть.
 Что ни час,

То из глаз
Соль бежала ему на грудь.

Хоть и был Журынтаз таким,
Как поведали мы о нем,
Но и он был тоской томим
По красавице Гулаим;
И его палючим огнем
Жгла мучительница-любовь;
И ему, своему рабу,
Приложила печать ко лбу
Повелительница-любовь;
И в его простое питье
Подмешала зелье свое
Отравительница-любовь;
И, внезапная, как чума,
И его лишила ума
Похитительница-любовь;
И пред ним во сне, что ни ночь,
Проплывала байская дочь.
Возмутительница-любовь
И ему отравила кровь.

В руки длинный пссох свой,
Как дутар, он брал порой,
Издавая протяжный вой,
Помогал себе игрой.
Струн хоть не было — так что ж?
Видно, был дутар хорош,—
И без этого кругом
Степь ходила ходуном.

Он все ногти сбил, сбил,
Он — по палке: раз! раз!
Посреди степи вопил,

Как безумный, Журынтаз:

"Влачу я сиротскую долю свою
Вдали от тебя в этом голом краю.
В безлюдной степи я не сплю по ночам.
Внемли, Гулаим, своему соловью!

Пять лет я тужусь для отца твоего,
Ослеп я от блеска лица твоего.
Я выбрал тебя, и теперь ты должна
Влюбиться в Журына, певца твоего!"

И не выдержал, наконец,
Обезумевший Журынтаз.
И погнал к загону овец
В недозволенно ранний час.
Как спровадил овец в загон,
Снял рваньё свое с плеч долой,
Снял — и вооружился он Бечевой
И большой иглой,
Стал халат свой рвать и кромсать—
Пыль над ним стояла столбом,—
Полы он обкарнал на пядь,
Рукава окромсал ножом,
Приметал пятьдесят заплат.
Вкривь да вкось,
Да как-нибудь,
Починил и надел халат
И, любовью руководим,
Потянулся в далекий путь
За красавицей Гулаим.
Журынтаза, как белена,
Отравила любовь.
Он был,
Мнилось, полон великих сил.

Он в арабского скакуна
Посох свой преобразил;
Переполненный через край
Хмелем неизъяснимых грез,
Свой засаленный малахай
Журынтаз, как сокола, нес,
И казался ему борзой
Быстрой, словно ветер степной,
Головастый, полуслепой
Позади плетущийся пес.
Дивно преобразился мир.
На неслыханные дела
С грозным кличем:
"Алла! Алла!"
Поспешал Журынтаз-батыр.
Он не помнил, кто он такой,
Он хлестал свой посох камчой;
С гордо поднятой головой
Он бежал по степи глухой.
Кровь хлестала из ног его,
Рок согнуть бы не мог его.
Зной и тот не отвлек его
От безумных дорог его.
День за ночью и ночь за днем
Словно мимо него прошли.
Журынтаз на палке верхом
Прискакал на Миуели.

За крепостной
Крепкой стеной
День-деньской
Продолжался той.
Как среди степей молодой
Статный конь арабских кровей
Веселится, освобождаясь

От узды золотой своей,
Так, без удержу веселясь,
Целый день на Миуели
Гулаим провела вдали
От волнений, скорбей и зла.
За стрелой
Летела стрела,
Раздавалось ржанье коней,
Стук мечей
И посвист камчей.
Шел потешный бой
С утра,
За потешным боем — игра,
Отдых,
Пиршество
И — без ссор —
Тихий дружеский разговор:
В этот вечно мирный затвор
Никогда не входил раздор.

Рассыпавшийся, как жемчуг,
Звонкий смех сорока подруг,
Струн сереброголосый звук,
Пенье слушала Гулаим.
А когда вечерняя мгла
На счастливый остров сошла,
Меду скушала Гулаим,
Над широким ложем своим
Белую кошму подняла,
Отдыхать-почивать легла.

И дыхание Гулаим
Золотилось в лучах луны
И светилось в лучах луны,
Словно благоуханный дым,

Покидая уста ее.
И тогда красота ее
До того луну довела,
Что в слезах, от злости бела,
Раньше срока луна зашла.
Гулаим тревожно спала.
Тяжело вздыхала она,
И вздымалась грудь, как волна;
Сердце прядало, трепеща,
Словно пойманный соловей;
И дрожали ее плеча;
И на шее снега белей
Жилка билась, как мотылек,
Что на пламени крылья сжег.

Этой ночью приснился ей
Арыслан, батыр-исполин,
Золотого Хорезма сын,
За которым народ родной
Был поистине в те года
Как за каменной стеной.
Этот робости никогда
Не изведавший Арыслан,
Этот воин, цепью стальной
Опоясывавший свой стан,
Эта гордость славы земной,
Этот лев над львами всех стран,
Арыслан, и никто иной,
В искрометной своей броне
Гулаим явился во сне.

Журынтаз
В этот самый час
Подбежал к высокой стене,
За которою Гулаим

Предавалась грезам ночным.
Он в безумии совершил
То, о чем, не имея крыл,
И помыслить не мог вовек:
На бегу халат распахнул,
Через стену перемахнул
Этот бешеный человек!
Перед спящей Гулаим
Он упал, как саранча.
Лицезрящий Гулаим
Журынтаз рыдал, бормоча:
"Твой батыр приехал! Смерть твоим врагам!
Стала ты, как пери, к десяти годам,—
С той поры я рыщу на коне гнедом
По немым пустыням, шумным городам.

Я искал по свету розу-Гулаим,
Плачь, батыр, и сетуй! Розу-Гулаим
Разбудить не можешь... Покажи лицо,
Подари мне эту розу, Гулаим!

Спишь, подняв над ложем белую кошму.
Льнет прохладный ветер к ложу твоему.
Пробудись и выйди, молви что-нибудь —
Сильною рукою стан твой обниму.

Мчатся врассыпную орды от меня,
Чуть моя литая заблесит броня.
Ждешь батыра? Вот он! Сокола прими,
Привяжи скорее моего коня!

Пусть мой жар сердечный превратится в лед,
Если сна любимой зов мой не прервет!
Голодом томимый, заклинаю: встань!
Жаждою палимый, жду твоих щедрот!"

"Встань!"—
Воскликнул Журынтаз.

Приоткрыла очи она:
Пронизала, пробудясь,
Тьму глубокой ночи она
Взором, словно лучом двойным.
Но была черноты черней
Ночь, клубившаяся пред ней:
Остроглазая Гулаим
Не могла разглядеть лица
Неизвестного пришельца
И подумала:
"Это он,
Это длится еще мой сон".

На подушку облокотясь,
Тщетно вглядываясь во тьму,
Говорит она, обратясь
К посетителю своему:

"Кто ты, нарушивший мой сладостный сон?
Ветром ли, бурей ли в мой сад занесен?
Что же ты прячешься? Смутил меня твой
Страстный, томительный пронзительный стон.

Если, примчавшийся на быстром коне,
Ты мой возлюбленный, приснившийся мне,
Сердцем возрадуйся! Не он — так беги,
Или по собственной погибнешь вине.

Воин, приснившийся в полночной тиши,
Слезы горячие мои осуши!
Если же родина твоя не Хорезм,

Быть тебе, дерзкому, без мухи-души.

Разве не жаль тебе моей красоты?
Косы ли черные мои не густы?
Если бы истинно ты был Арыслан,
Ты бы не прятался, не медлил бы ты".

И тогда, приблизясь на шаг,
Журынтаз ответил ей так:

"Батыр, чей конь могуч и бронь светла,— я,
Кому во сне ты сердце отдала — я,
Кого звала, за кем покорно шла вслед,
Кого ты за руки во сне брала — я.

Без отдыха из золотой страны нес
Мой конь меня по сумрачной стране слез.
Встань, соловья-скитальца не гони прочь,
Избранница моя и госпожа роз.

Письмо, наверное, прочла мое ты,
И приготовила для нас жилье ты.
Скажи: привяжешь ли коня? Устал конь.
Прервешь ли сладостное забытье ты?

Как можешь ты батыра заставляя ждать,
На страстный мой призыв не пожелать встать?
Я жду тебя. Довольно спать! Не то — мне
Придется быстрого коня погнать вспять".

"Роза, встань, приди..." В плену
Этих слов, она поднялась:
Лживой речью, поверив сну,
Очарована, поднялась,

Околдована, поднялась.
Ни жива и ни мертва
Отпустила кошму сперва;
К очагу потом подошла,
Изгибаясь, как лоза,
В очаге огонь развела.
И светились ее глаза,
Лоб ее сверкал белизной,
И неторопливой змеей
По плечам скользила коса.
Шелком и тяжелой парчой
Свой высокий стан облекла,
В руку правую — золотой
Гулаим гребешок взяла,
Косу, хлынувшую рекой,
Расчесала и заплела,
Левой — зеркальце пред собой,
Зарумянившись, подняла;

Поправляя здесь и там,
Оглядела свой наряд,
Повязала белый плат
Кончиками к небесам
И, потупив скромно взгляд,
Из кибитки вышла в сад.

Тут, медлительно приподняв
Стрелы длинных ресниц, она
Закричала, чуть не упав,
Застонала, потрясена.
Перед ней стоял Журынтаз.
Плешь блестела, как медный таз.
С плеч его свисало рванье.
Посинели губы его,
И стучали зубы его.

Алчный воров он вперял в нее.
Гулаим вскипев,
Не знала куда
Деть свой гнев.
Дрожа от стыда,
Позвала она сорок дев.

И забился, точно сазан,
Жгучим ужасом обуян,
Мигом связанный Журынтаз.
Этот ужас его и спас,
В явь из мира сна возвратив,
Спавший ум его разбудив.

Гулаим сказала потом,
Наклонясь над своим рабом:

"Журынтаз! Эй, Журынтаз!
Отвечай скорей, Журынтаз,
Что ты хочешь? Всю степь кругом
Кровью, как дождем, оросить,
И обрубком лежать в земле
Или в тесной висеть петле,
Превратившись в воронью сыть?
Ну-ка, подлый, скажи-ка мне,
Как ты смел в этот час ночной
Без приказа прийти ко мне
И смеяться надо мной?"

Руку приложив к груди,
Он взмолился к ней:
"Пощади!
Пощади меня, Гулаим!
Разве ты уже не ханым,

Чтобы я, пастух простой,
Смел смеяться над тобой?
Беден я, и слаб, и сир,
Я ни в чем не виноват.
Если б не Арыслан-батыр,
Не попал бы я в этот сад!
Развязать меня повели!"

"Развязать!" —
Сказала она.

АЛТЫНАЙ ПОПАДАЕТ В ПЛЕН К НАДИР-ШАХУ *(Из Песни пятнадцатой)*

Всем, достойным хвалы —
Хвала!
Всем, достойным стрелы —
Стрела!

Алтынай играет мечом.
Алтынай поводит плечом.
Меч надежен.
Крепка броня.
Алтынай подводят коня.
Вот она садится в седло.
Пляшет резвый конь под седлом.
Солнце яркий луч навело
На ее высокий шелом.
Следует рядами за ней
Конница в пять тысяч мечей.

Дети, женщины, старики
Войско провожают в поход.
Проводив,
Стоят у ворот,
Смотрят вдаль из-под руки.
За воротами —
Степь лежит.
По-над степью —
Воздух дрожит.
За струистой хмарью степной
То копье заблестит,
То щит.
Оседает пыль
На степной ковыль.
В ковыле кузнечик трещит,
Восхваляет палючий зной...
Больше ничего не слышать,
Больше ничего не видеть,
И опять к своим очагам,
К повседневным своим делам
Возвращается народ,
И смыкаются опять
Створы городских ворот.

В стольном городе своем,
Потрясая мечом-копьем,
Бить в набат велит Надир-шах.
На откормленных скакунах
Войско в десять тысяч мечей
Собирается у дворца.
В окружении палачей
Шах выходит.
Струится пот
По морщинам его лица.
Шах ярится:

"В поход! В поход!
Покориться
Не хочет мне
Город, где живет Алтынай.
Пусть же он погибнет в огне!
Пусть по непокорной стране
Кровь кипучая потечет!
Перебьем
Строптивый народ:
Тех — мечом,
А этих — копьем!
Нас большая добыча ждет:
Пленные,
Сокровища,
Скот!
А чего с собой не возьмем,
То пожар пожрет,
Воронье склюет!
Эй вы, тигры мои!
Вперед!"

Белые знамена, плеща,
Застилают весь небосвод.
Пушки медные волоча,
Войско выступает в поход.
... "Эй, опора моя и щит,
Десять тысяч силачей!
Эта девушка —
Мой враг.
С нею нет полка ее.
Напрочь выбейте копье
У нее из белых рук,
Выврите высокий стяг,
Обступите ее кругом
И возьмите ее живьем!" —

Надир-шах промолвил так,
И в движенье войско пришло,
По степи грохочущий гром
Прокатился тяжело,
И уперлись в грудь Алтынай
Копий вражеских острия,
И горячей крови струя
Проложила путь меж колец
И чешуек ее брони.
Тут бы ей и пришел конец,—
На земле таких бойцов
Не было еще искони,
Чтобы десять тысяч врагов
Мог один разбить-разметать,—
Тут бы Алтынай и конец,
Да ее могучая рать
Подоспела на помощь ей.
Благородная Алтынай
Увидела яркий блеск
Сталкивающихся клинков,
Услыхала копий треск,
Пенье стрел и звон щитов,
И, копье над головой
Занеся, рванулась в бой,
На скаку метнула копье,
И оно впереди нее
Понеслось, издавая вой.

Алтынай отцовский булат
В руку правую взяла,
Начала рубить подряд
Всех, кого догнать могла.
Кто завалится назад,
Кто слетит кувырком с седла,

Кто, из стремени
Ступки
Высвободить не успев,
Грудью мнет степную траву,
Кто из собственной брони
Хочет вырваться, захрипев...
Поле брани — сон наяву.

Душный день на убыль идет.
Бьются воины Алтынай,
Крепко бьются;
Кровавый пот
Из-под шлемов течет
У них.
Бьются воины Алтынай,
Не считают клинков чужих:
Все равно, считай не считай,
У Надира больше бойцов.
Бьются воины Алтынай,
Устлана вся степь от холмов
По противоположный край
Павшими за город отцов.

Сердце, плачь!
Рыдай!
Не таи
Жгучих слез!
Язык мой, рыдай!
Плачьте кровью, глаза мои!
Плачьте!
Лучших своих сынов
Потерял народ Алтынай!
В этот день большой урожай
С поля ратного смерть сняла.
Рдяная закатная мгла

Канула на лоно земли.
Солнце потонуло в пыли
Тусклое, как драконий глаз.

Шахские стрелки в этот час
Окружили со всех сторон
Благородную Алтынай.
С горьких уст ее скорбный стон,
Словно белый лебедь, слетел.
Ястребиная стая стрел,
Изорвав семь ее кольчуг,
Исклевала тело ее,
Сердце похолодело ее,
Стройный стан согнулся, как лук,
Выпал меч у нее из рук,
Из-под ног ушли стремяна,
Выпустила поводья она
И в какую-то яму вдруг
Рухнула...

...И под сень своего шатра
Перенес ее Надир-шах.
Не смыкая глаз, до утра
Он сидел у нее в когах;
Утром в колесницу свою
На пуховики положил,
Слугами тридцатью шестью
Лучшими ее окружил,
Повелел в столицу свою
Раненую отвезти;
Приказал тридцати шести
Знахарям отправить фирман:
Пусть, мол, снадобья кипятят,
Пусть, мол, в оба они глядят,

Чтоб на теле у Алтынай
Шрамов не осталось от ран.
В полдень кончилась битва.
Шах
Пленным головы сам рубил,
Кровь из жил горячую пил,
С брызгами ее на усах
В город Арыслана вступил,
Этих — полонил,
Тех — убил,
Город превратил в костер,
Стер с лица земли его,
Эль на пять частей разделил,
Утвердил свое торжество,
Кошмы на земле расстелил,
Той устроил
И потом
В стольный город свой ускакал
На лихом
Коне вороном.

В стольном городе своем
Праздновал победу Надир.
Долго длился разгульный пир,
Долго в золотых пиалах
Красное играло вино,
Много было сожжено
Саксаула в очагах,
Много сварено в котлах
Мяса было для гостей,
Прежде чем Надир-шах вошел
К пленнице прекрасной своей.

Он сказал ей:

"Мой престол
Выше всех престолов стоит,
Мой венец, как солнце, блестит,
Велика держава моя,
Беспредельна слава моя...
Но — увы! — от жгучих обид
Под узорной этой парчой
Сердце нестерпимо болит.
Кто тебя в твой черный час
Пожалел и от смерти спас?
Кто платил золотой казной
За бальзамы для тебя?
Кто, тебя, как душу, любя,
Изнывает в тиши ночной?
Для кого ты дворец в тюрьму
Превратила?
О, почему
Ты не хочешь меня любить?
Горе, горе мне! —
Я своей любви
Не могу, не могу избыть!
Ни в хмельном вине,
Ни в людской крови
Не могу ее потопить!"
И сказала так Алтынай:

"Вырви прочь из сердца любовь.
Режь меня,
Вот нож,
На, убей!
Все равно,
Повторю я вновь:
Я не стану женой твоей!"

Крикнул шах в неистовстве ей:

"Покорись!"

И долее жить
Алтынай не могла,
И в грудь
Нож хотела вонзить себе,
Чтобы наперекор судьбе
Смертный путь, широкий путь
Страждущей душе проложить.

Но костлявой рукой своей
Шах за локоть ее схватил.
И призвал палачей:

"Скорей
Отымите нож у нее,
Вместо шелка на плечи ей
Грязное накиньте тряпье!
Ни запястий,
Ни перстней
Не оставьте на руках,
Ни сафьяновых сапожков
На ногах,
Ни серег в ушах,
Ни на шее бус дорогих.
Наложите вместо них
На руки — аркан погрубей,
На ноги — цепи потяжелей.
А на шею — колодку ей
Выберите потесней!
Вы садитесь на коней
И на озеро Корык
На ремне тащите ее,

Пусть ее прекрасный лик
 Опалит пустынный зной,
 Только жизнь щадите ее,
 И пускай она пасет
 У Коряка мой скот,
 Пускай
 Среди рабов рабыней живет
 Благородная Алтынай!"

И на озеро Корык
 Отвели ее палачи.

ВСТРЕЧА АРЫСЛАНА И ГУЛАИМ

(Из Песни двадцать первой)

Спал батыр.
 Так орел-тарлан
 В клетке спит тяжелым сном;
 Спит, живую душу губя,
 Спит, чтоб жизнь скорей прошла,
 Спит, чтоб ослабели крыла,
 Чтоб не видеть, как блестит
 За решетчатым окном
 Солнца искрометный щит;
 Спит орел тяжелым сном,
 Чтоб не слышать, как шумит
 Воля вольная кругом,
 Как скрежещет и звенит
 Цепь железная на нем...

Спал батыр — и странный звук —
 Сонным слухом услышал
 Сердца собственного стук,
 Но изобразить не могли
 Этих смертоносных бровей,

Этих чернострельчатых ресниц —
Верного оружия вежд,
Охраняющих сон зениц.

И, лишась последних надежд,
Арыслан кошму опустил,
Приказал себе: погоди!
В знак покорности на груди
Руки трепетные скрестил,
Восемь раз шатер обошел,
Разум свой, как меч, заострил,
Нужные реченья нашел,
Громозвучно заговорил:

"Жалок я и безумен. Кремнист мой путь.
Вы меня отравили. Я ранен в грудь.
О луноподобные в белом шатре,
Помогите мне! Я не могу вздохнуть.

Кто вы? Луны, лебеди, розы — кто вы?
Джины, девы, горные козы — кто вы?
Если вы бессловесны — подайте знак:
Звезды, пери, гибкие лозы — кто вы?

Камни глодал я, огонь глотал, к вам взывал,
Копья ваши сверкают меж черных скал,
Кони ваши копытами рубят лед..
Горе мне! Сотрясается горный вал!

Молвите имя старшей своей сестры,
Я не ведаю — злы вы или добры,
Все равно! Осудите на смерть — и я
Камнем брошусь на камни с Дербент-горы!"

А в шатре, о друзья мои,
А в шатре спала семья
Соколиц Миуели,
В эти снежные края
Прилетевшая издали.

Услыхала Гулаим
Арыслана протяжный клик,
Услыхала — и в тот же миг
Сон свой сладкий разогнала,
Лик прекрасный приподняла,
И вскочили девушки с мест,
Кто — с мечом,
Кто — с копьем...
Выбегают босиком,
Озираются окрест.

Догадался Арыслан,
Что за девушки перед ним,
Обессилел, точно от ран,
Поглядел на Гулаим —
Хоть вина не пил, а пьян —
Задохнулся, побледнел,
Пошатнулся, бел как мел,
И, любовью одержим,
Добежал до черных скал
И на белый снег упал.

Долго он лежал недвижим,
А когда, едва дыша,
Возвратилась к нему душа,
Он увидел у самых глаз
Некий пламень ледяной —
Серебряный, голубой
Меч в деснице Сарбиназ.

Сарбиназ ему говорит:
 "Если ты калмык — встань, джигит,
 Вызываю тебя на бой!
 Я с тобой рубиться хочу.
 Трепещи! Вот мой меч!
 Имя этому мечу —
 ГоловаДолой-С-Плеч!"

Арыслан улыбнулся ей—
 Будто золотом одарил;
 Засветилось его лицо,
 Слезы потекли по лицу;
 Стал он речь вести,
 Что венки плести,
 Подбирать словцо
 К словцу;

Так в ответ заговорил:

"Лебеди на север улетят весной.
 Аедяную реку выпьет летний зной.
 Мы еще успеем иступить мечи!..
 Девушкам-батырам мой поклон земной!
 Зимние метели гору замели.
 Кто видал, чтоб розы на снегу цвели?
 Мы поспорим после; расскажите мне,
 На кого покинут ваш Миуели?"

Чем я провинился, что судьбой гоним,
 Что моей печали гнев невыносим?
 Долго я скитался и тебя искал.
 Здравствуй! Протяни мне руку, Гулаим!

Тайной поделиться я ни с кем не мог.

Робости и гнева я равно далек.
Ты мне душу ранишь, Сарбиназ-батыр!
Бойся кровью брата обагрить клинок..."

Девушки наперебой

Говорят ему:

"Встань, джигит!"

А другие:

"Джигит, лежи!"

Третьи:

"Кто ты, джигит?"

Скажи!"

А четвертые:

"Что с тобой?"

Пятые:

"Не ранен ли он?"

А шестые:

"Он невредим!"

Над батыром со всех сторон.

Словно солнечные лучи,

Блещут боевые мечи.

Звон стоит кругом, лязг и гром.

Птичий гомон стоит кругом:

"Что с тобой?" да "Кто ты такой?"

Несравненная Гулаим

Размыкает их шумный круг,

Отстраняет рукой подруг,

И рука у нее дрожит...

Гулаим говорит:

"Встань, джигит!"

Арыслан встает

Пред возлюбленной своей,
И чуть слышно журчит ручей
Среброзвучных ее речей:

"Метель запеваает, и кружится снег,
И слезы бегут у меня из-под век.
Как звать тебя? Кто ты? Высоких небес
Жилец иль такой же, как мы, человек?"

В глазах твоих тайная радость видна,
И горе... А речь поговорок полна...
Ты не жил в Саркопе... Откуда, батыр,
Ты скромные наши узнал имена?

Ты плачешь? Гляжу я и в толк не возьму —
О чем, почему? Говоришь — не пойму,
Что хочешь сказать... Успокойся, не плачь!
Как слезы бегут по лицу твоему!"

Арыслан говорит в ответ:

"Быстрокрылым я был — и лишился крыл,
Резвоногим я был — и упал без сил,
Жил с людьми, был батыром, а ныне — кровь
Лью в пустыне скупой из негибких жил.

Клевета и позор мне на лоб легли,
Все отвергли меня, и года текли...
Тщетно смерть призывал я... О, горе мне!
Горе мне! Я лишился родной земли!

Был я лебедем. В сердце мое стрела
Красным углем вошла. Я сгорел дотла,
Но живу, и бессмысленна жизнь моя,
И напрасны пустые мои дела.

Яд изгнания мне изъязвил уста.
 Я — казненный, но совесть моя чиста.
 Я родился в Хорезме. Я — Арыслан.
 Жизнь моя — нищета, пустота, тщета..."

Замолчал Арыслан-батыр,
 И — полночной луны двойник —
 Несравненный лик, белый лик
 Благородной Гулаим
 Светом внутренним просиял.
 И взыграла ее душа,
 Как ручей, рожденный меж скал,
 Разливаясь, бурля, спеша,
 Вырываясь на простор...
 Но ничем горделивый взор
 Благородной Гулаим
 Тайны сердца не выдавал,
 Хоть и волновался в груди
 Слез неистовый океан.

Приближаясь к ней, Арыслан
 Говорит:

"Гулаим, во сне
 Образ твой явился мне.
 Душу горькую губя,
 Я всю жизнь искал тебя.
 Все пути к тебе вели.
 Песней о Миуели
 С наступленьем тьмы с ума
 Соловей меня сводил.
 И порой редела тьма,
 И являлась ты сама,
 Госпожа ночных светил.

За тобою сорок звезд
Следовали по пятам,
И меж нами зыбкий мост
Пролегал по небесам.
Словно лань, была дика
И робка моя тоска;
Был не шире волоска
Мост, соединявший нас,
И пока на твой призыв
Я спешил, ни мертв ни жив,
Твой прозрачный пламень гас,
Лик недостижимый твой
Исчезал за пеленой
Наступающего дня.
О, не покидай меня,
Роза неба, Гулаим.
Дети праха, мы гостим
Лишь однажды на земле.
О, не тай в рассветной мгле,
Подтверди словцом одним,
Что когда-нибудь с тобой
Мы сердца соединим.
Не бледней, не улетай
Лебедем в далекий край!
Не кручинься, слез не лей,
Будь здорова, Гулаим!
Прочь разлуку, жизнь моя,
Молви слово, Гулаим,
Дай мне руку, жизнь моя!"

Руку маленькую свою
Подала Гулаим в ответ
И сказала:

"Руку даю —

Как поруку. Тверда рука.
Тверже поруки нет.
Клятву даю — клятва крепка,
Крепче крепкого мой обет.
Нам разлуки нет!
Нам разлуки мет!
Нам разлуки нет!
Если ты земля — я луна.
Если ты океан — я волна.
Ты — гора-великан,
Я — горный туман,
Ты — желанный гость,
Я — дастархан.
И на вечные времена
Ты — мой муж, я — твоя жена.
Честь тебе и почет, Арыслан!"
Арыслан поцеловать
Милую свою захотел:
На глаза — печать,
На чело — печать,
На уста — печать:
Закрепить союз захотел.
Не позволила Гулаим
Черные глаза целовать,
Белое чело целовать,
Красные уста целовать:

"Люблю тебя, мой суженый, так люблю,
Что о своем девичестве не скорблю,
Я мщу врагу жестокому. Погоди:
Забывать любовь до времени я молю.

Страну мою богатую сжег калмык,
Порвал на мне мой вышитый воротник.
Жены своей возлюбленной не целуй,

Пока не грянет мщения грозный миг.

Завыли ветры буйные по зиме,
И ночь пришла, и кружится снег во тьме.
Едва бреду — не сладкий мед у меня,
А корка хлеба черствого на уме.

Я встретила влюбленного на йути,
А мне бы — друга верного обрести.
Мой сокол, подели со мною ратный труд,
Не мучь меня, избранник мой, не когти!"

Гулаим закончила речь,
Обнажила булатный меч,
В левую — поводья взяла
И легко вскочила в седло.
Добрый конь осел тяжело,
С хрустом закусил удила,
На мгновенье встал на дыбы,
Грудью бросился в снежный вир
На призыв боевой трубы
И помчался, камчой гоним,
Через горные горбы.
А на нем — батыр Гулаим,
Леворучь — Арыслан-батыр,
А за ними — белый буран,
А в буране — сорок подруг,
Буйным вихрем — на вражий стан...

Вид их грозен, и взор их дик.
Смерть тебе, Суртайша-калмык!

ПОБЕДА ГУЛАИМ НАД ХАНОМ СУРТАЙШОЙ

(Из Песни двадцать третьей)

Трубы медные трубят,
Стяги пестрые шумят,
Кони ржут
Медным трубам в лад,
Удила грызут,
Пятятся назад.
Кони пятятся назад,
Стремена звенят;
Звучно стремяна звенят,
Расступаются войска,
Строятся за рядом ряд.

Глянешь вверх — там белым-бело,
Вьются снежные облака,
Ворон — сломанное крыло
По небу летит тяжело...

Глянешь вдаль — там белым-бело
Не видать под снегом песка;
Конь калмыцкий без седока,
Захромав, потеряв седло,
По снегу бежит тяжело...

Глянешь прямо перед собой —
Круг очерчен, утоптан снег,
А в кругу стоит великан,
Полузверь-получеловек:
Стан — что карагач вековой,
Шерсть на груди,
Хвост позади,
Правая — львиная нога,
Левая — тигриная нога,
Правая рука — острога,

Левая рука — кочерга,
 Клепанная голова,
 Уши — мельничные жернова,
 Ступы каменные вместо глазниц.
 Стрелы пламенные — вместо ресниц,
 Рот клыкастый — адская пещь,
 Нос не нос, а рыба-лещ,
 Неумыт, волосат, космат,
 Медными гвоздями оббит,
 Крепкими цепями обвит,
 В бубенцах с головы до пят.

Раздувает зоб великан,
 До ушей разевает пасть:

"Выходи на круг, Арыслан,
 Выходи, если ты не трус,
 Мне свежинки хочется — страсть!
 Дай мне крови напиться всласть,
 Дай мяса твоего поесть,
 Дай погрызть мозговую кость,
 Поглядеть, каков ты на вкус,
 Арыслан,
 Батыр-дастархан,
 Гусь мой, лебедь, залетный гость!"

Тут разгневался Арыслан
 И в ответ на эти слова
 Зарычал, с коня соскочил,
 Оба рукава засучил,
 И преобразился во льва,
 И схватился, как лев со львом,
 Со своим ужасным врагом;
 А потом по-иному бой
 С чудищем калмыцким повел:

Он боролся как волк степной
С жеребцом, Как барс лесной —
С кабаном,
Как тарлан-орел —
С быстроногим горным козлом.
Что тут было, друзья мои!
Что за сила, друзья мои,
У батыров этих была!

Арыслан стоял, как скала,
И, налившись кровью со зла,
Как бойцовый петух, калмык
С клегтом прыгал, зоб раздувал,
Арыслана в темя клевал,
Когти в мясо вонзал,
Кожу рвал,
Но не мог свалить его с ног,
Даже сдвинуть с места не мог.

Шум пошел по степи такой,
Что услышал бы и глухой;
От натуги бойцов кругом
Заходила степь ходуном,
Снег растаял, встал туман,
Мелкий дождь заморосил,
И заголосил великан —
Арыслан со всех своих сил
Ребра великану сдавил,
Поднял выше облаков
И ударил оземь его.
И отхлынул от берегов
Громозвучный Астархан,
По земле прокатилась дрожь...
Веселясь душой, Арыслан
Вынул из-за пояса нож,

Голову калмыку отсек
И поставил стоймя на снег
Перед ханом Суртайшой.

Снег выравнивают рабы.
Окликает судьбу судьба.
На пронзительный вой трубы
Отвечает всем труба.
Прекращается медный вой.
Начинается новый бой.

На кругу — батыр Отбаскан
И Кункар — калмык-палуан,
Победивший семьдесят семь
Палуанов соседних стран,
Изрубивший мечом тьмы тем
Рядовых врагов Суртайши,
Волк из волков,
Лев из львов,
Ястреб из ястребов Суртайши,
Сокрушитель турьих рогов,
Посетитель шумных пиров,
Похититель дев,
Утешитель вдов,
Соблазнитель жен
И мучитель малых детей.

Этот знаменитый борец,
Хвастая закалкой своей,
Выбежал, полуобнажен.
Стал в кругу, на снегу, босой,
Краше, чем Сулейманов дворец.

Наслаждаясь его красотой —
Бронзой кожи и сталью мышц,—

Увлажнились теплой росой
Узкие глаза Суртайши.
Узкие глаза Суртайши
Кровью налились, потемнев:
Потянулся Кункар, как лев,
И на Отбаскана пошел,
И у всех захватило дух,
Кто смотрел на него.
Тяжел,
Как свинец тяжел,
И как пух
Легок был его шаг.
Пошел
На саркопца Кункар —
Как дым,
Как скала,
Когда бы скала
Двинуться могла...
Горделив,
Как султан,
Пошел палуан,
Страшные объятия раскрыв,
И бесшумно земля под ним
Всколыхнулась...
Точно порыв
Дикой бури ударил вдруг,
Сжал могучий Кункар кольцо
Рук могучих своих вокруг
Пояса врага,
И лицо
Стало у саркопца как мел,
Проступила желчь и зола
На щеках,
И кровь потекла
Из ушей,

И взор помутнел.
И тогда Кункар, упершись
В жесткий снег стопами, швырнул
Отбаскана в белую высь,
И, как жаворонок, мелькнул
В снежной закрути Отбаскан,
Долетел до горных светил
И со стоном наземь упал.

И лежал он в снегу, и был
Мертв,
И полупрозрачный пар
Облачком качался над ним...
Нож кривой обнажил Кункар
И отрезал ножом кривым
Голову мертвеца,
И принес,
Окровавленную, без глаз,
И поставил пред Гулаим.

Тут воскликнула Сарбиназ:
"Эй, Кункар, если ты не трус,
Если ты батыр, а не раб,
Выходи бороться со мной!
Если телом ты не ослаб
И еще твой пыл не погас,—
Выходи!
Наступил твой час!
Выходи бороться со мной!
Хан поверг батыра в зиндан,
В цепи заковал, кровь из жил
Выцедил,
Оставил без сил,
Ты его добил, палуан!
Выходи бороться со мной!"

Трубы трубят,
 Стяги шумят,
 Ветер мечется снеговой —
 Начинается новый бой.

Гнев кипит в груди Сарбиназ,
 Как смола в чугунном котле,
 И рычит, разъярясь, Кункар.
 А вокруг метель поднялась,
 И лютует ночь на земле,
 И уже не видать ни зги...
 Все еще по степи враги
 Ходят, обнявшись, как друзья,
 Свившись, как со змеей змея,
 Борются, тяжело дыша,
 Вспахивая землю по грудь.
 Враг врагу позвонки круша.
 Тщетно в черно-белую муть
 Вглядывается Суртайша.
 Тщетно трубачи Гулаим
 Трижды протрубили отбой.
 Только степь гудит
 И метель
 Павшим в битве стелет постель...

Трубам ли звенеть золотым
 Там, где воет ветер степной?
 Прободать ли беззвездный мрак
 Напряженным взорам людским?

Разогнав орду облаков,
 Плетью в кровь исхлестав живых,
 Мертвых в белое завернув,
 На рассвете буран затих.

С краю загорелся покров
Просветлевших небес,
И там,
Где огонь полыхал,
Где плыл
Сизый дым студеной зари,
Встал победы высокий храм
И сверкнуло множество крыл.
Это были лучи.
Это день
Сарбиназ на помощь спешил.
В ста шагах от круга борьбы
Все увидели Сарбиназ.
Лик ее, словно лик судьбы,
Грозен был.
Взор ее горел
И сверкал, как двойной алмаз,
И в руке у нее был меч.
И кровавый солнечный луч
От меча исходил.
На снегу без сил
Побежденный лежал Кункар,
Ждал удара меча.

Пал удар.
И поставила Сарбиназ
Перед ханом Суртайшой
Голову Кункара на снег,
И прославила Сарбиназ
Дорогое имя свое.

И глядел из-под мертвых век
Мертвый взор
Мертвых глаз,
И хан

Застонал и впал в забытье.
А когда он пришел в себя,
От воротника и до пят
На себе золотой халат
Разодрал Суртайша, скорбя,
С плеч его сорвал,
В белый снег втоптал,
Зарыдал у всех на виду,
И раскрыл свой багровый рот
Шире адских врат,
И вот—
Яростью и скорбью томим,
Хан рычит, как шайтан в аду,
И на единоборство зовет
Благородную Гулаим.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается новый бой —
Руби гея Гулаим с Суртайшой.

Рубится с Суртайшой Гулаим,
Утвердив на снегу стопы;
Искры вспыхивающие, роясь,
В воздухе стоят, как снопы;
Рубится с Суртайшой Гулаим
И прислушивается, рубясь,
К возгласам своего меча,
И зазубривается, звуча,
Меч ее, как серп,
И другой
Меч зазубривается, чертя
В воздухе дугу за дугой,
За удар ударом платя.
У батыров глаза, как жар,

Ярой ненавистью горят.

Звон,
 Свист,
 Лязг,
Удар — за удар!
И осколки стальных мечей
Сыплются, словно частый град;
Силы рубящихся — равны.
Трое суток рубка идет.
Верха ни один не берет.

Ветви огненной купины,
Выращенной лязгом клинков,
Доросли до горных высот.
И рычат батыры, гневясь,
И бросают мечи в ножны.
Нетерпением обуян,
Цепью в тысячу три звена
Крепко свой неохватный стан
Стягивает калмыцкий хан.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается борьба,
И глядит на борцов судьба,
И железо сплетенных рук
Раскаляется докрасна,
И в один слепительный круг
Дни сливаются...

Тает снег,
И сменяет зиму весна;

Степь цветет, и птицы поют,
И, в зеленой траве шурша,
Пестрые букашки снуют;
И осиливает Суртайша
Благородную Гулаим,
И, подняв ее к небесам,
К этим голубым, золотым,
Трепетным небесам,
К облакам,
Белым, словно ягнята,—
К облакам,
На ветру играющим,
Там
Заставляет ее стонать.

Ветер осушил черный пот
На высоком ее челе,
И швырнул ее Суртайша
Наземь,
И стоял небосвод
Под ногами у Гулаим,
И летела она к земле
Сквозь гудящую пустоту,
Как падучая звезда,
А когда
В трех аршинах земля была —
Вывернулась на лету,
Стала на ноги и пошла
На врага,
И — как сокол клюв —
Ногти в чреве врага сомкнув,
К солнцу Суртайшу подняла,
И метнула вниз, И в песок
Вбила вниз головой по крестец;
Тут ему и пришел конец,

И навек забудем о нем!

Лучше, милые, поглядим,
Как над степью солнце встает;
Поглядим, как, за пядью пядь,
Молодая трава растет,
Поглядим, как старуха мать
Обнимает Гулаим,
Как спасенный ею народ
Плачет, и смеется, и льнет
К дочери любимой своей;
Поглядим на лица детей,
Взглянем на хорезмийского льва,
Милого супруга ее,
И на сорок ее подруг;
И с любовью благословим
Благородную Гулаими
Да ликует ее супруг,
И да будет она жива
В песнях и в потомстве своем!

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Струны звенят,
Струнам в лад мы славу поем.

Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!

Слава,
Слава,
Слава тебе,
Слава тебе, Гулаим!

ШАРЬЯР

(Отрывки)

Народные эпические поэмы (дастаны) являются старинным духовным богатством каракалпакского народа. В этих поэтических и красочных произведениях, передававшихся сказителями из поколения в поколение, сконцентрирована многовековая народная мудрость, любовь к родной земле, гнев против угнетателей и захватчиков, мечты о счастье и справедливости, вся щедрость народной лирики, фантазии, лукавого юмора. Помимо своей художественной ценности народные дастаны содержат множество важных исторических, этнографических и других сведений, правдиво изображают жизнь и быт, труд и борьбу, вековые мечты и думы трудового народа. Одним из таких произведений является каракалпакский народный дастан "Шарьяр".

Эпос "Шарьяр" принадлежит к числу наиболее известных и любимых дастанов каракалпакского народа. Главные образы этого эпоса — молодой богатырь Шарьяр и его отважная сестра Анжим — воплощают в себе черты подлинных народных героев: мужество, верность, справедливость, душевное благородство. По своему сюжету "Шарьяр" относится к жанру героико-романтических дастанов, для которых характерен красочный сказочный колорит. Причудливый мир народной фантазии переплетается в эпосе "Шарьяр" с реалистическими, бытовыми сценами, а яркость и самобытность образов, разнообразие поэтических приемов, множество героических и лирических эпизодов, тонкий психологизм, увлекательное развитие сюжета делают

это произведение одним из лучших памятников каракалпакского народного творчества.

В основу данного перевода отрывков из эпоса "Шарьяр" положен вариант этого дастана, записанный в 1939 году писателем Аметом Шамуратовым в Кунградском районе со слов известного народного сказителя Кулемет-жырау и изданный в Нукусе отдельной книгой. Известны также две другие версии этого дастана, записи которых хранятся в фондах Каракалпакского филиала Академии Наук УзССР.

Содержание первых эпизодов дастана, в которых рассказывается о рождении и детстве главных героев этой поэмы, сводится к следующему:

Девять жен было у старого хана Дарапши. Но бесплодными оказались его жены, — ни одна не смогла подарить ему сына-наследника. И тогда женился хан Дарапша на юной красавице Гульшаре. Зачала от него Гульшара, возненавидели ее за это остальные ханские жены, решили любой ценой ее погубить. Родила двух близнецов Гульшара — мальчика и девочку, двух младенцев необычайной красоты, и дала им она имена — Шарьяр и Анжим.

Из далекого похода возвращался в это время хан Дарапша. Воспользовавшись его отсутствием, девять коварных жен пригласили во дворец злую старуху колдунью. Получив богатое вознаграждение, колдунья утопила обоих младенцев в старом пруду, а вместо них положила на грудь спящей Гульшаре щенка и котенка. В ту же ночь вернулся хан и с ужасом узнал о том, что его любимая молодая жена родила двух зверенышей. Разгневался на нее хан Дарапша, не поверил ее правдивому рассказу, изгнал ее навсегда из своей страны.

Но недолго торжествовали ханские жены свою победу над ненавистной соперницей. Вскоре с тревогой

обнаружили они, что оба младенца продолжают жить и расти на дне старого пруда. Снова обратились девять ханских жен к старухе колдунье. По ее совету они подкупили раба, приказав ему достать младенцев из пруда, отнести их в мешке за пределы страны и там зарезать. Но раб не посмел умертвить двух удивительных, прекрасных младенцев. Уйдя далеко за пределы страны, он оставил их, обнаженных и беспомощных, на перекрестке трех пустынных дорог. Убив на обратном пути коосулю, хигрый раб испачкал ее кровью рубашки близнецов, а затем вернулся во дворец с их окровавленной одеждой и с печенью косули. Ханские жены щедро наградили раба, сожгли рубашки младенцев, а печень поджарили и съели, думая, что едят останки двух близнецов, от которых им удалось наконец избавиться.

Судьба сжалилась над Шарьяром и Анжим: в тот же день через перекресток дорог прошел большой караван, направлявшийся в столицу соседнего ханства. Караванчики подобрали обоих младенцев, принесли их к своему владыке — хану Шасуару. Восхищенные необычайной красотой близнецов, хан Шасуар и его супруга Акдаулет тотчас же решили, что Шарьяр и Анжим будут отныне их сыном и дочерью:

Миновало пятнадцать лет,
 То счастливых, то скорбных лет,
 С той поры, как Шарьяр и Анжим
 В горький час родились на свет.
 Миновало пятнадцать лет,
 И, как ветер, неудержим,
 Слух пронесся из края в край
 Про Шарьяра и про Анжим.

Говорили, что юный батыр

Закален и тверд, как металл,
Что умеет копье метать,
Как никто еще не метал,
Что умеет из лука стрелять,
Как никто не стрелял.
На горячем коне скакать,
Как никто до сих пор не скакал.
Говорили, что юный батыр
Телом тверд, а душой велик,
Конь его сотрясает мир,
Клич его — как тигриный рык.
Говорили, что в дикой степи
Крепость гордую он воздвиг
И собрал туда храбрецов —
Молодых друзей-удальцов.

Говорили о юной Анжим,
Что душа ее — чистый кристалл,
Что умеет умом блистать,
Как никто еще не блистал,
Что умеет стихи читать,
Как никто еще не читал,
Что умеет в шатраш¹ играть,
Как никто до сих пор не играл,
А к тому же не только умна,
Но еще и горда, стройна,
Так что с первого взгляда в ней
Благородная кровь видна.

Словно солнечный свет, цравдив,
Словно ветер, неудержим,
По земле разлетелся слух

¹ *Шатраш*—вид старинных шахмат.

Про Шарьяра и про Анжим,
И достиг этот верный слух
Той страны, где, врагов страша
И делами мудро верша,
Правил старый хан Дарапша.
Испугались девять ханум —
Девять ханских коварных жен:
Вестью страшною поражен,
Помутился их злобный ум,—
Ведь грозит возмездие им,
Если живы Шарьяр и Анжим!
И проник нестерпимый страх
В девять грешных, коварных душ:
Вдруг узнает их грозный муж
О былых преступных делах?
Ох, тогда им несдобровать —
Казни лютой не миновать!

Загрустили девять ханум,
Потеряли сон и покой,
И решили девять ханум
Обратиться к старухе злой,
К хитроумной колдунье той,
Что когда-то в былые дни
Гулыиару погубить смогла
И детей утопить смогла,—
Да, способна колдунья была
На любые злые дела!
За старухой послали они,
И старуха тотчас пришла,
Будто встречи этой ждала.

Смотрят женщины на нее —
Миновало пятнадцать лет,
Но особенных перемен

У старухи, как видно, нет:
Тот же драный халат на ней,
Тот же рваный платок на ней,
Только стала еще страшней,
Щеки стали еще дряблей,
Нос горбатый — еще острей,
А усмешка — еще хитрей.
На почетное место ее
Усадили девять ханум —
Угощать ее принялись,
Упрекать ее принялись:

"Хэй, мама²! Ты нам солгала,
Нас бессовестно провела!
Видим мы, что тебе нельзя
Поручать такие дела!
В первый раз ты детей взяла
И клялась, что убила их,
Что в пруду утопила их,
А они остались в живых!
И вторично ты нас подвела,—
Видно, рук не хотела марать,
Нам нарочно совет дала
Для убийства раба нанять.
Но и раб нам тоже солгал:
Он одежды детей принес,
Их сердца и печень принес
И покрытый кровью кинжал,
Клятву дал, что зарезал их,
Что их кости глодал шакал,
А теперь мы вдруг узнаем,
Что они остались в живых!"

² М а м а — бабушка, почтенная женщина.

"Хэй, сестрицы!— с усмешкой им
Говорит старуха в ответ.—
Хоть и живы Шарьяр и Анжим,
Но опасности в этом нет.
Ведь живут они далеко,
И добраться к ним нелегко:
Если даже птицей лететь,
То до них сорок дней пути,
А пешком идти —столько гор,
Столько рек, лесов да озер,
Что, пожалуй, и не дойти!
Пусть живут Анжим и Шарьяр,
Им теперь по пятнадцать лет,
Их отцом стал хан Шасуар,
Стала матерью им Акдаулет.
Узел некому развязать,
Правду некому рассказать,
Никогда им теперь не узнать,
Как погибла их бедная мать!
То, что было,— давно прошло
И густой травой поросло,
Так что не о чем вам тужить,
Как и прежде, можете жить —
Безмятежно можете жить!"

"Нет!— вскричали девять ханум.—
Ты подумай, как нам помочь!
Вот уже которую ночь
Нам не спится от страшных дум.
Из-за этих ублюдков двух
Мы лишились покоя и сна,—
Нестерпимо нам режут слух
Их проклятые имена!
Ты обоих убить должна,
Отравить, погубить должна.

Даже их следы на земле
Ты стереть, истребить должна,
Лишь тогда спокойно вздохнем,
А сейчас, как в аду, живем!"

Усмехнулась старуха: "Что ж,
Видно, правильно говорят:
Ложь рождает другую ложь,
Что посеешь, то и пожнешь.
Так и быть: к Шарьяру пойду,
На обоих накличу беду,
Не тревожьтесь,— уж как-нибудь
Их сумею я обмануть,
Их отправлю в Барса-Келмес³,
Чтобы сгинули навсегда,
И нигде — от земли до небес —
Не останется их следа!
Но, конечно, награда мне
Причитается за труды,
Впрочем, много не надо мне:
Лишь бы горсточку чаю купить
Да в дорогу насваю⁴ купить,—
И довольна буду вполне!"

Стали думать девять ханум:
Как им правильной поступить?
Как старуху им одарить,
Чтоб могла и чаю купить,
И в дорогу насваю купить?
Наконец решили вопрос:
Принесли ей большой поднос —

³ "Барса-Келмес" в переводе означает: "пойдешь — не вернешься". "Отправить в Барса-Келмес" — убить, погубить.

⁴ Н а с в а й — смесь молотого табака, золы и других примесей, которую закладывают под язык.

Полный золота до краев,
Принесли ей резной поднос.
А старуха ворчит в ответ:
"Чем решили меня удивить!
Чтоб понюшку одну купить,
Еле хватит этих монет!.."
Удивились девять ханум,
Рассердились девять ханум,
Разозлились они до слез,
Принесли ей второй поднос —
Полный золота до краев
Принесли ей резной поднос.
А старуха ворчит в ответ:
"Сколько можно шайтану служить?
Да и вам я подам совет:
Перестаньте и вы грешить!
Не хочу для вас ворожить,
Дело прошлое ворошить,
Лучше к нашему хану пойти —
Обо всем ему доложить!
Хэй, сестрицы, во цвете лет
Вы решили меня погубить,—
Чтоб соломы ослу купить,
Еле хватит этих монет!.."

Растерялись девять ханум,
Заметались девять ханум,
Испугались ее угроз —
Притащили третий поднос.
Усмехнулась старуха в ответ:
"Что могу вам, сестрицы, сказать?
Не считала я этих монет,
Может, хватит, а может, нет!.."
Рассмеялись девять ханум:
Мол, теперь уже не хитри,

И еще золотых монет
Ей подсыпали горсти три.
Успокоилась злая карга,
Получив этот щедрый дар,
Страшной клятвой она поклялась,
Что погибнут Анжим и Шарьяр,
Пересыпала деньги в мешок
И отправилась на базар.

Вот пришла на шумный базар —
С непривычки в глазах рябит,
То от скупости душу знобит,
То от жадности бросит в жар.
Будто в ухо ей бес шептал:
То купи да это купи!
Пару продранных одеял,
Да заплатанное гупи ¹,
Да растоптанные кавуши
За бесценок купила она,—
Так деньгами сорила она,
Но обновки и впрямь хороши!
А как смерклось, в ближний лесок
Оттащила она свой мешок,
Глубоко зарыла в песок,
Чтоб никто отыскать не смог,
Закопала под старым пнем —
Не отыщешь и днем с огнем!

А теперь пора за дела:
Крепкий посох она взяла
И с рассвета в далекий путь
Нищей странницей побрела.
Берегись, могучий Шарьяр,
Берегись, голубка Анжим,
Не напрасно старуха клялась

Нанести вам смертельный удар,—
 Уж кого невзлюбит она,
 Как-нибудь да погубит она!

Целый день старуха идет,
 А границы еще не видать,
 И бредет всю ночь напролет,
 А границы еще не видать,
 Третий день и четвертый день
 Беспрерывно шагает она,
 И обширных ханских земель,
 Наконец, граница видна.

Г у п и— верхняя одежда с ватной подкладкой.
 Поглядела старуха кругом
 И пустилась вперед бегом.

Есть у золота, говорят,
 Колдовская, страшная власть:
 Завладеет душой этот яд —
 Распалится любая страсть.
 Вспоминает старуха свой клад,
 И огнем разгорается взгляд,
 Будто в тусклых ее глазах
 Золотые монеты блестят,
 И быстрее старуха бежит,
 И уже не бежит — летит,
 Только ветер в ушах свистит!

Через гибельные леса,
 Где не бродят ни волк, ни лиса,
 Прямиком несется она,
 Сквозь болотный густой камыш,
 Где едва проберетсямышь,
 Напролом несется она.

Через сто степных кишлаков,
Через семь больших городов
Пробегаёт она тайком,
Над высокой горной грядой,
Над глубокой озерной водой
Пролетает одним прыжком,
Мчится ночью и мчится днем —
Тридцать дней и ночей подряд,
Не встречая нигде преград!

Все быстрее старуха бежит,
Будто заяц, спину согнув,
Мчится, выставив острый нос,
Будто птичий горбатый клюв.
Развешаются змеи волос,
От усталости тело болит,
От натуги печень горит,
А она все бежит и бежит,
И не в силах уже удержать
Свой стремительный, дикий бег,
Так не может ни зверь бежать,
Ни тем более — человек.
Будто вихрь её злой несёт,
И сама себя на бегу
По спине она пятками бьёт —
Подгоняет себя вперед.
Хоть совсем стара и страшна
И похожа почти на скелет,
Заплела косички она,
Как девчонка двенадцати лет.
Чтобы мчаться ещё быстрее
Не мешали волосы ей!

Наступает тридцатый день,
Начинает старуха считать,

Не сбавляя рыси своей,
 Начинает вслух бормотать:
 "Трижды три — это восемь дней,
 Дважды восемь — семнадцать дней,
 А семнадцать два раза взять,
 Получается тридцать пять,
 Девять дней мне еще бежать!" —
 Хоть и хитрой старуха была,
 Не умела точнее сосчитать.

Вот тридцатый день миновал,
 А старуха бежит и бежит,
 Тридцать пятый день миновал,
 А старуха бежит и бежит,
 По лесам, по уступам скал,
 По кустам, болотам бежит,
 С перевала на перевал,
 Обливаясь потом, бежит.
 Как собака, устала она,

Как щепы, исхудала она,
 Как унылый верблюжий горб,
 Изогнулась дугой спина.
 То и дело вздыхает: "У-ух!"
 И судьбу прокликает вслух,
 На обрывистый склон взбежит
 И с трудом переводит дух.
 Наконец над восточной горой
 День зарделся сороковой,
 И внезапно ей с крутизны
 Стали башни вдали видны.

Смотрит старая, рот раскрыв:
 А и вправду город красив!
 Что ни башня — словно скала,

Что ни улица — словно река,
Многолюдна и широка.
Вон богатый дворец стоит,
Как узорный ларец, блестит,
Вон майдан, вон большой базар —
Славный город воздвиг Шарьяр!
Как теперь исхитриться ей,
Чтоб туда попасть поскорей?
Видит: город рвом окружен
Глубиною в сорок локтей,
Крепостной стеной обнесен
Вышиною в сорок локтей,
А в стене — двенадцать ворот,
Но без спросу никто не войдет:
Подойдешь к воротам — замок,
Словно пес, охраняет вход,
И у каждого свой секрет,
Хочет — впустит, а хочет — нет.

Но не стала старуха кричать,
Кулаком в ворота стучать —
Надо в город тихонько попасть,
Осторожно дело начать.
Вдоль стены старуха идет
И высматривает тайком:
Не найдется ли какой-нибудь лаз.
Или трещина, или пролом?
Так весь город она обошла,
Но лазейки нигде не нашла.
Только с западной стороны,
У подножия толстой стены
Виден каменный круглый ход,
И арык сквозь него течет.
Мыслью дерзкою смущена,
У арыка встала она

И глядит, закусив губу:
Не пролезть ли в эту трубу?

Тут проделки вспомнились ей
Молодых, бесшабашных дней:
Как распутничала она,
Как паскудничала она!
А к тому же с северных гор
Ветерок холодный подул,
Будто в спину ее толкнул —
Сразу смелость в нее вдохнул.
И старуха, была не была,
Раздевается догола,
В узелок одежду кладет,
А потом, в чем мать родила,
Понадеявшись на судьбу
Да на старческую худобу,
Лезет в каменную трубу.

Но старухе не повезло —
Слишком тесным было жерло:
Голова пролезла в трубу,
И спина пролезла в трубу,
А как только до бедер дошло,
Стало ей совсем тяжело.
От натуги она кряхтит,
И в испуге она пыхтит:
Влезло туловище в проход
И застряло — ни взад ни вперед!
Жаль, что некому было взглянуть
На старухин плачевный вид —
На неслыханный срам и стыд:
Кто-то глухо в трубе рычит,
Голова и спина не видны,
Только зад снаружи блестит!

И могло бы на первый взгляд
Показаться со стороны,
Что во рву, у самой стены,
Две большие дыни лежат.

А тем временем с разных сторон
Налетела туча ворон:
С берегов, где течет Едил',
Прилетело двадцать ворон,
С берегов, где течет Жайык ²,
Прилетело тридцать ворон,
Вон летят еще пятьдесят,
Вон летят еще шестьдесят,
Собираются в стаю они
И от голода громко галдят,

Е д и л — ногайское название Волги.
Ж а й ы к — река Урал.

Отыскать добычу спешат
И над городом с криком кружат,
Вдруг глядят: у стены крепостной
Две большие дыни лежат!

Налетели вороны гурьбой
На старухин несчастный зад
И полакомиться хотят,
И по ягодицам долбят.
А старуха кричит: "Вай-вай!"
И ногами сучит: "Вай-вай!"
Но напрасно пятками бьет —
Не отгонит вороньих стай.
Их голодные клювы тверды,
Как железные кетмени,
Кожу до крови рвут они,
Ключья мяса клюют они,

А старуха из темной трубы
Все истошней вопит: "Вай-вай!"
Но проклятья ее и мольбы
Заглушает вороний грай.

Так старуху бог наказал
За бесстыдство и за обман:
Как лиса, попала в капкан,
Умереть бы могла от ран,
Но, как видно, помог шайтан:
Услыхал он ее мольбу,
Пожалел он свою рабу,
Протолкнул ее сквозь трубу...
Очутившись с другой стороны
Крепостной высокой стены,
Вся ободранная, в крови,
Кое-как оделась она,
Отдышалась, пришла в себя,
Лишь тогда огляделась она.
И хромая на каждом шагу,
И вздыхая на каждом шагу,
Утирая слезы и грязь,
От досады и боли кривясь,
Через город она поплелась.

Старая колдунья проникает во дворцовый сад, где ее обнаруживает садовник и приводит к Шарьяру. Старуха поражена красотой и мощью молодого батыра. Шарьяр тоже удивлен при виде уродливой, зловещей старухи, которая скорее похожа на исчадье ада, чем на обычного смертного человека. Старая колдунья рассказывает ему вымышленную историю о своем благородном происхождении и о злой судьбе, которая обрекла ее на вечные скитания. Шарьяр проникается уважением и состраданием к несчастной старухе, велит

усадить и угостить ее, а затем с нескрываемой гордостью спрашивает, как понравился ей воздвигнутый им новый город.

Ох, как ведьма была хитра:
 На Шарьяра взглянула она,
 И тотчас смекнула она,
 Что за дело братья пора.
 На батыра взглянула она —
 Сразу мысли его прочла,
 Нрав горяч его поняла,
 Сладко, вкрадчиво начала:

"Не гневись, дорогой ханзода⁵,
 Я правдивой была всегда,
 Хоть не мало моя прямота
 Принесла мне в жизни вреда.
 Все, что в городе есть твоим,
 Осмотрела я нынче днем,
 Потолкалась среди людей,
 Много улиц и площадей
 Из конца в конец обошла
 И скажу о столице твоей:
 Ничего чудесного в ней,
 Ничего интересного в ней
 Я, по правде сказать, не нашла, —
 От великой столицы твоей,
 Право, большего я ждала!
 То ли дело в нашем краю, —
 Мы живем как в земном раю,
 Чудесами наш край богат,
 Благодатней он во сто крат!
 Взять последнего бедняка,

⁵ Ханзода — сын хана, наследник ханского престола.

У кого ни арбы, ни вола,
 И семья у него велика,
 И делянка его мала,
 Кетменем участок рыхля,
 Неустанно трудится он,
 И оградой из шенгеля⁶
 Окружает он свой загон.
 Но поверь, что в моей стране
 Даже изгородь из шенгеля
 Всех садов пышнее твоих
 И дворцов стройнее твоих.—
 Вот какая у нас земля!"

От обиды Шарьяр закипел,
 Услышав такие слова,
 Гордый голос его зазвенел,
 Как натянутая тетява:
 "Хэй, почтенная, отвечай,
 Что же это за дивный край,
 Что за сказочная земля,
 Где ограда из шенгеля —
 Из колючего шенгеля,
 Из вонючего шенгеля
 Всех садов пышнее моих
 И дворцов стройнее моих?
 Отвечай! Но заранее знай:
 Если это — бесстыдная ложь,
 От меня живой не уйдешь!"

А старуха ему в ответ:
 "Что за прок мне напрасно лгать?
 И зачем на старости лет
 Буду грех я на душу брать?"

⁶ Ш е н г е л ь — вид колючего кустарника.

Есть на свете чудесный край,
Что похож на небесный рай,
Но зачем говорить о нем?
Все равно, дорогой ханзода,
Не добратся тебе туда!
Лучше мой рассказ позабудь,
Этот край отсюда далек,
Нужно ехать немалый срок,
Да к тому же тебе невдомек,
Как тяжел и опасен путь,—
Каждый шаг бедою грозит,
Только самый смелый джигит
Этот путь одолеть бы смог!
Ты же слишком молод пока,
Не окрепла твоя рука,
Да и жизнь беззаботна, легка,—
Позабудь об этом, сынок!"

Будто в грудь получил удар
Сразу с места вскочил Шарьяр,
Гнев с трудом побороть сумел,
Грозно голос его загремел:
"Хэй, старуха! Глянь на меня —
Разве я не могуч и смел?
Я с тобой, карга, не шучу —
Побывать в том краю хочу!"
И, старуху схватив за плечо,
Ей в лицо дыша горячо,
Обнаженный, кривой кинжал
Для острастки ей показал:
"Ну-ка, старая, отвечай,
Как найти этот дивный край?"

Но не только хитра — смела
Эта злая пройдоха была:

В гневе юношу увидав,
С тайной радостью поняла,
Что идут хорошо дела,
Что старалась она не зря —
Простодушного богатыря
Раззадорить быстро смогла!
И, Шарьяру в ноги упав,
Перепуганный вид приняв,
Так молить его начала:

"Подожди, подожди, батыр,
Не губи, пощади, батыр!
Раньше времени не хочу
Покидать этот бранный мир!
Не гневись, дорогой ханзода,
Не пылай, подобно огню,—
Я дорогу в чудесный край,
Что похож на небесный рай,
Так и быть, тебе объясню!

Если хочешь туда попасть,
Выезжай из восточных ворот,
Сразу путь заприметь на восход,
По нему и езжай вперед.
Много встретишь разных путей,
Ты же мчись и мчись на восход,
Знай: к желанной цели твоей
Только этот путь приведет.
Мчаться будешь ты много дней —
Их могу заранее счесть:
Полных месяцев ровно шесть
Надо ехать к цели твоей!
Много встретишь прекрасных мест
И ужасных, опасных мест,
Но не вздумай ехать в объезд,

А все время держи на восток.
Встретишь реки, леса, хребты,
Никуда не сворачивай ты,
Силы зря не растрчивай ты,
А все время спеши на восток, —
Вот тогда и увидишь ты
Край заветной своей мечты,
Край невиданной красоты.

Но скажу тебе прямо, сынок:
Осторожным и смелым будь,
Очень страшен, очень далек
Шестимесячный этот путь!
Реки бурные ждут тебя —
Могут путника иотопить,
В жадных водах похоронить,
И тогда захлебнешься, батыр,
Дэвы злобные ждут тебя —
Могут путника погубить,
В пропасть черную заманить,
И тогда задохнешься, батыр!
Будет ждать ненасытный огонь —
Он захочет тебя охватить,
Чтоб в золу тебя превратить,
И тогда не вернешься, батыр.
Будет ждать Аждарха-дракон —
Он захочет тебя скрутить,
А потом живьем проглотить,
И тогда не спасешься, батыр!

Если ж цели достигнешь ты
И в пути не погибнешь ты,
То увидишь такую страну,
Что затмит любые мечты:
Нет числа красивым садам,

Горделивым, большим городам,
Полноводные реки текут,
Плодородные земли цветут.
Но красивее всех садов,
Горделивее всех городов
Драгоценный город-рубин —
Златостенный Тахта-Зарин!
Кто хоть раз этот город видал,
Тот секрет красоты познал,
С той поры, как мудрец, живет.
Кто ни разу его не видал,
Тот земной красоты не познал,
Как в пустыне слепец, живет".

Продолжала старуха: "Не хватит слов,
Чтоб тебе, дорогой, описать, каков
Удивительный город Тахта-Зарин —
Этот самый прекрасный из городов!
Три стены окружают его: одна
Из червонного золота возведена,
А за нею стоит другая стена —
Из серебряных слитков возведена,
А за нею третья стена видна—
Из чистейшего жемчуга возведена,
Костью белой и красною скреплена.
Что ни башня — громадней горных вершин,
Что ни площадь — нарядней вешних долин,
Вот каков этот город Тахта-Зарин!
А основа его, как скала, прочца —
Отлита из крепчайшего чугуна,
Заходи в этот город ночью иль днем —
Одинаково ярко и солнечно в нем:
Столько дивных алмазов и жемчугов
На стенах и на кровлях горят огнем.
Много есть городов, но такой лишь один —

Ослепительный город Тахта-Зарин,
Удивительный город Тахта-Зарин!

Желая любой ценой завлечь Шарьяра в гибельный край, старая колдунья продолжает расхваливать ему чудеса этой далекой страны. Она напоминает юноше о том, что его почтенный отец — хан Шасуар — уже давно страдает тяжелым, неизлечимым недугом. Есть только одно средство продлить жизнь старого хана: для этого надо завладеть волшебной птицей, обитающей в чудесном городе Тахта-Зарин. Эту птицу зовут Бюльбильгоя,— сказочно красив ее вид, сладостно ее пение, а трех капель ее крови достаточно, чтобы исцелить любой недуг. "Завладей этой волшебной птицей!—уговаривает колдунья молодого батыра.— Она станет лучшим украшением твоего дворца, с утра до вечера будет петь она чудесные песни в твоём саду, а три капли ее крови на долгие годы продлят жизнь твоему старому почтенному отцу!"

А под конец старуха приберегла последнюю и самую главную приманку: она рассказывает пылкому юноше о владычице этой далекой страны — о юной красавице по имени Хундызша. Словно утренняя звезда, блистает она своей несравненной красотой,— в целом мире не найдется девушки прекраснее и нежнее. Один взгляд, одно слово этой юной красавицы способно осчастливить человека на всю жизнь. Глядя на нее, можно подумать, что это — не земная девушка, а прекрасная пери, сошедшая к людям с небес. Поклялась Хундызша, что выйдет замуж за того героя, который первым сумеет, преодолев все преграды, проникнуть в ее далекую страну — и притом непременно в одиночку, без воинов и провожатых. "Торопись, Шарьяр!— предупреждает колдунья взволнованного юношу.— Смотри, чтобы кто-нибудь не опередил тебя!"

Долго расхваливает старуха несравненную красоту юной владычицы, пока не убеждается в том, что теперь уже никакая сила не заставит Шарьяра отказаться от его намерения в одиночку отправиться в этот далекий, опасный путь. Тогда старая колдунья внезапно прерывает свой рассказ и исчезает.

Тщетно пытаются старые родители отговорить юношу от этого безрассудного решения, тщетно умоляет его сестра Анжим, предчувствуя неминуемую, страшную беду,— Шарьяр остается непреклонен. На следующее утро, оседлав своего могучего коня-тулпара, Шарьяр покидает ханскую столицу Белую орду и отправляется в путь.

Много преград и опасностей встречает Шарьяр во время своего шестимесячного пути, и только беспримерная сила и отвага спасают молодого батыра от грозящей ему на каждом шагу гибели. Достигнув чудесной цветущей страны, Шарьяр видит красивую крепость, обнесенную сплошной, "приступной стеной. На стене крепости он читает пророческую надпись. Удивленный тем, что у этой крепости нет ворот, Шарьяр решает непременно узнать, какая тайна скрывается за ее высокими стенами.

...Но недаром с детства владел
 Богатырь святым волшебством —
 Заклинанья читать умел
 С удивительным мастерством:
 В этот город, где нет ворот,
 Все равно он отыщет вход —
 Сквозь могучие стены пройдет!
 Взял он в руку комок земли,
 Наклонился над ним, пошептал,
 Древний заговор прочитал,
 Что любому камню знаком,

Трижды дунул — и бросил потом
Этот теплый комок земли
К основанью стен городских,
И от силы чар колдовских
Сразу стены в движенье пришли,
Будто жизнь на миг обрели:
Сразу дрогнули, затряслись,
Сразу надвое разошлись,
Разомкнулись с гулом глухим,
И сквозь яркую брешь в стене
Въехал всадник на гордом коне,
И сомкнулись стены за ним.

Едет всадник, глядит вокруг —
Изумительный вид вокруг:
За дворцами дворцы встают,
За садами сады встают,
Разноцветные птицы поют,
Водометы повсюду бьют,
А среди садов и дворцов
Видит он большой сархауз —
Словно зеркало, чистый пруд.
У пруда две чинары растут,
Две громадных чинары растут:
Тихо шепчут листвою они,
А в задумчивой их тени
Виден юрты купол цветной
Удивительной высоты,
Ослепительной красоты.

Разноцветна, красива она
И неслыханно дорога:
Покрывает остов ее
Пестротканая ушыга¹,
Снизу доверху блещут на ней

Чужестранные жемчуга,
 Позолотой яркой покрыт
 Драгоценный резной порог.
 И подъехал к юрте джигит —
 Удержать любопытства не мог.
 Смотрит юноша, восхищен,
 Вход в шатер на юг обращен,
 Чуть колышется полог дверной,
 Видно, был искусником ткач:
 Вышит полог тесьмой золотой,
 И узор, как огонь, горяч, —
 Что за хан или знатный богач
 Обитает в юрте такой?

Потихоньку с коня сошел
 И к порогу шагнул Шарьяр,
 Легкий полог — узорный шелк —
 Чуть дыша отогнул Шарьяр.
 Так и замер смелый джигит
 И в немом восторге глядит:
 Не богач и не старый хан —
 Чудо-пери в юрте сидит!
 Ясноглаза она, чиста,
 Словно утренняя звезда,
 Как стыдливая роза, свежа,

У ш ы г а — вид плотной шерстяной материи.
 Только сорванная с куста,
 Не надменна — скромна, проста,
 Хоть и знатная госпожа,
 И совсем молода — на вид
 Ей шестнадцати лет не дашь,
 На кошме белоснежной сидит
 И с подругой играет в шатраш.
 А по левую руку ее

Восседают двадцать рабынь,
 И по правую руку ее
 Восседают двадцать рабынь.
 То и дело хозяйке своей
 Угождают сорок рабынь:
 То шербету предложат ей,
 То прозрачные ломтики дынь,
 То душистого чаю нальют,
 То негромкую песнь запоют.

Изумился Шарьяр и подумал:
 "Что ж, А сгаруха-то, видно, была права!.."

И не мог удержать он сладкую дрожь,
 Вспоминая пророческие слова:
 "В том краю невесту свою найдешь —
 В мире нет чудеснее существа,
 Нет нежней и прелестнее существа!"
 Был могуч, был отчаянно смел батыр,
 А сейчас вспотел, оробел батыр,
 От волнения дрожит, сам себе говорит;
 "Что со мной? Или так я устал в пути?
 Сердце бьется, как глупая рыба в сети.
 Почему я дышать не могу почти,
 Почему я дрожу, будто зверь взаперти?
 Как мне быть? Как без спросу могу зайти —
 Разговор с красавицей завести?
 Чтобы скромность и вежливость соблюсти,
 Надо что-нибудь быстро изобрести!..
 Ну, а что если песню я ей спою —
 Про надежду мою и про страсть мою?
 Неужели мне сердце разрубит она,
 Неужели меня не полюбит она?
 Будь что будет! Одно только ясно мне:
 Осчастливит меня иль погубит она!.."

Так не силой — приманкою нежной решил

Приручить непокорную лань джигит,—
Отогнул узорную ткань джигит,
Начал петь задорную песнь джигит:

"Кто ты, чудо из чудес?
Сам я на небо залез?
Или ты сошла с небес
И явилась к людям, девушка?
Ты, как деревце, стройна,
Ты, как облачко, нежна,
И моя ли в том вина,
Что горю от страсти, девушка?"

Будто две живых змеи,
Вьются две косы твои,
Будто вестницы любви,
Реют крылья-брови, девушка,
Жемчуг — зубы у тебя,
Сливки — губы у тебя,
Ах, страдая и любя,
На тебя взираю, девушка!

Взор твой — сладостный капкан,
Косы — ласковый аркан,
Твой стыдливый, тонкий стан
Ты обнять позволишь, девушка?
Как наперсток, мал твой рот,
Он щебечет и поет,
Губы сладкие, как мед,
Пососать позволишь, девушка?

Платье пестрое разнять,
Груди-яблоки размять,
С ними вдоволь поиграть
Ты дружку позволишь, девушка?

В свой весенний, свежий сад,
Где налился виноград,
Где огнем горит гранат,
Ты войти позволишь, девушка?

Ты — царица, я — твой раб,
Но в пути устал, ослаб,
Приютить меня могла б
Ты в своих объятьях, девушка?
Или скажешь: "Прочь ступай
И пустое не болтай,
Не для нищих этот край!" —
И меня прогонишь, девушка?

Чтоб хоть раз тебя обнять,
Радость ласк твоих узнать,
В жертву жизнь свою отдать
Я готов немедля, девушка!
О, промолви мне: "Приди!" —
И склонись к моей груди,
Счастье ждет нас впереди —
Золотое счастье, девушка!"

Только начал Шарьяр эту песню петь,
Распахнулся настежь полог цветной,
И взглянула пери в проем дверной,
Чтоб пришельца дерзкого разглядеть.
Но чем дальше, джигиту внимала она,
Тем взволнованней трепетала она,
Крупный яхонт, спрятанный на груди,
Покраснев, торопливо достала она,
Поднесла его к солнечному лучу, —
И тотчас же старинная надпись на нем
Пламенеть начала золотым огнем.
И тогда к изумленью своих подруг

Госпожа всплеснула руками вдруг,
Рукавом заслонила лицо, застыдясь,
И слезами счастливыми залилась,
А когда успокоилась чуть погодя,
Улыбнулась, как солнце после дождя,
И, с батыра сияющих глаз не сводя,
Плавной поступью к юноше подошла
И восторженным голосом так начала:

"Ты ли это, желанный мой,
Предназначенный мне судьбой?
Не тебя ли в блаженном сне
Еренлеры сулили мне?
И согласие на это дала
Прародительница Бипатпа —
Всех невест и жен на земле
Покровительница Бипатпа!
Если так, да святится тропа,
Что под ноги коню легла
И тебя в наш край привела!
Подойди же ко мне, герой,
Подойди, гость желанный мой!

Ты ли это, лихой джигит,
Что по всей земле знаменит,
Справедливости твердый меч,
Обездоленных верный щит,
Что являлся так часто во сне
С семилетнего возраста мне?
С той поры я томлюсь и жду,
Все ищу тебя — не найду,
И одною мечтой живу:
Повидать тебя наяву!
Подойди же ко мне, герой,
Подойди, друг отважный мой!

Ты ли это, Шарьяр-храбрец,
Воплощенье геройских сил,
О котором мне говорил
Жулдыз-хан — покойный отец?
Предсказал он: "Семь долгих лет
Будешь ханствовать ты одна,
И немало невзгод и бед
Испытает наша страна,
А потом, на восьмом году,
Благороден и неустрашим,
К вам приедет юный батыр,
Чьей отваге дивится мир,
И супругом станет твоим!"
Так отец перед смертью сказал,
Мне в залог этот яхонт дал,
И не может быть, чтоб солгал
Чудотворный этот кристалл!
Подойди же, Шарьяр-герой,
Подойди, возлюбленный мой!

Знай: зовут меня Хундызша,
Красотой всюду славлюсь я,
Говорят, стройна, хороша
И любому понравлюсь я.
О батыр, завещанный мне,
В дивном сне обещанный мне,
Стань супругом моим — помоги
Нашей бедствующей стране.
Правду мне предсказал отец,
Не пришлось нам напрасно ждать,—
Так прими алмазный венец
И на трон золотой воссядь:
Не для девушки этот трон —
Для тебя предназначен он!

Здравствуй, добрый Шарьяр-герой,
 Будь владыкой в нашем краю,
 Я и тело, и душу мою
 Навсегда тебе отдаю!
 Здравствуй, смелый, желанный мой,
 Здравствуй, муж долгожданный мой!"

Так невесту себе отыскал наконец
 Молодой, благородный Шарьяр-храбрец,
 Вместе с нею вступил он в ханский дворец,
 Возложил на главу алмазный венец,
 Вместе с ней с торжеством великим взошел
 На высокий престол, золотой престол
 И велел, чтоб на свадьбу своей госпожи
 Собрались во дворец все муллы и хаджи.
 Собрались во дворец муллы и хаджи,
 Совершили священный, брачный обряд,
 И веселый пир, небывалый пир
 Для всего народа задал батыр,
 Был поистине сказочно пир богат —
 Ликовал народ сорок дней подряд...
 Счастлив был Шарьяр, ликовал душой,
 Любовался красавицей Хундызшой,
 С ней сокрылся на ночь в юрте большой,
 Что там было — об этом не говорят.

На следующее утро Шарьяр начинает расспрашивать свою молодую супругу, как найти ему волшебный город Тахта-Зарин. Встревоженная Х-ундызша просит его даже не называть имени этого проклятого города. Однако Шарьяр продолжает настаивать и объясняет своей жене, что ему необходимо завладеть живущей в этом городе волшебной птицей Бюльбильгоей, чтобы исцелить своего тяжелобольного отца. Три капли

крови этой птицы могут продлить на много лет жизнь старого хана Шасуара.

Убедившись в непреклонности его решения, Хундызша рассказывает своему мужу, что птица Бюльбильгоя — это могучая, злая волшебница, победить которую не удалось до сих пор ни одному отважному батыру. Много было бесстрашных героев, пытавшихся овладеть чудесным городом ТахтаЗарин, полным несметных сокровищ, — но еще ни один не вернулся оттуда. Всякий раз эта злая, коварная птица с помощью своих колдовских заклинаний умертвляла этих безрассудных храбрецов, превращала их навсегда в черные камни. Только силою святого волшебства можно укротить и победить коварную Бюльбильгоя, — но способен ли на это Шарьяр?

Молодой батыр рассказывает своей супруге, что вместе с сестрой Анжим его с детских лет воспитывал святой мудрец, открывший им многие тайны бытия, обучивший их многим священным заклинаниям. С помощью этих заклинаний проник Шарьяр в крепость Хундызши, с их помощью он надеется победить и злую птицу-волшебницу.

Тогда Хундызша достает из золотого сундука одежду своего покойного отца, — его доспехи, его пояс и нагайка должны помочь Шарьяру во время его смертельного поединка с коварной, беспощадной волшебницей. Выслушав наставления Хундызши, юноша прощается с нею и мчится на своем могучем коне-тулпаре к городу Тахта-Зарин.

В мучительной тревоге ждет Хундызша возвращения своего любимого супруга. С каждым днем растут ее тоска и тревога. Однажды Хундызша снова открывает заветный золотой сундук — и вскрикивает от ужаса. Охваченная безутешным отчаяньем, Хундызша понимает, что послала своего молодого

мужа на верную гибель, что из-за ее оплошности он не сможет победить злую волшебницу, что ей больше никогда не увидать своего возлюбленного!

Было это в рассветный час:
Тонкий месяц почти угас,
Лишь поблескивала сквозь туман
Голубая звезда Шолпан⁷.
Расстилалась синяя мгла,
Горы спали, и степь спала,
Люди спали в Белой орде
И не знали о близкой беде.

Почивала богатая знать,
Крепко спал трудовой народ,
Даже стража легла подремать
У больших городских ворот.
В пышном зале, грузен и стар.
Спал с женою хан Шасуар
И не ведал, какой удар
На заре его душу ждет.
А в узорном летнем дворце
Безмятежно Анжим спала,
И улыбка была светла
На весеннем ее лице.
Сном беспечным Анжим спала
С плеч ручьями коса текла,
И дремала длинных ресниц
Густочерная бахрома,
Что одна способна была
Всех джигитов повергнуть ниц
Всех красавцев свести с ума.

⁷ Ш о л п а н — планета Венера.

А тем временем издалека
Стук донесся звонких копыт:
В поле чей-то скакун храпит,
На бегу каменья дробит,
К городским воротам спешит.
Мимо спящей охраны вскачь
Пролетел благородный конь,
Сразу видно: красив, горяч
Этот чистопородный конь!
Но дорога была тяжела —
В алой пене его удила,
Но дорога была нелегка —
Хрипло дышат его бока,
Золотая узда на нем,
Дорогое седло на нем,—
Только нет в седле седока!

Смолк подков торопливый стук,
Словно вкопанный конь застыл,
Уши чуткие наострил,
Стал осматриваться вокруг:
Не слышать голосов нигде,
Не видеть огоньков нигде.
Дремлют люди в Белой орде
И не знают о страшной беде!
Видит конь узорный дворец,
Подбежал к дворцу жеребец,
Трижды вокруг дворца обежал,
Трижды возле дверей заржал,
Трижды стукнул копытом в дверь,
В нетерпении задрожал —
Встал бы кто-нибудь наконец!

Пробудилась от сладких снов,
Поднялась Анжим поскорей,

Только глянула из дверей —
 Сразу все поняла без слов!
 Хоть и нету у скакуна
 Человеческого языка,
 Но в тревожных глазах видна
 Человеческая тоска.
 Кровь течет с узды золотой,
 Хрипло дышат его бока,
 Умный конь вернулся домой,
 Но вернулся — без седока!

Прислонилась Анжим к дверям
 И не верит своим глазам:
 Да ведь это — тот самый конь,
 Тот стремительный конь-тулпар⁸,
 На котором полгода назад
 В путь отправился милый брат,
 Дорогой ее брат — Шарьяр!
 Что ж могло приключиться с ним —
 С молодым силачом таким,
 С удалым храбрецом таким?
 И внезапно рванулась Анжим —
 С воплем шею коня обняла,
 Страшной вести смысл поняла,
 Трепетать, рыдать начала
 И на помощь звать начала —
 Всех людей из Белой орды
 Сразу на ноги подняла!

И сейчас же со всех сторон
 Стал в тревоге сбегаться народ,—
 Словно в дни больших похорон,

⁸ Ту л п а р—сказочный крылатый конь.

Плач слышался, горький стон...

Над горой занялся рассвет,
Пробудился ханский дворец,
Появился и хан-отец,
И встревоженная Акдаулет,
У обоих на лицах испуг,
Не поймут, что творится вокруг,
Почему ни свет ни заря
Так народ расшумелся вдруг?
Или враг их застиг врасплох,
Или, может быть, только зря
Поднят этот переполох?..
Но к родителям дорогим
Подбежала с плачем Анжим
И в слезах обратилась к ним:

"Горе, страшное горе! Жестокий удар!
Прискакал без наездника верный тулпар!
Посмотрите: вернулся могучий скакун,
На котором уехал мой брат, мой Шарьяр!

Если выпадет снег, расцветут ли цветы?
Если мертв человек, оживут ли мечты?
О стремительный конь! Видно, брат мой погиб,
А иначе один не вернулся бы ты!

Знак несчастья я вижу на лбу скакуна:
Потерялся мой брат, я осталась одна!
О бесстрашный тулпар, где твой гордый седок?
Почему опустели твои стремяна?

Мчался всадник далеким, опасным путем,
И за брата молилась я ночью и днем.

Но не внял всемогущий молитвам моим,—
Где Шарьяр? Как мы правду узнаем о нем?

Что мне делать? Чего я, несчастная, жду?
Сердце ранено — чувствует большую беду.
Неужели мой брат на чужбине погиб,
Неужели его не спасу, не найду?

Горе, горе мне! Светоч надежды угас,
Кровь из сердца течет, слезы льются из глаз,
О премудрый аллах, справедливый аллах,
За какие грехи ты разгневан на нас?"

Так, жестокий жребий кляня,
Обнимая шею коня,
Говорила она в слезах.
Был почтенный хан потрясен,
Весь огромный стан потрясен,—
Словно утренний небосклон
Стал темнеть, чернеть на глазах,
Словно в мирной Белой орде
Все окрасилось кровью вдруг,
Только слезы видны вокруг,
Только стоны слышны вокруг,
И тоска воцарилась везде,
Будто неизлечимый недуг.
Все скорбели — и млад, и стар:
"Не вернулся домой Шарьяр,
Наш орел молодой — Шарьяр!.."

Сорок дней народ горевал,
Сорок дней поминки справлял.
Всем был дорог Шарьяр-батыр —
Молодой, удалой батыр,
Чьей отваге дивился мир.

Сорок дней тосковал и ждал
И поверить не мог народ,
Что герою пришел конец:
Может быть, день-другой пройдет,
И еще возвратится храбрец?
Сорок дней в десятках котлов
Днем и ночью варили плов
И шурпу из бараньих голов,
Закололи сотни овец,
Разослали сотни гонцов,
И тотчас же со всех концов,
Откликаясь на ханский зов,
Гости съехались во дворец.
Ибо так решил Шасуар:
Если, к счастью, жив и здоров
И вернется домой Шарьяр,
Этот сорокадневный пир
Будет в честь свидания с ним,
Если ж вправду пропал батыр,
Смертью горестной пал батыр,
Этот скорбный, плачевный пир
Будет в знак прощания с ним!
Гак в печальной Белой орде
Сорок дней пировал народ,
Сорок дней горевал народ.

Сорок дней, наконец, прошло —
Не явился домой батыр,
Завершился печальный пир,
Превратясь в поминальный пир.
Смолк в селениях стон и плач,
И тогда в свой дорожный плащ
Поутру облеклась Анжим,
Взяв суму и надев гулу
И аллаху воздав хвалу,

В дальний путь собралась Анжим.
 Сердца девичьего ее Безошибочное чутье
 Повторяло ей день и ночь:
 "Брату помощь твоя нужна,
 Можешь ты, только ты одна
 Брату гибнущему помочь!.."

Был у девушки твердый нрав,
 И, решенье такое приняв,
 Негасимой веры полна,
 В отчий дом явилась она
 И настойчиво стала просить
 У почтенной своей родни,
 Чтоб в неведомый край они
 Согласились ее отпустить —
 Согласились в далекий путь
 По-родительски благословить:

"Слушай, отец мой и вся дорогая родня,
 Больше в неведение жить не могу я ни дня,
 Встретиться с братом пускай мне поможет аллах,
 В путь отправляюсь — благословите меня!

Долго я плакала, злую судьбину кляня,
 В степь я пойду по следам вороного коня,
 Милого брата всю жизнь я готова искать,
 В путь отправляюсь — благословите меня!"

Отвечал ей отец — Шасуар седой,
 Отвечала ей добрая Акдаулет:
 "Отправляйся, да будет аллах с Тобой,
 Но послушай родительский наш совет.
 Говорят: терпеливого ждет благодать,
 Говорят: торопливого ждет беда,—
 Ты еще так неопытна, так молода,
 Мы тебе советуем подождать,

Дождалась бы ты месяца Сунбиле'
 А усталый конь отдохнет пока,
 Округлятся снова его бока,
 Веселее он в путь помчит седока.
 И, конечно, пешком не иди, Анжим,
 Быстрый конь в дороге необходим,
 Мы тебе стремительного бедеу⁹ —
 Скакуна породистого дадим.
 И, конечно, одна не иди, Анжим,
 Верный друг в дороге необходим,
 Самых смелых джигитов-богатырей
 В провожатые мы тебе дадим.
 А тогда помолись и в седло садись,
 И узорное знамя в руки возьми,
 И смелей поезжай в чужедальний край
 Вместе с самыми преданными людьми.
 В одиночку пойдешь — пропадешь, Анжим,
 А с друзьями пойдешь — цель найдешь, Анжим,
 Не безумной будь, а разумной будь,
 Зря отца и мать не тревожь, Анжим!"

Старикам поклонилась Анжим
 И сказала им так в ответ:
 "Дорогой мой отец Шасуар,
 Дорогая мать Акдаулет!
 Конь арабский не нужен мне
 И не нужен парчовый халат,
 И в дорогу не нужен мне
 Провожатых большой отряд.
 Как бы ни был вынослив конь,
 Но когда-то споткнется он,
 Как бы ни был крепок халат,
 Но когда-то порвется он.

⁹ Б е д е у — конь арабской породы.

Лучше в путь я одна пойду
И доверюсь судьбе своей,
Если хочет аллах помочь,
Он поможет рабе своей,
А его всемогущая длань
Самых сильных коней сильней,
Самых верных людей верней!

Если сяду я на коня —
На стремительного бедеу,
Если крепкие, как броня,
Окружат джигиты меня,
Все равно в далеком пути
У одних могут кони устать,
А другие — сами устать,
Среди гор и лесов отстать.
А чем больше стучит подков
И чем больше блестит клинков,
Тем заметнее для врагов!

Если недруги нас победят,
Уничтожат весь мой отряд,
И одна я смогу спастись,
И одна возвращусь назад,
Спросит мать о сыне своем,
Сирота — об отце своем,
Спросит брат о брате своем,
А вдова — о муже своем,
Что тогда им скажу в ответ,
Как тогда оправдаться мне?
Ведь погибнуть во цвете лет
Им пришлось по моей вине!

Если даже сама не спасусь,
В мой родимый дом не вернусь,

Все равно будет грех на мне —
От возмездья не уклонюсь.
Все равно Судный день придет,
Невозможно его избежать,
И тогда на глазах у всех
Мне придется ответ держать —
Перед богом за этот грех
Доведется ответ держать!
Спросит мать о сыне своем,
Спросит сын об отце своем,
Спросит браг о брате своем,
А вдова — о муже своем.
Будут спрашивать: где они?
Как тогда оправдаться мне?
Ведь погибнуть в былые дни
Им пришлось по моей вине!

Дайте посох железный мне,
Чтоб не мог иступиться в пути,
Дайте обувь железную мне,
Чтобы ей не сноситься в пути,
Спрячу я под одеждой меч
И кольчугой укрою грудь,
Завернусь я в дорожный плащ
И отправлюсь в далекий путь.
Весь подлунный мир обойду,
А любимого брата найду:
Если брат мой попал в беду,
Я на помощь ему приду,
Если ж пал он от вражьих рук,
Я закрою глаза ему,
Отомщу врагу своему
Или смерть от врага приму!"

Так своим родителям дорогим

Говорила взволнованная Анжим.
Поднялся седовласый хан Шасуар —
Дочь в дорогу далекую благословил,
Пожелал ей помощи высших сил,
И заплакала добрая Акдаулет—
Пожелала здоровья и счастья ей,
Пожелала вернуться домой скорей.
И узнал тем временем весь народ,
Что на поиски брата Анжим идет,
И столпился у городских ворот,
И молился, склоняясь ниц перед ней,
И желал ей долгих, счастливых дней!

Выйдя из восточных ворот Белой орды, Анжим отправляется на поиски своего пропавшего брата. Много разных дорог встречаются ей, но она твердо помнит, что путь ее лежит прямо на восток. Сначала Анжим идет по следам, оставленным копытами коня, но вскоре эти следы теряются в зыбучих песках. Анжим оказывается одна среди необозримой, выжженной зноем равнины.

Беспощадное солнце жжет,
И лицо заливает пот,
Сорок долгих, томительных дней
По безлюдью Анжим бредет.
Сорок долгих, мучительных дней
Вместо кровли — небо над ней,
Вместо ложа — камни под ней,
И чем дальше, тем путь трудней.
А железный посох стучит —
Будто гонит ее вперед,
А железная обувь гремит —
Отдохнуть в пути не дает,
И тревожные мысли томят:
Где Шарьяр, где пропавший брат?

Хоть, конечно, на легкий путь
Не рассчитывала она,
Но ни разу таких невзгод
Не испытывала она,—
По пустыне Анжим бредет,
Где живой души не видать,
Где напрасно звать и рыдать —
На подмогу никто не придет,
Лишь небесная благодать
Силы девушке придает.

Исхудала, иссохла она,
Постарели ее черты,
Стали щеки бледны, желты,
Словно вянущие цветы.
Голод мучит, и жажда жжет,
Солнце с неба огнем палит,
От усталости тело болит,
Кровь с израненных ног течет,

А железный посох стучит —
 Гонит, гонит ее вперед,
 И одна только мысль томит,
 Жгучей раной в душе горит:
 Где Шарьяра она найдет?

Повстречала она журавлей,
 Мчалась вдаль их стая-стрела,
 И по-птичьему говорить
 С ними девушка начала:
 "Птицы, вольные сестры мои,
 Много видит ваш зоркий взгляд,
 Вы не знаете, сестры мои,
 Где Шарьяр, мой любимый брат?.."

 Грустно крикнули журавли,
 И умчались прочь журавли,
 Потонули в сщней дали —
 Ничего ей сказать не смогли.

Повстречала она змею,
 Что по жгучим пескам ползла,
 По-змеиному говорить
 С нею девушка начала:
 "О всеведущая змея,
 Ты мудрее всех, говорят,
 Не слыхала ли ты, змея,
 Где Шарьяр, мой пропавший брат?.."

 Удивленно взглянула змея,
 Сокрушено вздохнула змея,
 Поскорей в нору уползла —
 Ничего ей сказать не смогла.

Дальше, дальше Анжим идет,
 По горам и степям бредет,
 По пескам и камням бредет

И ручьи переходит вброд.
 Беспощадное солнце жжет,
 И лицо заливаает пот,
 А железный посох стучит —
 Гонит, гонит ее вперед.
 Перепутались ночи и дни —
 Им давно потерялся счет,
 То ли месяц прошел, то ли год —
 Уж она и сама не поймет!
 Хочет пить — ни глоточка воды,
 Хочет есть — ни кусочка еды,
 По безводью она бредет,
 По уступам горной гряды,
 По безлюдью она идет,
 Где ни недругов, ни друзей,
 Где ни радости, ни беды,
 Где давным-давно не видны
 Человеческие следы.

Наконец даже посох устал —
 Иступился его металл
 О колючий, сухой песок,
 Об уступы гранитных скал
 И железная обувь в пути
 Износилась, истерлась почти, —
 Все трудней и трудней идти.
 И напрасно молилась Анжим,
 Чтобы брата скорей найти,
 От беды смертельной спасти, —
 Все слабей становилась Анжим,
 Истощила себя сполна,
 Исчерпала силы до дна.
 Кто поможет ей? Ведь одна
 В целом мире осталась она!
 Застонав, зашаталась она,

И, на камни упав ничком,
 Позабыла Анжим обо всем:
 И о дальнем пути своем,
 И о доме родимом своем,
 И о брате любимом своем,
 И, усталостью побеждена
 И беспомощностью поражена,
 Потонула в пучине сна.

Долго Анжим, обессилев от мук,
 Сном беспробудным спала,— как вдруг
 Сердце пронзил, ей внезапный испуг:
 Что так рокочет, грохочет вокруг?
 Яростным бубном долины гудят,
 Голосом трубным вершины гремят,—
 Как исполинский котел, бурля,
 Ходит под ней ходуном земля.
 На ноги быстро вскочила Анжим,
 Глянула в сторону северных гор,
 Видит: огромный черный дракон
 Лезет из чрева земли на простор.
 Верхней громадной своей губой
 Небо поддерживает дракон,
 Нижнею жадной своей губой
 Землю поддерживает, дракон,
 Дышит со свистом, как мощный верблюд,
 Хищные зубы камень грызут.

Вздрыгнула, страх ощутила Анжим,
 Глянула в сторону южных гор,
 Видит: огромный белый дракон
 Лезет из чрева земли на простор.
 Черный дракон его увидал,
 Черный дракон на него напал,
 И начался между ними бой!

Рушатся с громом обломки скал,
 Свет застилают тучи камней,
 Небо становится все мрачней,
 Грохот становится все страшней...
 Кто поединок тот повидал,
 Не захотел бы увидеть опять.
 Кто поединка того не видал,
 Может его небылицей считать.

Бились они семь ночей и дней —
 Белый дракон и черный дракон,
 Белый дракон оказался слабей,
 Черный дракон оказался сильней,
 Одолевает черный дракон,
 Слышится белого хрип и стон...
 Зорко Анжим из укрытья глядит,
 За поединком с волнением следит,
 "Надо помочь! — ее сердце твердит. —
 Слабым аллах помогать велит!"
 Меч свой булатный она извлекла,
 Быстро на гибельный склон взобралась,
 Черного чудища не страшась,
 Неумолимый удар нанесла —
 Тяжкий удар нанесла ему,
 Голову рассекла ему!
 Скорчился черный дракон, захрипел,
 Веки закрыл и навек присмирел.
 Сразу увидел белый дракон,
 Кем он от гибели был спасен, —
 Радостно оживился он,
 К девушке устремился он.
 Трижды пред нею склонился он!
 Раны свои облизал — и знак
 Девушке подал, чтоб шла за ним,
 И за драконом в подземный мрак

Смело последовала Анжим.
 Долго то шли они, то ползли
 Щелью извилистой, б недрах земли,
 Вышли из черных объятий земли,
 Город большой показался вдали.

А у высоких ворот городских
 Шумные толпы встретили их:
 Мощные дэвы склоняются ниц,
 Пери щебечут, как стайки птиц,
 Люди и дэвы танцуют, поют,
 Радости праздничной нет границ!
 Встречен был с честью великой дракон,
 Видно, был грозным владыкой дракон.

Девушку ввел он в дворцовый зал
 И на престол золотой указал:
 Не был подвешен трон к потолку,
 Но и до пола не доставал,—
 В воздухе трон тяжелый висел!
 А удивительный белый дракон
 Ловко взобрался на этот трон,
 Зорко придворных своих оглядел,
 Вдруг изогнулся крутой дугой.
 Вдрогнул, встряхнулся разок-другой,
 И через миг уже не дракон —
 Хан горделивый на троне сидел,"
 Статный, не старый и не молодой,
 С чуть поседевшюю бородой.

Заговорил он, к Анжим обратясь:
 "Здравствуй, отважный спаситель мой!
 Знай, я — прославленный хан Емен,
 Правлю обширную этой страной.
 Юноша смелый! В смертельный час

Ты от врага меня злейшего спас.
 Будь же не гостем в моем краю —
 Сыном моим возлюбленным будь:
 В знак благодарности дочь мою,
 Нежную, стройную Зауре,
 Свежую, будто цветок на заре,
 В жены сегодня тебе отдаю!"

Кончился пышный свадебный той,
 Звезды зажглись в темноте густой,
 Спать жендха уложили в шатре
 Рядом с красавицей Зауре.
 Юношей притворилась Анжим,
 К девушке привалилась Анжим,
 Правой рукою за грудь взяла,
 Левою за шею ее обняла,
 Но, зарыдав в безутешной тоске,
 Крепко ударив Анжим по руке,
 Так Зауре говорить начала:

"Горе мне, горе! Как дальше мне жить?
 Чем твое сердце смогу я смягчить?
 Вижу, не юноша — девушка ты,
 Как же со мной будешь ложе делить?"

Конь веселится и мчится стрелой,
 Если наездник — джигит молодой.
 Мы — две сестры, дорогая Анжим,
 Что ж по-мужски ты играешь со мной?
 Ты ведь такая же божья раба,
 Богу покорствовать — наша судьба.
 Что же меня ты сбиваешь с пути?
 Что ж по-мужски ты со мною груба?"

Время на дело пустое не трать,

Мужем тебя не могу я считать,
 Лучше давай, как подруги, играть,—
 Ленты друг другу в косы вплетать!"

Правду решив до конца скрывать,
 Стала невесту бранить Анжим,
 Стала притворно негодовать,
 Стала бедняжку срамить Анжим
 Девушку, плачущую в тоске,
 Звонко хлестнула она по щеке,
 "Стыдно отцу твоему!— говорит.—
 Все расскажу ему!— говорит.—
 Знай: ни в бою, ни в чужом краю,
 Ни на постели в твоём доме
 Честь незапятнанную свою
 Я оскорблять не дам никому!"
 К хану Емену в мраморный зал
 Утром пришли Зауре и Анжим,
 С первого взгляда хан увидал:
 Обе хотят объясниться с ним.
 И, удалив посторонних людей,
 Ласково к дочери бедной своей
 Так обратился хан-чародей:

"Дочь возлюбленная! Страдать
 И в тоске рыдать не спеши,
 Жизнь загубленную считать
 Не спеши, свет моей души!
 Я был прав, но и ты права,—
 Если хочешь это понять,
 Все должна ты узнать сперва,
 Не брани своего отца —
 Правду выслушай до конца:
 В день кровавый, когда в горах
 Лютый враг меня подстерег,

И на землю меня поверг,
 И в глазах моих свет померк,
 И объял мою душу страх,
 Я в тоске воззвал к небесам
 И в слезах обещал небесам,
 Что тому, кто спасет меня.
 Дочь единственную отдам!
 А когда небосвод посветлел,
 В час свершения добрых дел,
 Юный воин в стальной броне
 Устремился на помощь мне,
 Меч сжимая в левой руке¹⁰,
 Смело ринулся в смертный бой,
 В тот же миг догадался я,
 Что не юноша предо мной.

И когда, молода и смела,
 Острый меч Анжим подняла,
 Череп недругу рассекла
 И от смерти меня спасла,
 Истребила исчадь зла,
 Благодарность мою приняла
 И доверчиво вслед за мной
 По тропе подземной пошла —
 Шла, дыхание затаив,
 Как пугливая лань, стройна,
 И походка была плавна,
 Будто ласковая волна,

Я тогда уже понимал,
 Что не юноша—дева она!
 Во дворец я ее привел
 И решил оказать ей честь —

¹⁰ В народных легендах женщины держат оружие в левой руке.

Указал ей на свой престол,
Предложил на него воссесть,
Отказалась она, смущена,
И была стыдлива, скромна,
И тогда я опять увидал,
Что не юноша — дева она!

Что же дальше? Не я ли сам
Дал святой обет небесам,
Что тому, кто спасет меня.
Дочь единственную отдам?
Как я должен был поступить,
Чтобы выполнить свой зарок?
Ведь спасительницы моей,
Избавительницы моей
Я секрета открыть не мог!
И решение принял я,
Что останусь непогрешим:
Брачный ваш совершу обряд,
Если так небеса хотят!
А теперь, дорогая Анжим,
Ты одна только можешь решить:
Как должны мы отныне жить,
Чтоб аллаха не прогневить,
Перед небом не согрешить?"

Анжим рассказывает о себе и своих родителях, о том, как не вернулся ее брат Шарьяр из далекого скитания и как она решила сама отправиться на поиски брата, чтобы любой ценой узнать о его судьбе. Если Шарьяр жив, пусть Зауре станет его женой,— предлагает Анжим.— если же Шарьяра уже нет в живых, то Емен-хан может считать себя свободным от данного им обещания. "Слышал я о твоём брате, дорогая Анжим,— отвечал ей Емен-хан.— Нет его больше среди живых, но

нет его и среди мертвых!" И Емен-хан рассказывает потрясенной Анжим жестокую правду: отважный Шарьяр отправился в город Тахта-Зарин, вступил в смертельный поединок с волшебной птицей Бюльбильгоя, но коварная птица-волшебница победила — превратила Шарьяра в черный камень. Так и останется он черным камнем на вечные времена, если в конце концов не найдется такой герой, который сумеет победить злую волшебницу и освободить ее жертвы из каменного плена.

Пошатнулась Анжим, застонала Анжим,
 Без сознания чуть не упала Анжим,
 Услышав, что пропал ее милый брат —
 Черным камнем стал ее милый брат!
 Потемнел весь мир у нее в глазах,
 Обуяли душу тоска и страх,
 Пот холодный закапал с ее чела —
 Наконец в сознание она пришла
 И окрепшим голосом произнесла:

"О жестокая весть! О возлюбленный брат,
 Мой несчастный, навеки погубленный брат!
 Значит, жертвою стал ты коварных чар,
 Мой отважный, доверчивый, гордый Шарьяр!
 Небесами клянусь и землей клянусь:
 Лучше в дом родительский не вернусь,
 Но в жестокой беде не оставлю тебя,
 От загробных мучений избавлю тебя!
 Я отправлюсь в город Тахта-Зарин —
 В эту богом проклятую страну,
 Я с колдуньей сражусь один на один
 И тебе драгоценную жизнь верну!
 Или злую губительницу погублю,
 Или страшную участь твою разделю,

За тобой пойду даже в вечный ад,
Мой любимый брат, мой несчастный брат!.."

"Не спеши отправляться в Тахта-Зарин, —
Ей участливо молвил Емен-властелин, —
Много раз отправлялись туда храбрецы,
А назад не вернулся еще ни один!
Ничего не боится Бюльбильгоя —
Колдовская птица Бюльбильгоя,
Лишь святым волшебством ты ее усмиришь,
Но крепка ли волшебная сила твоя?
Знай, Анжим: если ты победишь ее,
То в рабыню свою превратишь ее,
Но беда, если будешь побеждена —
В черный камень будешь превращена.
Я, как дочь родную, люблю тебя
И на верную смерть не пошлю тебя,
А поэтому дай-ка проверю сперва:
Велика ли власть твоего волшебства?"

Приближенных собрал он в дворцовый зал,
А потом Зауре к себе подозвал,
Заклинанье вполголоса произнес —
И застыла она, будто в лютый мороз,
Как стояла, так и застыла она,
В бездыханный камень превращена,
И сердца придворных объял испуг —
Содрогнулись все, кто стоят вокруг.
И к Анжим с улыбкою обратясь,
Волшебством могучим своим гордясь,
Встал Емен-чародей и промолвил ей:
"Что ж, посмотрим, чье волшебство сильнее!
Видишь мощь таинственную мою?
Видишь дочь единственную мою?
Оживишь ее — продолжай свой путь,

А не сможешь — придется домой повернуть!"

Согласилась Анжим. И ничуть не смутясь,
 Перед девой застывшей остановясь,
 В состязание с ханом вступила Анжим,
 Заклинанье святое читать принялась —
 Избавляющее ото всех врагов,
 Разрешающее ото всех оков,
 Изгоняющее исчадья зла
 Заклинанье святое читать начала.
 И как будто настала весна на дворе,
 Начала оттаивать Зауре,
 Снова девичья грудь начала дышать,
 И открылись глаза, как цветы на заре,
 И в красавицу — ханскую дочь — опять
 Превратилась ожившая Зауре!

"А теперь еще разок поглядим,—
 Чародею спокойно сказала Анжим,—
 Я с твоим волшебством совладать смогла,
 Совладаешь ли ты с волшебством моим?"
 И к ожившей девушке подойдя,
 Заклинание снова Анжим прочла —
 От конца к началу его прочла,
 И опять Зауре к земле приросла,
 Замерла, как безжизненная скала,
 Будто вовсе живой никогда не была...
 "Оживи свою дочь, о премудрый хан!—
 Так Анжим с улыбкой произнесла.—
 Оживишь — обещаю домой повернуть,
 А не сможешь — дальше отправлюсь в путь!"
 "Значит, хочешь спор со мной продолжать
 Снисходительно усмехнулся хан
 И слова сокровенные стал шептать —
 Заклинанья священные стал читать.

Но чем дальше, тем больше дивился хан,
 Тем встревоженной становился хан,
 Пот катился градом с его чела,
 Руки, ноги судорога свела,
 Искривились губы, с трудом шепча,
 Заклинанья прерывисто бормоча,
 Но по-прежнему камень был недвижим,—
 Вот колдуньей какой оказалась Анжим!

Застонал в отчаянье чародей,
 Исказились от боли его черты:
 "О несчастная! Что натворила ты!
 Надо мной так жестоко шутить не смей!
 Помоги,— что угодно проси взамен,—
 Помоги, если можно еще помочь!
 Исцели мою дочь, оживи мою дочь!"—
 Так взмолился в ужасе хан Емен.
 Улыбнулась Анжим, к Зауре подошла,
 Осторожно дунула ей в лицо,—
 И, наполняясь дыханьем живого тепла,
 Ожила уродливая скала:
 Провела, вздохнув, рукой по лицу
 И очнулась застывшая Зауре,
 И сначала солнцу, потом отцу
 Улыбнулась ожившая Зауре.

Глянул хан на спасенную дочь свою,
 Обнял хан исцеленную дочь свою,
 Удержать был не в силах счастливых слез
 И взволнованным голосом произнес:
 "Много видел я магов, и колдунов,
 И гадателей, и толкователей снов,
 Но таких волшебниц, как ты, Анжим,
 Не встречал я — открыто сказать готов.
 Увидал я волшебную силу твою

И свое поражение признаю!
 Отправляйся смело в Тахта-Зарин,
 Я уверен: колдунью ты победишь,
 Мир от злобных чар ее оградишь
 И любимого брата освободишь!
 Да и я помогу тебе, чем могу,
 Чтоб скорей ты дорогу нашла к врагу,—
 Будь готова, Анжим, к роковой борьбе,
 Но победу предсказываю тебе!"

Громно хлопнул в ладоши Емен-чародей,
 И явился чудовищный великан.
 "Что желаешь, хан? Прикажи скорей!"—
 Прогремел он, склоняя могучий стан.
 "Голубой источник знаешь в горах?—
 Великану послушному молвил хан.—
 Там сейчас отдыхает конь Жахангир,
 На котором ездил царь Сулайман.
 За семь лет облетел весь подлунный мир
 И сейчас отдыхает конь Жахангир.
 Семь ночей и дней он уже проспал,
 И ему только час остается спать,
 А потом он отправится в путь опять,
 И тогда ни за что его не поймать!
 Сколько времени должен ты быть в пути,
 Чтоб туда эту девушку перенести?"
 "Если девушка сядет на плечи мне,
 Трех часов довольно будет вполне",—
 Отвечал ему с важностью великан
 Но сердито прогнал его Емен-хан.

Великана другого призвал чародей,
 Тот же самый задал ему вопрос,—
 Был он вдвое громадней, вдвое сильней,
 Оглушительным голосом произнес:

"Говорят, что туда — сорок дней пути,
 Ну, а мне и часу хватит вполне,
 Чтобы девушку на своей спине
 К Голубому источнику отнести!" —
 Так сказал, подбоченясь, второй великан,
 Но прогнал и его недовольный хан.

И еще великана позвал чародей:
 Был он втрое громадней, втрое сильней,
 Был он черен — чернее полнотной мглы —
 Великан по прозвищу Канбаслы.
 Зычным голосом хану он отвечал,
 И казалось, из тучи гром зарычал:
 "Если девушка сядет на плечи мне
 И хотя бы на миг закроет глаза,
 Чтоб туда отнести ее на спине.
 Одного мгновенья хватит вполне!"
 Так ответил властителю своему
 Великан по имени Канбаслы.
 "Молодец! — сказал Емен-хан ему. —
 Удостоишься ты моей похвалы!"

Емен-хан напутствует отважную Анжим, желает ей победы над коварной птицей-волшебницей, дает ей совет, как укротить непокорного коня Жахангира. Нелегко покорить этого могучего, крылатого коня: надо оседлать его, пока он крепко спит, потому что, проснувшись, он сразу же попытается сбросить с себя дерзкую наездницу. Он будет взлетать выше облаков, камнем падать вниз, в глубокие пропасти, но пусть беспощадно хлещет его Анжим своей нагайкой, пока не устанет крылатый конь, не подчинится ее воле, не поклянется ей именем великого Сулаймана, что станет отныне ее послушным слугою. И тогда пускай прикажет ему Анжим перенести ее в далекую страну —

в царство красавицы Хундызши, дочери покойного Жулдыз-хана.

Выслушав эти наставления, Анжим отправляется в опасный путь. Великан Канбаслы в одно мгновение переносит ее к Голубому источнику, возле которого крепко спит крылатый конь Жахангир. Отважной Анжим удается покорить неукротимого коня, и по ее приказу Жахангир переносит ее в столицу красавицы Хундызши.

С волнением узнает Хундызша, что незнакомая девушка, прилетевшая в ее крепость на крылатом коне,— это родная сестра Шарьяра, решившая любой ценой спасти своего погибшего брата. Как две любящие сестры, обнимаются Анжим и Хундызша. Горестно плача, рассказывает ей Хундызша о своей роковой ошибке: снаряжая своего мужа в дорогу, готовя его к смертельной схватке с волшебной птицей, она второпях забыла вручить ему самое главное — хранившийся в золотом сундуке перстень Сулаймана, оставшийся по наследству от далеких предков Жулдыз-хана.

Этот заветный перстень способен придавать человеку неистощимые силы, способен спасти его от любой беды. Без этого перстня нечего и думать о победе над коварной волшебной птицей Бюльбильгоей. Жизнью поплатился Шарьяр за непростительную забывчивость своей молодой супруги!

Анжим успокаивает безутешную Хундызшу, надевает перстень Сулаймана и сразу же чувствует себя вдесятеро сильнее и отважнее. На крылатом, стремительном Жахангире мчится она к волшебному городу Тахта—Зарин, чтобы отомстить проклятой колдовской птице, освободить ее жертвы из каменного

плена, вернуть к жизни своего любимого брата Шарьяра.

Мчится, мчится конь Жахангир
По степям, по горам крутым,
Мчится весел, неутомим,
Словно буря, неукротим,
И стремительно перед ним
Покоренные дэвы летят,
И крылатые девы летят —
День и ночь, сквозь огонь и тьму
Путь указывают ему...
И увидев Анжим на коне,
На прославленном скакуне,
В прах бросаются перед ней
Предводители всех зверей,
Даже грозный подземный змей,
Даже крохотный муравей —
Все склоняются перед ней,
И желают счастливых дней.

За поводья крепко держась,
Неустанно скачет Анжим,
Пламя, надвое разделясь,
Уступает дорогу им,
Воды, надвое разойдясь,
Очищают дорогу им,
Горы, надвое расступясь,
Открывают дорогу им!
Наконец на краю земли
Показался город вдали:
Башни высятся до небес,
Как зубцы могучих вершин,
Это — город Тахта-Зарин,

Страшный город Тахта-Зарин!
 Много там побывало бойцов,
 Молодых, лихих удальцов —
 Не вернулся еще ни один!

Захрапел Жахангир у ворот
 И в ворота копытом бьет,
 Открывается настежь вход,
 И готова на смертный бой,
 Острый меч сжимая в руке,
 Смело девушка едет вперед.
 Перед ней одна за другой,
 Золотясь драгоценной резьбой,
 Без усилья, сами собой
 Раскрываются створки ворот —
 Шестьдесят высоких ворот!

Едет девушка, смотрит кругом
 На волшебный Город чудес,
 Видит девушка: собраны в нем
 Все богатства земли и небес.
 Кто хоть раз этот город видал,
 Тот секрет красоты познал,
 С той поры, как мудрец, живет
 Кто ни разу его не видал,
 Тот земной красоты не познал,
 Как в пустыне слепец, живет.

Смело сходит с коня Анжим.
 Цель достигнута, наконец:
 Перед ней сверкает дворец,
 Как огромный, резной ларец.
 Близ дворца — лазоревый пруд,
 У пруда две чинары растут,
 Две чинары громадных растут.

В их тени, над зеркальной водой,
 Гордо высится трон золотой,
 А на троне клетка стоит,
 В ней, нахохлясь, птица сидит —
 Притворяется или спит?

Сразу девушка поняла:
 Это — страшная Бюльбильгоя,
 Завлекающая людей
 В эти гибельные края,
 Птица смерти — Бюльбильгоя,
 Усыпляющая людей,
 В бездыханные груды камней
 Превращающая людей.
 Безобидна она лишь на вид,
 Опереньем цветным блестит,
 Но под каждым ее пером
 И под каждым ее коготком,
 Под зубчатым ее гребешком,
 Под горбатым клювом-крючком
 Узелок смертоносный скрыт —
 Колдовскую силу хранит.

Из-за птицы волшебной той —
 Дьяволицы коварной, злой —
 Кто лишился богатой казны,
 Кто лишился любимой жены,
 Кто лишился друзей дорогих,
 Кто лишился родимой страны, —
 Много здесь побывало бойцов,
 Молодых, лихих удалцов,
 В этот город волшебный они
 Приезжали со всех концов,
 Но проклятая Бюльбильгоя
 Побеждала любых храбрецов,

Превращала их в мертвецов —
 В эти груды камней-близнецов,
 И лежат они с давних времен,
 Погруженные в каменный сон.
 И на груды угрюмых камней
 Устремив беспомощный взгляд,
 Вопрошает в тоске Анжим:
 Кто из них ее милый брат?
 Начинает плакать навзрыд
 И сквозь слезы так говорит:

"Плачу я, не могу эти слезы унять,
 Может только аллах мое горе понять.
 О мой брат! Я — Анжим, я — сестрица твоя!
 Неужели тебя не увижу опять?

Если ты не ответишь на эти слова.
 Значит, мало в молитвах моих волшебства.
 Ты в один из безмолвных камней превращен,
 Но, быть может, душа в этом камне жива?

О мой брат! О Шарьяр мой несчастный! Очнись!
 Перед взором сестры хоть на миг появись!
 Поклялась я погибнуть иль брата спасти,
 Где ты, милый Шарьяр, отзовись, отзовись!.."

Так бродила она среди черных камней,
 Очувтившихся здесь с незапамятных дней,
 Но напрасно звала и рыдала Анжим —
 Ни один из камней не откликнулся ей.

Но недолгой тоска была —
 Гнев почувствовала Анжим:
 Да, сразиться пора пришла
 С этой птицей — исчадьем зла!

Снова к трону она подошла,
 Снова стала тверда, смела,
 С хищной птицы глаз не сводя,
 Звонким голосом произнесла:

"Просыпайся, Бюльбильгоя!
 Наступила погибель твоя!
 Приготовься к смертельной борьбе,
 Я бросаю вызов тебе!
 Отомстить я за брата хочу,
 Стать суровой расплатой хочу,
 Биться днем и ночью хочу,
 Убедиться воочью хочу:
 Есть ли сила в твоей ворожке,
 Или это — пустой обман,
 А быть может, сам Сулайман
 Покровительствует тебе?
 Что бы ни было, так и знай:
 Или я — погибель твоя,
 Или ты — погибель моя!
 Просыпайся, Бюльбильгоя!.."

Тут проснулась Бюльбильгоя,
 Встрепенулась Бюльбильгоя,
 Распахнула клетку она,
 И взлетела на ветку она,
 Стала яростно трепетать,
 Опереньем грозно блистать,
 По-совиному хохотать,
 Заклинанья злые шептать,
 Хочет девушку умертвить,
 Хочет в камень ее превратить!

Устремив напряженный взор,
 Перед птицей села Анжим,

В состязанье — в смертельный спор —
С ней вступила смело Анжим.
Знает девушка, что глаза
Ни на миг закрывать нельзя,
И волшебной молитвы своей
Ни на миг прерывать нельзя.
Знает девушка, что она
Ни словечка забыть не должна:
Будет сразу побеждена —
Будет в камень превращена!

В небо взмыла Бюльбильгоя,
Закружилась над головой,
И слышался свист и вой,
Тонет мир во тьме грозовой,
Сразу все помрачнело кругом,
Сразу все потемнело кругом,
Будто камни с отвесных гор,
С неба рушится тяжкий гром...
Но душой не смутилась Анжим,
И ни разу не сбилась Анжим:
Вот уже десять тысяч слов —
Десять тысяч волшебных слов,
Побеждающих силы зла,
Без запинки она прочла!

Разозлилась Бюльбильгоя,
Ей на левое села плечо,
Клювом в левый висок долбит
И над самым ухом трубит,
И на помощь воду зовет,
И горбами вода встает,
И горами вода встает,
Брызжет пеною в небосвод...
Но душой не смутилась Анжим,

И ни разу не сбилась Анжим:
 Вот уже двадцать тысяч слов,
 Сокровенных, священных слов,
 Разрушающих чары зла,
 Без запинки она прочла!
 Разъярилась Бюльбильгоя,
 Ей на правое села плечо,
 Клювом в правый висок долбит
 И над самым ухом трубит,
 И на помощь огонь зовет,
 И клубами огонь встает,
 И столбами огонь встает,
 Лижет в ярости небосвод...
 Но душой не смутилась Анжим,
 И ни разу не сбилась Анжим:
 Вот уже сорок тысяч слов,
 Побеждающих силы зла,
 Разрушающих чары зла,
 Без запинки она прочла!

Видя это, еще сильнее
 Разъярилась Бюльбильгоя,
 И в медведя — владыку зверей
 Превратилась Бюльбильгоя.
 На дыбы поднялся медведь,
 Начинает грозно реветь,
 Выпускает когти медведь,
 Что желты и крепки, как медь,
 Надвигается, хочет напасть,
 Разевает клыкастую пасть,
 И десяток острых когтей
 В грудь и плечи вонзает ей.
 Кровь бежит из горячих ран,
 Обагрывает девичий стан,
 Нарастает жгучая боль,

Застилает глаза туман...
 Но никак не собьется Анжим,
 До сих пор не сдается Анжим:
 Девяносто тысяч и семь
 Сокровенных, священных слов,
 Избавляющих от врагов,
 Разрешающих от оков,
 Разрушающих силы зла,
 Без запинки она прочла —
 До конца молитву прочла!

А теперь, чтобы брата спасти,
 Чтоб с колдуньей счеты свести,
 От конца к началу она
 Повторить молитву должна:
 Всю молитву снова прочесть,
 Вплоть до первого слова прочесть —
 Лишь тогда совершится месть.

Снова в небо птица взвилась,
 С криком крутится, как волчок,
 Будто когтем злым зацепись
 За невидимый длинный крючок,
 В тучах вниз головой вися
 И пронзительно голося,
 Всю свою нечестивую рать
 Начинает на помощь скликать,
 И по воле ее колдовства,
 С воплем злобного торжества
 Лезут, лезут со всех сторон
 Омерзительные существа.
 Вся земля дрожит и гудит,
 Как тяжелые жернова,
 А бедняжка Анжим сидит —
 Замерла ни жива ни мертва,

Губы шепчут едва-едва,
Будто высохшая листва,
Все сильнее гудит голова,
Все трудней вспоминать слова...
Громом девушка оглушена
Злобной нечистью окружена
Но глаза не смежает она
И читать продолжает она,
И уже побеждает почти:
Чтоб себя и брата спасти,
Чтоб с колдуньей счеты свести,
Чтоб отрезать ей все пути,
Смертоносный удар нанести,
Лишь последнее слово ей
Остается произнести!

Тут такой громовой удар
Небеса и землю потряс,
Будто треснул мир пополам,
Будто свет навсегда угас,
Будто Судный день наступил —
Наземь рушится дождь светил...
И застыла в страхе Анжим,
На мгновенье лишилась сил.
Лишь последнее слово ей
Остается произнести,—
Напрягает память Анжим,
А не может его найти:
Укатилось оно во мрак,
И его не сыскать никак!

И дрожа, как осенний лист,
Слыша бури грохот и свист,
Глядя в дьявольский мрак и дым,
Понимать начинает Анжим,

Что на гибель обречена,
 Что волшебницей побеждена,
 Что на вечные времена,
 Бесконечные времена
 Будет в камень превращена!

И тогда, в тот ужасный миг,
 В тот смертельно-опасный миг,
 Мертвый брат — незабвенный брат —
 Перед ней, как живой, возник:
 Горек стон его, страшен вид,
 Он, как саваном, тьмой обвит,
 И отчаяньем взор горит,
 В нем жестокий укор горит,
 И сестре этот взор говорит:
 "Если слова ты не найдешь,
 Нас обоих погибель ждет!
 Если брата ты не спасешь,
 То никто меня не спасет!.."

И увидев страданья его,
 И услышав стенанья его,
 Силы девушка собрала,
 Память девушка напрягла,
 Снова в руки себя взяла
 И забытое слово нашла!
 Сокровенное снова нашла —
 Драгоценное слово нашла
 И его из последних сил
 Еле слышно произнесла...

И тотчас же стихла гроза —
 Оглушительная гроза,
 Перестала мир сотрясать
 Разрушительная гроза...
 Ничего не поймет Анжим,

Подняла удивленно глаза,
 А над нею не мрак, не дым —
 Ослепительная бирюза!
 Были только что тучи мрачны,
 Гром обрушивали с вышины,
 Но исчезли они, унеслись,
 Как туман, как дурные сны.
 Унеслись колдовские сны,
 И опять небеса ясны,
 И среди тишины слышны
 Только легкие вздохи весны.
 А у ног, на взрытом песке,
 Как комок цветного тряпья,
 Клюв разинув в бессильной тоске,
 Растопырив когтей острия,
 Как побитая палкой, лежит,
 Смертной дрожью жалкой дрожит
 Оглушенная Бюльбильгоя,
 Побезженная Бюльбильгоя.

Поднялась Анжим поскорей,
 Торопливо сделала шаг,
 Наступила на горло ей:
 "Погибай, мой смертельный враг!"
 И заносит девушка меч —
 Хочет голову птице отсечь,
 Дьяволицу на гибель обречь!

Тут взмолилась Бюльбильгоя:
 "О мучительница моя!
 Не руби, не губи меня,
 Победительница моя!
 Ах, родившись на этот свет,
 Тяжко гибнуть во цвете лет!
 Безоружную птицу убить —

Никакой в этом доблести нет.
 Не затем ты взяла этот меч,
 Чтобы кровь проливать мою..."
 "Не проси!— отвечает Анжим.—
 Все равно я тебя убью!"

"Если я шестимесячный путь
 Превращу в однодневный путь,
 Чтобы завтра же ты смогла
 На родителей старых взглянуть,
 Чтоб увидела отчий дом,
 Всю родную свою семью?.."
 "Не проси!— отвечает Анжим.—
 Все равно я тебя убью!"

"Если в край отдаленный твой
 Этот город перенесу,
 Чтоб затмил он своей красой
 Богатейших столиц красу,
 Чтоб владычицей стала ты
 В благодатном своем краю?.."
 "Не проси!— отвечает Анжим.—
 Все равно я тебя убью!"—

"Если я отдала бы тебе
 Всю бесчисленную казну,
 Мой дворец, мой трон золотой,
 Эту сказочную страну?
 Если все, что есть под землей,
 Отдала бы во власть твою?
 Если все, что есть над землей,
 Отдала бы во власть твою?.."
 "Не проси!— отвечает Анжим.—
 Все равно я тебя убью!"
 И заносит булатный меч,

Чтоб не слушать коварную речь,
Чтобы голову птице отсечь.

Завопила Бюльбильгоя:
"О губительница моя!
Ты отныне и навсегда —
Повелительница моя!
Знай, никто из батыров не мог
До сих пор победить меня,
А тебе усмирить меня
Сулайманов перстень помог:
Он упорство тебе придавал,
Силы в душу твою вливал,
Знай, отважная: если б не он,
Погрузилась и ты бы в сон —
В беспробудный каменный сон.
Ты избегла напасти моей,
И теперь я во власти твоей,
Но дослушай меня до конца,
Не губи меня, пожалей!
Если всем, кто с давних времен
В эти камни был превращен,
Прежний облик я возвращу —
Их опять в людей превращу,
Если встретишься с братом своим,
Убедишься, что он невредим,
Неужели меня умертвишь?
Неужели не пощадишь?.."

"Если ты шестимесячный путь
Превратишь в однодневный путь,
Чтобы завтра же мы смогли
На родителей старых взглянуть,
Если сможешь в наш край родной
Этот город перенести

Вместе с тронном своим золотым
 И бесчисленною казней,
 Если с нами останешься жить,
 Поклянешься нам верно служить,
 Будешь петь во дворцовом саду,
 От врагов наш край сторожить,
 Если жертвы свои воскресишь,
 Их опять в людей превратишь,
 Если встречусь с братом моим
 И увижу, что он невредим,
 Так и быть, пощажу тебя!"
 Наконец согласилась Анжим.
 Трижды птица, склонясь к земле,
 Повторила клятву свою,
 И поверила ей Анжим —
 Отпустила Бюльбильгою.
 Устремила на ветку она,
 Возвратилась в клетку она,
 Развернула оба крыла,
 Хохотать, трепетать начала,
 Заклинанья шептать начала
 И внезапно — вот чудеса! —
 Из камней раздались голоса,
 Человеческие голоса.

Загудела груда камней —
 Этих черных чудо-камней —
 И задвигалась, и на глазах
 Превращаться стала в людей:
 Протирали глаза с трудом
 И потягивались они,
 Будто спали мертвецким сном
 Бесконечные ночи и дни,
 И забавно было глядеть,
 Как топорщились их усы,

Как зевали, кривились рты
И как морщились их черты.
В первый миг еще ни о чем
Не догадывались они,
Удивленно смотрели кругом,
Переглядывались они,
Ослепленные ярким днем,
Солнцу радовались они!

Где валялись в траве густой
Семь десятков тысяч камней,
Поднялись могучей толпой
Семь десятков тысяч людей
Семь десятков тысяч бойцов,
Снаряженных в путь храбрецов,
Что лежали с давних времен,
Погруженные в каменный сон.
Будто войско, готовясь в бой,
Стал смыкаться за строем строй,
И спасенный от злобных чар,
Во главе их стоял Шарьяр —
Невредимый, живой Шарьяр!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Каракалпаки, населяющие низовья Аму-Дарьи (Приаралье), — народ с богатой песенно-музыкальной культурой. Знаменитый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов оставил нам в 1840 году такое свидетельство: "Каракалпаки почитаются в степях первыми поэтами и песенниками".

Народные песни, многие из которых родились еще в давние времена, продолжают звучать на берегах Аму-Дарьи. Каракалпакский народ бережно сохраняет и своеобразный мелодический строй, и глубоко поэтические тексты своих старинных песен. Больше всего развито сольное пение. Некоторые песни исполняются двумя-тремя певцами в сопровождении инструментального ансамбля.

"Жырау" — народные певцы — исполняют старинные героические поэмы под аккомпанемент кобыза. Не менее популярны "баксы", исполняющие перед слушателями лирические и лиро-эпические дастаны и народные песни. Баксы поют под аккомпанемент дутара.

Народные певцы отличаются исключительной памятью и пользуются большим почетом. Например, заслуженный жырау Каракалпакии Курбанбай Тажибаев (1876—1958) знал наизусть 112 тысяч стихотворных строк. Таков и известный баксы, композитор-мелодист Жапак Шамуратов — народный артист Узбекской ССР и Каракалпакской АССР чьи заслуги в развитии песенно-музыкальной культуры своего народа завоевали большую любовь и широкое признание.

В наши дни на берегах Аму-Дарьи все слышнее звучат и новые мелодии. В автономной республике

каракалпаков создан Музыкальный театр драмы и комедии, филармония, открыты музыкальные школы и музыкальные училища, народные театры. Художественная самодеятельность республики насчитывает десятки хоровых и танцевальных коллективов, оркестров национальных инструментов.

Социалистические преобразования в советской Каракалпакии породили и новые песни.

ПЕСНИ ЮНОШЕЙ

МОЯ КРАСАВИЦА

Красавица моя, я буду краток,
Послушай песню и меня прости.
Я жизнь свою, верней, ее остаток,
Хочу с тобою рядом провести.

Меня за песни чудаком считают,
Смеются все, мне трудно жить с людьми.
Меня лишь мать родная понимает,
Прошу тебя, и ты меня пойми!

СЛАДКИ ТВОИ ГУБЫ

На горе стоит твой дом,
Мой от твоего далек,
Я хочу быть лепестком,
Если ты цветок!

Раскрываются цветы.
Я не рву их — пусть растут.
Милая, когда б не ты,
Я бы не жил тут.

МИЛЫЙ ДРУГ

Что ж, милая, я чувствую давно:
Любить, меня, как прежде, не сумеешь.
Я рад бы слез не лить, — ведь все равно,
Как раньше, ты меня не пожалеешь.

Уж скоро рассветет, но до сих пор
Я не уснул, глаза мои слезятся.
О нет, был не таким наш уговор,
Не думал я с тобою расставаться.

Душа твоя казалась мне цветком,
Но ты передо мною не раскрылась.
Ты не цветком была, а стебельком, —
Перед кем согнулась ты, скажи на милость?

ДУЕТ ВЕТЕР

Ветер дует, разгоняя тучки,
Тонкие цветы к земле клоня.
Может ли какой-нибудь разлучник
Разлучить с возлюбленной меня?

Я сижу, мечтаю, мне не спится,
О тебе я думаю всю ночь.
Если горе в дверь твою стучится,
Позови — приду тебе помочь.

Поведу коня я к водопою,
Пусть напьется конь мой вороной,
Коль беда стряется, все равно я
Думать буду о тебе одной!

ВОН ДВЕ КРАСАВИЦЫ ИДУТ

Вон две красавицы идут, плывут, как чайки на воде,
Посмотришь, счастьем на тебя плеснут, как чайки на
воде.

Подруги две и пери две, красой друг друга оттенив,
Лукавым взглядом обожгут, блеснут, как чайки на воде.

Не роза ль с лилией вдвоем, в своем несходстве хороши,
Не две ли Шахсенем¹¹ к себе зовут, как чайки на воде.

Из дома выбежав, к губам приставив звонкий
чинкобыз¹²,
Они играют и поют, снуют, как чайки на воде.

Одна, как полная луна, другая тоже, как луна.
Не две ли птицы счастья тут плывут, как чайки на воде.

Влюбленные, Гарибы их — пусть в этом им поможет
бог!—
У них и ласку и приют найдут, как чайки на воде.

ГДЕ БЫ Я НИ БЫЛ...

В шелковом платье ты, ножка едва на виду,
Ты — за водою, я следом по тропке пойду,
Косы откину, румяную щечку найду,—
Где бы я ни был, все мысли мои о тебе.

¹¹Шахсенем — героиня восточной поэмы "Шахсенем и Гариб:

¹²Чинкобыз — губной музыкальный инструмент.

Синий бешмет твой, и пряжка с узором резным,
 Быть я хочу — не терзай меня! — милым твоим.
 Не разрешай поцелуя джигитам другим!..
 Где бы я ни был, все мысли мои о тебе.

Стану я талом тенистым над тихим прудом,
 Ночью — возлюбленным, днем — тебе буду рабом,
 О подойди, обниму твои плечи тайком, —
 Где бы я ни был, все мысли мои о тебе.

ПОИЩИ САМА

Посмотришь на север — гора Хусхана,
 Там тучи слепней, чуть настанет весна.
 Лежу я в траве, расцветает акбас¹³,
 Коль нужен любимой, пусть ищет она!

Весна наступает, — летят журавли,
 И серые гуси кружатся вдали.
 Любимая, что ж ты приветов не шлешь?
 Коль нужен, дошла бы до края земли!

С горы Хусхана отступает зима,
 И злые слепни меня сводят с ума...
 Смотри же, могу я другую найти,
 Коль нужен, приди поскорее сама!..

ДАЙ ВОДЫ

—Ой, дженге, не ты ль горшок
 Расколола вдруг?
 Дай испить воды глоток

¹³ Акбас — цветок с белыми, пушистыми семенами.

Из веселых рук!

—Ой, джигит, ты так красив,
А слова худы...
Новый мне горшок слепив,
Попроси воды!

—Ты со мною не шути,
Стоя над рекой,
Милую могу найти
У реки другой!

МУХАЛЛЕС¹⁴

Где вы стрелы ресниц? Как давно дорогой я не видел!
Молодого лица, что сравнится с луной, я не видел,
И надежды сильнее, чем на встречу с тобой, я не видел.
И красавиц, затмивших тебя красотой, я не видел...
Даже в райской обители страсти такой я не видел!

Весь Хорезм я объездил, стояла весна на дворе,
Побывал на Кавказе, в Балканах, в седой Бухаре,
Вот Яркенд, Гиждуван, Самарканд, Каракол на горе,
И Карши, и Гузар,— где ж подобная вешней заре?..
Даже в райской обители страсти такой я не видел!

Вот Дамаск и Египет, Шамдрат, Астробада полынь,
В Хамдурилле, в Чимкенте я первых попробовал дынь,
Вот Майкуп, Ходжамбе,— пересек я немало пустынь,
Бороздил и морскую, всегда беспокойную синь.
Но и в райской обители страсти такой я не видел!

¹⁴ М у х а л л е с — одна из традиционных стихотворных форм в восточной поэзии.

Я скитался по свету, разлукой с тобой удручен,
 Наконец-то мы встретились — это был пламенный сон!
 Ты ласкала скитальца... Тоской по любви истомлен,
 Я тебя обнимал, грудь твою целовал, упоен,—
 Даже в райской обители страсти такой я не видел!

ЗАХОДИТЕ В ЮРТУ, ДЕВУШКИ!

Вот и переправа, берег тополиный,
 И джигит бросает с лодки взгляд орлиный.
 Коль в сопровожденье вы невестки чинной,
 Заходите в юрту, девушки, на пир!

Утки пролетают над речным простором,
 Голубые гуси плещут по озерам.
 Коль надели платье с золотым узором,
 Заходите в юрту, девушки, на пир!

Их зову я в юрту, а они ни с места,
 Каждая в смущенье, рдеет, как невеста,
 Так глядят пугливо курочки с насеста.
 Эй, Гульзар, зови-ка девушек на пир!

Девушки, войдите легкими шагами.
 И на нас взгляните ясными глазами,
 Посидите с нами да попойте с нами,
 Заходите в юрту, девушки, на пир!

ЧТО В ТВОИХ ГЛАЗАХ ЗАТАЕНО?

В смущенье опускаешь ты ресницы,
 Я прохожу — ты не глядишь в окно.
 В моих глазах давно любовь таится,
 А что в твоих глазах затаено?

Быть лишь кольцом твоим или запястьем,

Быть лишь рабом твоим считаю счастьем,
 Все потеряв, я у тебя во власти,
 Но что в твоих глазах затаено?

Повержен я во прах, не в силах встать я,
 Любовь моя — не радость, а проклятье.
 Все, чем владею, рад тебе отдать я,
 Но что в твоих глазах затаено?

Вершины гор подернуты туманом,
 Ужель твоя любовь была обманом,
 Ты — Саятхан, твоим не быть мне ханом,
 Но что в твоих глазах затаено?

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ, ЛЮБИМАЯ!

Я знаю, улетают в дальний край
 Все птицы, кроме птицы карабай,
 Не оставляй меня, не улетай,
 Не покидай меня, моя любимая!

Пусть птицы улетят за сто морей,
 Не улетят орел и воробей,
 И ты со мной останься, пожалей,
 Не покидай меня, моя любимая!

Кто знал, что будет жребий твой таким?
 Кто знал, что будет твой жених кривым?
 Скажи родным, пусть возвратят калым,
 Не покидай меня, моя любимая!

Пусть осенью все птицы улетят,
 Они весною прилетят назад,
 Ты ж, улетев, вернешься к нам навряд,
 Не покидай меня, моя любимая!

ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ

КУКУШКА

В горах — "ку-ку", "ку-ку" — кукует птица,
Кукует — значит лето настает.
Тревожно сердце бьется, в грудь стучится,
Стучится — значит милый мой придет.

"Ку-ку", "ку-ку" — кукует, плачет птица,
Она в горах, а соловей в саду.
А где теперь и скоро ль возвратится
Желанный тот, кого так долго жду?

ТОСКА ПО ЛЮБИМОМУ

На пути в Кальджу расчет камыш,
На пути в Кальджу покой и тишь.
О тебе тоскуя,
Вдаль гляжу я,
Ну, а ты в чью сторону глядишь?

Дынями богат участок мой,
Угостить смогу тебя зимой.
Объясни на милость,
Что случилось:
Путь забыл ты — едешь стороной!

У тебя есть конь, на лбу звезда,
Почему ж не скачешь ты сюда?

Видно, зря вздыхаю,
 Ожидаю,
 Видно, не приедешь никогда.

ТОЙ

Без веселой пляски скучен той,
 И на свадьбе музыка нужна.
 Без любимой парень молодой.
 Скучен сам и жизнь его скучна.

Не видать джигита моего, —
 Где он, что моих не слышит слов?
 Если б знал, как я люблю его,
 Был бы он, как я, на все готов.

ПЕСНЯ НАЗУК

Изо всех из четырех
 Ни один джигит не плох.
 Но из четырех — мой милый
 Самый стройный, видит бог.

Тает снег — вода мутнй,
 Ну, а где чиста она?
 Где спаситель мой? Ужели
 Я на смерть обречена?

Степи — не измеришь их,
 Цепи на руках моих,
 На душе — тоска, тревога:
 Где ж отважный мой жених?

Средь ущелий и камней
 Я скрываюсь много дней

Средь людей, сюда идущих,
Не видать родни моей.

Нет джигита-храбреца,
Нет от слез на мне лица,—
Видно, у разлуки нашей
Есть начало, нет конца.

ВЫСОКИЙ ЧИНАР

Этот чинар — высокий чинар,
Не тронешь его, не обломишь ветвей,
А ветви обломишь — засохнет чинар,
И места в саду не найдет соловей.

Этот чинар — высокий чинар,
Ты знал сюда путь, а теперь позабудь!
Иль в сердце моем отгоревший пожар
Ты хочешь раздуть — и опять обмануть?

МНЕ БЫ КУХНЮ

Вот бы кухню мне с плитой большой!
Мне дворец, ей богу, ни к чему.
Был бы милый с доброю душой,
Что невзрачен, я прощу ему.

Подошел джигит ко мне весной,
До сих пор кружится голова,
И не красота тому виной,
А его душевные слова.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Чтоб одержимым каландаром быть,
Ты должен кудри отрастить до плеч.

Чтоб быть влюбленным, мало полюбить;
Ты должен быть готовым жертвой лечь.

Кто жгучих слез не лил, лишенный сил,
Не понимает радости любви,
Кто горечи разлуки не вкусил,
Не понимает сладости любви.

Кто не страдал из-за любви своей,
Тот не оценит верности жены.
Зимы не переживший соловей
Не понимает прелести весны.

* * *

В шелк и бархат я одета.
На руках по два браслета,
Дом велик мой, муж старик мой,
В доме я, а сердце где-то.

Дом велик, а счастья нет,
Что ни день, встаю чуть свет.
В доме собственном батрачка
Я с четырнадцати лет.

Пыль в степи, песок в реке,
Мгла клубится вдалеке.
Ночью звездной муж мой грозный
Скачет с плеткою в руке.

КОГДА, ЛЮБИМЫЙ, МЫ СОЕДИНИМСЯ?

Холодный ветер треплет мой платок.
От слез моих и от твоих дорог
Свет для меня угас и мир поблек,
Когда, любимый, мы соединимся?

Когда я, милый, твой услышу зов?
 Когда своим я назову твой кров,
 Своими — деревья твоих садов,
 Когда, любимый, мы соединимся?

Туман сгустится, иль пробьется свет?
 Мечта осуществится или нет?
 Иль буду я седой, ты будешь сед,
 Когда, любимый, мы соединимся?

Где ты: в пустыне, на горе крутой?
 Ужель моя мечта была пустой?
 С тобою в этой жизни или в той,
 Когда, любимый, мы соединимся?

* * *

Я была стройна, я была бела,
 Стала я черна с тех пор, как ты уехал.
 Красота моя при тебе цвела,
 Отцвела она с тех пор, как ты уехал!

Где-то гром гремит, тучи вдалеке,
 Горьки стали дни с тех пор, как ты уехал,
 Платья в сундуке, бусы на замке,
 Для чего они с тех пор, как ты уехал?

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Сидела, торопилась, чай пила,
 Вот и разбилась быстро пиала,
 Любили мы, друг к другу мы стремились,
 Соединились — жизнь нас развела.

Рабой я буду другу своему,

Придет домой — чапан с него сниму,
Его я пожалею, чай согрею,
Там, где теплее, постелю кошму.

В саду нет вишен, яблони одни,
Не там ли милый мой стоит в тени?
Когда мы с милым другом будем вместе,
Ужель такие не наступят дни?

Ты розы посадил в краях родных,
Но соловей чужой глядит на них.
Коль милую в родном краю оставил,
Зачем в краю чужом искать других?

* * *

В излучине реки водоворот.
Мой брат в скитанье уж который год.
Где брат мой милый, где его могила
Иль дом чужой, в котором он живет?

На берегу ольха совсем одна,
Как саван, мой халат из полотна,
Я жалуюсь, я плачу, кличу брата,
Но жалоба моя кому слышна?

НЕ ЛЕТИШЬ ТЫ В МОЙ ЦВЕТУЩИЙ САД

Ты отвернулся, встал ко мне спиною,
Пришла к тебе, а ты совсем не рад,
Ни словом ты меня не удостоил,
Не просветлел твой омраченный взгляд.

Ты — соловей, и, как любая птица,
Ты знаешь сам, где петь и где гнездиться,

А я все жду тебя, и время длится,
Но не летишь ты в мой весенний сад.

Я все забыла, слезы взгляд мой застыт,
Я — как Зухра. сгоревшая от страсти
Моя судьба — и счастье и несчастье —
В твоих руках: нет мне пути назад.

НЕ ОБЛЕЙ ДОЖДЕМ ЛЮБИМОГО

Туча, скрой свой дождь и град,
Не облей дождем любимого,
Пожалей его халат,
Не облей дождем любимого!

По небу свободен путь:
Чтобы молнией блеснуть,
Уплывай куда-нибудь,
Не облей дождем любимого!

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ЧТО ПЛОХО?

Плохо, если спутник плох,
Плохо,
Если враг напал врасплох,
Плохо, ой, плохо!
Дочь растет без нежных слов —
Плохо.
Саван для тебя готов —
Плохо, ой, плохо!
Старый не почтить обряд —
Плохо.
Слово дать и взять назад —

Плохо, ой, плохо!

Плохо не дойти до цели,
 Если цель уже видна,
 Осрамиться в бранном деле,
 Наземь пасть со скакуна.
 Плохо от родни отбиться,
 От товарищей отстать,
 Плохо радости лишиться
 И надежду потерять.

Чашу полную пролить —
 Плохо.
 Лгать сперва, потом юлить —
 Плохо, ой, плохо!
 С милой родины уйти —
 Плохо.
 Сбиться с верного пути —
 Плохо, ой, плохо!
 Спутницу удач и бед
 Потерять на склоне лет
 Плохо мужу.
 Смолоду ль, в расцвете дней
 Потерять любовь людей —
 Еще хуже!

* * *

Конь чистокровный, стучащий копытом,
 Ценен, когда он под смелым джигитом.

Пики отточенное острие
 Грозно, коль храбрый сжимает ее.

Дорог скакун, но сердечное слово

Лучше любого коня дорогого.

Шутка, слетевшая с уст мудреца,
Лучше, чем пика в руках храбреца.

* * *

Чужим живу в родимой стороне,
Чужим я стал друзьям, чужим — родне,
Мои враги и те добрей ко мне,
В скитаньях пропадает жизнь моя!
Хозяин не жалеет батраков,
Разводит он свиней, а не коров,
Чтоб выжать деньги, он на все готов,
Мне даст айран, себе наложит плов,
В страданиях протекает жизнь моя.

* * *

Скажи, журавль, парящий в даях чистых,
Что стало с дорогой моей страной?
По-прежнему ль в садах ее тенистых
Цветут цветы, как девушки весной?

ЧТО НУЖНО ДЖИГИТУ?

Мать родная джигиту нужна,
Чтоб была с ним добра, нежна,
Молока чтоб давала она,
Если будет просить он воду,
А попросит он молока.
Чтоб давала сыночку меду.

Мать родная джигиту нужна,
И родитель нужен джигиту,
Чтоб стоял отец, как стена,

Чтобы сына брал под защиту.

А чтоб сильным он был из сильных,
Пусть и брат будет рядом с ним,
Пусть из пары крыльев орлиных
Каждый будет крылом одним.

И сестра джигиту нужна,
Чтоб жила она с братом вместе,
Если ж замуж выйдет она,
Чтобы ждал он хорошей вести.

А еще джигиту нужна
Черноокая, добрая, стройная,
Молодая его жена,
Дорогого мужа достойная.

Чтоб журчала ручьем ее речь,
А глаза были ясными, жаркими,
Чтобы косы стекали с' плеч,
Перевязаны лентами яркими.

Что джигиту нужно?

Сынок

Остроглазый и белолицый,
Чтоб джигит обнять его мог
И от гордости прослезиться.

САДИР-ПАЛВАН

Не уснул караул, и заборы крепки и прямы.
Темной ночью я всех обманул, ускользнул из тюрьмы.

Гол и бос я, зарос, и свалялись волос завитки,
Стали острыми ребра мои, как у стражи штыки.

Боже мой, хоть я грешен, но ты пожалей и меня,
В Янбулак не добраться мне пешком, пошли мне коня!

ПРИТЧА

Бутылку осушив, разбей,
И стоит ли жалеть о ней?
А для любви — к чему слова? —
Пусть будет жертвой голова.

МУЛЛА

Если скажешь: "Возьми" — улыбнется не строго мулла,
Если скажешь: "Подай" — не услышит и бога мулла,
Ну, а если с ушами баранью ты голову преподнесешь,
"Бисмилля!" — тебе скажет еще у порога мулла.

ИШАН

Назвал себя ишаном,¹⁵ надел чалму, халат,
Весной зерно посеял, подмогою богат,
Всем обещая благо, "аллах" твердил стократ,
А в уразу¹⁶ довел нас до нищеты ишан.

"Для щедрых, — восклицаешь, — врата открыты в рай!" А сам в мешок монеты сыпашь через край.

¹⁵ Ишан — высокое духовное звание у мусульман.

¹⁶ Ураза — месячный пост.

¹⁶ Хивинский хан созвал поэтов, требуя от них восхваления его величия и богатства. Кунхожа, сочинивший правдивые, не лестные для хана стихи, получил в подарок старого, полуослепшего верблюда. Это послужило поводом для насмешек, на которые поэт ответил стихотворением, полным горькой иронии.

Что ж, улыбайся сладко, молись и воздыхай —
Ты скоро нас разденешь до наготы, ишан.

Помощником аллаха себя прозвал ты сам,
А потому и денег не платишь батракам,
Себя и бога ставишь на службу богачам,
И лжешь, коран читая до хрипоты, ишан.

Отцы твои и деды — святоши и скоты,
Народ живьем вы ели, в крови народной рты,
Вам — праздники, богатство, а нам — одни посты,
Проклятою пиявкой сосешь ты нас, ишан!

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

— Где сыночек твой? —

мне люди скажут.

Я скажу:

— Гуляет мой сыночек.

Скажут мне:

— На улице он пляшет.

Я отвечу:

— Пусть сыночек пляшет,

Лишь бы свой не потерял платочек!

Мал пока еще сынок мой милейкий,
Ничего пока не понимает.

Мой сыночек спит в кибитке беленькой
Или на руках моих играет.

С ночи до рассвета не устану я
Песни петь над мальчиком, который
Через десять лет, а может ранее

Будет мне поддержкой и опорой.

Как такие детки появляются?

Я скажу:

—Нашла в песках сыночка!

Скажут мне:

—Такие не валяются!

Я отвечу:

—Дал аллах сыночка!

ГДЕ СОРОКА?

(Молодежная игровая песня)

—Где тут живет сорока?

—В своем гнезде сорочьем.

—Что делает сорока:¹

—Узоры вышивает.

—Какие же узоры?

—Как на твоей ладошке.

—А для кого узоры?

—Для гостя дорогого.

—А как пройти в ворота?

—Шагай все время прямо.

—А далеко ль ворота?

—Ступить два шага нужно.

—Вприпрыжку или боком

Ты подойдешь к сороке?

—Боком подойду!

—Съешь целую лепешку

Иль хватит половины?

—Целую давай!

—Ну-ка, начинай!

ЭЙ, ВЕРБЛЮДЫ!

Эй, верблюды, эй, мои верблюды,
Где же соль, что вы везли, верблюды? —
Одолела нас в пути усталость,
И в горах балканских соль осталась!

На горе набрал я сладких ягод,
Но упал — земля вкусила ягод,
Отдала горькою полынью,
И кормил овцу я той полынью.
Принесла за то овца ягненка,
Гость пришел — зарезал я ягненка.
Гость поел и подарил мне плетку,
В озеро я бросил эту плетку.
Озеро дало мне свой камыш,
И скормил корове я камыш.
Молока дала корова мне —
Вскипятил котел я на огне.
К молоку ворона прилетала,
Попила — и полкотла не стало.
А потом сорока попила,
Тут и показалось дно котла.

ЛИСЕНОК

1

— Лисенок, лисенок, куда ты идешь?
Темная ночь настает, пропадешь!
—К бабушке, к бабушке я иду.
— Что тебе, маленький, бабушка даст?
—Козу подоит, молока мне даст.
—Нет у козы молока давно,
А у козленка копытца нет.
— Нет молока — даст мяса кусок. —

Куда же, лисенок, ты денешься с ним?
—Мясо под дерево я положу.
—Что если пес утащит его?
—Мясо у жадного пса отниму,
К хану Батыю дорогу найду.
—А для чего ты к Батыю пойдешь? —
—Быстрого сокола видеть хочу.
—В небо высокое сокол взлетел,
Крылья сложил и в реку упал,
И помутнела вода в реке,
Рыбки погибли все до одной.

2

Вели за байские владенья
Две мышки жаркое сраженье.
Асан с Усеном тоже дрались,
Друг другу в бороды вцеплялись.
—Кто смоеет кровь, кто сдует пух?
—Белобородый добрый дух.
—Что ж, наплетем побольше кос
Из серебра его волос,
А хану поклонимся низко.

Каракалпакская поэзия XVIII — XIX века

Жиен-Жырау (XVIII век)

Жиен Тагай улы (в народе и в литературоведческих работах чаще именуется "Жиен-Жырау") — самый известный каракалпакский поэт и жырау (народный певец, исполняющий под аккомпанемент кобыза героические эпосы). Жиен был первым исполнителем поэм "Алпамыс", "Кырк кыз". "Маспатша". Подобно легендарному русскому Бояну, Жиен — самый древний сказитель у каракалпаков, имя которого сохранилось в памяти народа. С него начинается история каракалпакской литературы, он считается ее родоначальником.

Наука располагает лишь отрывочными биографическими данными о Жиене. Жил и творил поэт в середине XVIII века среди "верхних" каракалпаков, т. е. среди народа, обитавшего в низовьях Сыр Дарьи. Происходил он из рода муйтен. Выходец из гущи народа, Жиен сам испытал нужду и лишения простых бедняков.

Вершиной творчества Жиена является поэма "Разоренный народ" ("Поскан ел"). Поэт был очевидцем тех ужасных разорений и унижений, которые пережили каракалпакские племена на Сыр Дарье в результате набегов жестоких ханов. Вслед за разрушением оросительных каналов и уничтожением

посевов начался голод. Спасаясь от гибели, каракалпаки решают оставить землю отцов — Туркестан и перекочевать в Хорезмский оазис. Богачи справились с перекочевкой без больших жертв и заняли лучшие земли в низовьях Аму-Дарьи. Переход по безжизненной пустыне принес новые страдания бедноте. Обездоленные, не имея скота и пищи, они погибали, не выдержав изнурительного пути. Дорога от Туркестана до Хорезма была усеяна телами погибших. В эти горестные дни Жиен не расставался с кобызом, не переставал играть и слагать новые песни. "Больше я ничем не мог помочь своему народу", — с горечью вспоминал поэт.

Поэма "Разоренный народ" написана в форме толгау (древняя стихотворная форма, не имеющая устойчивой рифмовки, временами близкая к белому стиху). С беспощадной правдивостью, с глубоким сочувствием поэт изображает трагические картины народного бедствия. Поэма проникнута не только мотивами горя и скорби, но и неугасимой верой в лучшее будущее народа. Созданная на основе действительных событий, поэма "Разоренный народ" представляет большую художественную и историческую ценность.

В последние годы исследователи фольклора записали у народных певцов старинную песню "Прощайте, друзья", являющуюся поэтическим завещанием Жиена-Жырау. Из этого стихотворения можно понять, что и в Хорезме Жиен не нашел счастья, а поэтому решил вернуться снова в Туркестан. Прощаясь с соотечественниками, поэт с глубокой верой и прозорливостью рисует картины будущего освоения пустынь и овладения всеми богатствами природы на благо народа. Потомки Жиена с полным основанием могут сказать, что в нашу советскую эпоху это долгожданное время наступило.

РАЗОРЕННЫЙ НАРОД

В Туркестане, в стране отцов,
Мы пристанища не нашли,
Хоть работали целый год,
Не хватало на ползимы
Хлеба оскудевшей земли.

Черная настала беда —
Лет засушливых череда.
От набегов ханских страдал,
Вымирал, погибал народ.
Истлевали трупы людей
На песке пересохших рек.

Налетали со всех сторон,
Пировали стаи ворон.
Беззащитен был человек.
И от горя у дев степных
Косы черные расплелись.

По арыкам, вместо воды,
Волны крови нашей лились.
Сына не мог отец спасти,
Сын — отца от беды увести.

Старухи со сторбленной спиной,
Старцы преклонных лет
Не могли поспеть за кочевкой вслед,
Отставали в пути.

Непогребенными остались они,
Не смогшие Кызыл-Кум перейти,
От голода ослабели они,
Брели еле-еле они.

* * *

Разоренный каракалпакский народ
В богатый Хорезм пошел;
Бросил пастбище, пашню, дом.
В Туркестане — в краю родном —
Он пристанища не нашел.

Одиноким и нищим, нам,
Обездоленным беднякам,
Наши главные не помогли.
Были склонны к жестокости и греху
Восседавшие наверху.
Наш казий дела неправедно вел,
А ишан развратен был, как козел.

Все, что есть у нас, — вымогали они,
Пыткам нас подвергали они,
Людей, не повинных ни в чем.
Солнца правды скрывая лицо,
Горе наше усугубляли они.

Эй, джигиты, братья мои!
По пустыне вы разбрелись,
На плечах своих ношу влача,
Не нашли в пустыне ключа,
Чистой влагой не напились.
От голода ослабели вы,
Лицом потемнели вы,
Ваши руки, могучие еще вчера,
Словно у больных, — затряслись.

День померк. Закрутил снеговой.
Мы не видели ясных дней.
Мы голодные шли в степи снеговой

С непокрытою головой.

Наши матери на руках
 Плачущих младенцев несли.
 Пересохло у матерей молоко,
 Только слезы из глаз текли.
 И не знает бедная мать,
 Чем ребенка слезы унять;
 Нечем ей дитя накормить.

А несчастный отец — покровитель семьи —
 Чем поможет? Ведь должен он
 Котел на спине тащить.
 Ах, бедные матери! Где ваш след?
 Ах, бедные девушки! Где ваш цвет?
 Наши почтенные старики,
 Где былая сила вашей руки?
 Вы не в силах шагу ступить.
 Почтенные — как жалки они...
 Бредут, опираясь на палки, они,
 Измученные — опять и опять
 Садятся они отдыхать.

Кучками в пустыне маячат они.
 Отстали...
 Садятся и плачут они.
 И некому их спасать.
 Как овца, отбившаяся от отар,
 Оставался в пустыне, кто слаб и стар.
 Возвращались к ним сыновья,
 Уводили, словно на поводу,
 А старик говорит:— Дорога долга...
 До Хорезма я не дойду!

О страдания матерей!
Опираясь на сыновей,
Через силу они бредут.
Из последних сил сыновья
Матерей несчастных ведут.
Сил источник в них изнемог.
Со словами: — Прощай, сынок! —
Умирают они в пути.
Чтоб одеть умерших, саванов нет,
И заплаканные сыновья,
Облачив умерших в клочья тряпья,
В ямах хоронят их.
Ставят знаки, чтоб на обратном пути
В пустыне их след найти.
Ах, джигиты джигиты мои,
Дорогие мои друзья!
Вы уходите дальше — в степь.
Неотступно за вами — я.
Мы бредем поредевшей толпой
Средь пустыни этой скупой.
Много было женщин с детьми,
Что ушли к Хорезмским садам.
Разоренным же счета нет,
Что брели по нашим следам.
Нет страданий в мире лютей,
Чем страданья малых детей.
Неразумный ребенок грудной
Плачет...
Детский услышав крик,
Дыбом становится волос мой,
Прилипает к нёбу язык.
Матери ноги едва волокут,
Не бросают малюток—несут.
Сколько молодых матерей
По дороге умерло тут!

Распеленатых их детей
Средь пустых безлюдных степей
Черные вороны клюют.

О погибшие молодые сердца,
Без защиты, без матери и отца,
Как весенний цвет, облетели вы,
В пустыне истлели вы!
Ничего, чем славитря белый свет,
Увидать не успели вы.
За неделю, как цвет степной,
В зное дня обгорели вы.
Ваша гибель запала в душу мою!
Пусть об этом я спеть могу,
Что за толк вам, родные, в том?
Чем я вам теперь помогу?

Владелец бесчисленных табунов
Коня вам не дал во дни беды.
Ваши слезы видел мираб,
Но ни капли не дал воды.
Хозяин неисчислимых отар
Мог бы дать вам хоть малый дар.
Нет... Безропотно голодали вы,
Толпами умирали вы.
О погибшие малютки мои,
Что вы можете там сказать
О безжалостных, несправедливых, злых
И о том, как пришлось голодать?
Ах, джигиты, джигиты мои,
Дорогие мои друзья!
О лишеньях, постигших нас,
Рассказать сумею ли я?
Трое суток минуло, как мы ушли
Из Туркестанской земли,

И за этот короткий срок
 Девяносто и четырех из вас
 Досчитаться мы не могли.
 Не от болезней пали они,
 Под пытками умирали они.
 Наши баи не от нужды
 Вздумали откочевать,
 А чтоб нас вконец разорить,
 Чтоб народ в рабов превратить!
 Вот что замышляли они.

— Там, в Хорезме, жизнь хороша! —
 Людям обещали они.
 Наша жизнь была им дешевле гроша.
 Нам в пустыне голодным пришлось брести.
 День четвертый прошел в пути —
 И сто сорок умерло человек.
 Жаль мне их, ушедших навек,
 Бросивших отчизну свою!
 И беру я в руки кобыз,
 И печальную песню пою.
 Родичи остались в глухой степи.
 Матери остались в скупой степи,
 Дети потерялись в нагой степи,
 Степь рассеяла нашу семью.
 Полей поливных не имели мы,
 Чтоб колосья на них налились.
 Кобылиц степных не имели мы,
 Чтобы в чашках кипел кумыс.
 Не было иноходцев у нас,
 Что широкой скачут юргой.
 Не было белой юрты у нас,
 Где бы отдых найти и покой.
 Не было ни мяса у нас,
 Ни куска лепешки сухой.

Не было одежды у нас,
Чтоб укрыться от стужи ночной.
Мы на лоне отчей страны
Были баями разорены.
Все они прибрали к рукам,
Ни зерна не оставили нам!
Матери седые мои,
Отцы дорогие мои,
Скитальцами стали вы,
Еле ноги влача, брели...
А путь бесконечно далек.
Ваши слезы, как каменный град,
Падали на песок.
Слез не стало в зеницах глаз.
Восемь суток в пути прошло —
Триста сорок еще человек
Замертво полегло.
Страшно было на них глядеть,
Страшно их теперь вспоминать,
Но казалось, что лучше — смерть,
Чтобы муки такой не знать.
И беру я в руки кобыз,
Начинаю рассказ вести
О девочке — о сиротке Мнаим,
Потерявшей мать и отца
На страдальческом том пути.
Ей тринадцать исполнилось лет.
Черноброва, лицом смугла,
Красива она была,
Пуглива она была.
Не было у нее никого,
Кто б ее в беде защитил.
Видя беззащитность ее,
Разрывалось сердце мое...
И отца я ей заменил.

Оставался голодным сам,
 Для нее же кусок всегда
 Чудом каждый день находил.
 А она заботы мои
 С благодарностью приняла
 И меня отцом назвала.
 Десять дней миновало в пути,
 Десять дней Смерть косила людей.
 Миновало пять дней с тех пор,
 Как осиротела Мнаим
 И дочерью стала моей.

* * *

Собирайтесь, джигиты, в круг,
 Напрягайте, джигиты, слух.
 Чутко слушайте мой дастан!
 Как-то ночью перевалили мы,
 Словно гору, высокий бархан.
 А когда заря поднялась,
 К кочевью богатому одному
 Мы с сироткою подошли.
 Верблюдов их и ослов
 Развьючить им помогли.
 На кошмах, за обильной едой,
 Сытые, сидели они,
 Но сурово, грозно на нас,
 Сдвинув брови, глядели они.
 Я с поклоном к ним подошел,
 Чтобы хлеба у них попросить —
 Девочку мою накормить,
 Об ином не думал в тот час,
 И откуда мне было знать,
 Что несчастье постигнет нас?
 Это был богатейший бай Ереке,
 Отары его овец

Текли, подобно реке.
Бесчисленные табуны
У озер паслись вдалеке.
С безобразным мясистым лицом
На подушках, рядом с отцом,
Сташий сын Ереке сидел.
Он поглядывал на нас,
Что-то, чавкая, жадно ел.
Обглоданный отшвырнув мосол,
Встал, рыгнул и к нам подошел.
Шею вытянув, вытаращив глаза,
На сиротку мою он глядел.
Мы попятились от него,
От ужаса онемели мы.
Ничего за работу не получив,
На плечи пожитки взвалив,
От кочевья того уйти
Поскорее хотели мы.
За полу халата схватив,
Байский сын меня сильно рванул.
Был я голодом изнурен,
Он же грузен, сыт и силен.
На землю меня повалил
И, рыгнув мне прямо в лицо,
Издеваясь, так говорил:
"А зачем тебе эта девчонка, бедняк,
Что с тобою к нам прибрела?
Где ты хочешь ее променять
На верблюда иль на осла?
Ты отдай мне ее по добру
Я ее себе в жены беру.
Если будет плохой женой —
За скотом ей ходить велю.
Если будет дерзка со мной,
Я ножом ее заколю.

Честь ей — побродяжке степной,—
 Если будет моей женой.
 Ну какой твой теперь ответ —
 Отдаешь ее или нет?.."

Я сказал: "Она сирота!
 Я остался ей вместо отца,
 Чтобы с голоду не умерла,
 Чтобы клювы черных ворон
 Не коснулись ее лица,
 Чтобы кожи ее драгоценный шелк
 Не порвал ни шакал, ни волк!
 Страшный грех — сироту обижать..."

Ткнул меня он в песок ничком
 И ударил по голове
 Грузным своим кулаком.
 Подбежали другие ко мне,
 Принялись меня избивать,
 К баю старому Ереке
 Стал о помощи я взывать.
 Подошел ко мне старый бай,
 Длинный посох в его руке,
 Посохом ударил меня.
 Помутилось в моих глазах
 Ясное сияние дня.
 Я сознание потерял...
 Сиротку мою в злодейских руках,
 Крик сиротки отчаянный —
 Вот что я
 На пороге смертного забвения
 Увидел и услышал.

* * *

А когда я очнулся, открыл глаза,—

Вижу: нет кругом никого.
Откочевали они давно,
Бросили меня одного
В пустыне, без капли воды,
Без помощи, без еды.
А когда прояснился мой взгляд,
Вижу, наклонившись ко мне,
Двое предо мною сидят,
Ожил наконец! — говорят.
Это родичи были мои,
Что со мною вместе росли.
От кочевки отстали они,
Не оставили одного
Друга старого своего.
В рот по капле мне воду вливали они.
Я, дрожа, с их помощью встал,
Опираясь на плечи их,
Через степь опять зашагал.
Было за полночь. Над землей
Ветер дул, порывистый, злой.
Туча по небу шла — черна.
Иногда в разрывах ее,
Высоко, близ ковша Плеяд,
Тусклая светилась луна.
Ветер яростно налетал,
Подымая пустынный прах.
Шли мы медленно, тяжело,
С пожитками на плечах.
Это месяц был Саратан.
Вечерняя закатилась звезда,
Плач совы доносился порой,
А когда уснула сова,
Над песками, пунцово горя,
Утренняя засияла заря.
Только солнце подняться никак не могло

Из своего гнезда,
Там, где сходится небо с землей,
Яблоком краснело оно.
Почему бы ему не краснеть,
Почему над землей не встать,
Если льется кровь по земле,
Если в стаи слетаются воронье
Сердца наших братьев клевать?
Если баям привычно наших детей
За вьючный скот отдавать,
Если ханам привычно руки свои
Кровью нашу умывать?
Что же солнцу теперь не взойти,
Месяцу не зайти,
Если голод косит людей,
Если в высохших руслах рек
Умирают и дети, и старики,
Облетают, как лепестки?

Уже солнце высоко вошло,
Как свою кочевку догнали мы.
Родичи увидали нас,
Плакали, обнимали нас,
По кусочку лепешки сухой
Они отломали нам.
По крошечному кусочку казы
Они уделили нам.
Съел я мясо и черствый хлеб
И почувствовал, что окреп,
И легко я на ноги встал,
Уверенный в силах своих.
На привале том оставались мы,
Целый день дожидались мы
Отставших в пути родных.
Не было ликования конца

Сыновей, повстречавших отца.
 И когда оставшиеся в живых
 Наши люди вместе сошлись,
 Пищу поровну поделив,
 Мы в поход опять поднялись.
 Если вместе люди идут,
 То не страшно встретить беду.
 Мы тащили друг друга на поводу;
 Скучные пожитки неся,
 Переваливали барханы мы,
 Высокие переходили холмы,
 Потом склоны их орося,
 Был у нас лишь один осел,
 Мы навьючили на него
 Убогое одеянье свое,—
 Одеяло, кошмы, рванье.
 А новых вещей у нас
 Не было ничего.

Трое суток в пути прошло,
 Не осталось пищи у нао.
 Съели мы свой скудный припас.
 Снова голод, снова нужда,
 Снова гибель видит народ...
 Черепах мы хотели ловить,
 Чтобы голод свой утолить,—
 А они не даются нам.
 Ящериц хотели ловить —
 Разбегаются по сторонам.
 Старая пословица есть: —
 В сеть голодного рыгба нейдет!
 А в пустыне сухой,
 В пустыне глухой
 Лишь один саксаул растет.
 Чтобы с голоду не умереть,

Саксауловую кору
Стали мы в порошок тереть.
Мы не знали, что яд в коре
Саксаул таит молодой.
От негодной пищи такой
Наши лица и ноги вдруг отекли,
Глотки начали опухать,
Голоса охрипли у нас
Так, что мы говорить не могли.
И когда мы вовсе изнемогли,
И увидели: смерть пришла —
Саксауловых дров нарубили мы,
И резать решили мы
Единственного осла.
Чтобы не пропадало добро,
Кожу осла опалили мы,
Стали кожу ослиную есть,
А мясо приберегли,
В бурдюки его уложили мы,
А ослиный вьюк разделив,
На плечах потащили мы.

А еще через два-три дня
Мы увидели море Арал.
На полуострове Айырша
Долгий сделали мы привал.
Всякой рыбой кишели там
Воды талые Аму-Дарьи,
Мы протоку вброд перешли
И на острове Мунайтпас
Наконец покой обрели.
От него на запад лежит
Место славное Тербенбес.
Это старый песчаный кряж,
Паводки ему не грозят,

А с обеих его сторон
Зеленеет, растет куга.
Камыши, густые, как лес.
Дымные зажгли мы костры,
Чтоб укрыться от мошкары.
Из куги мы невод сплели,
В мелководье его завели.
Столько рыбы в невод зашло,
Что едва-едва свой улов
Мы на берег приволокли.
Жирной рыбой питались мы.
Голода не боялись мы.
Незаметно лето прошло.

И нежданно, негаданно вдруг
Снег пошел...
И белым-бело
Все от снега стало вокруг.
Караваны уток и лебедей
Улетели к реке Жайык.
Стаи вольных счастливых птиц
Улетели на теплый юг,
А над нами буран бушевал,
Наступил жестокий мороз.
А у нас — ни пары сапог,
Не в чем нам в шугу ледяную лезть,
Чтобы в воду невод завести.
Не было одежды у нас,
Чтобы тело в стужу укрыть.
Не было постелей у нас,
Ничего, кроме камыша,
Чтобы на Землю постелить.
Снова нам пришлось голодать,
Чаша горькая наших бед
Переполнилась опять.

Там — в солончаковой степи —
Рос кустарник карабарак,
Мы сбивали с макушек этих кустов
Косточки обильных плодов;
На солнцепеке сушили их
И ели, очистив от шелухи.
Не было ни ступ, ни пестов,
Чтобы зернышки истолочь,
Не было ручных жерновов,
Чтобы их в муку размолоть.
Что карабарак ядовит —
Мы не знали тогда о том,
Многие умерли от него,
А живые мучились животом.
Чтоб избавиться от беды,
Мы целебных трав не нашли.
Корни сочные иногда
Мы выкапывали из земли.
Земляники там много росло,
Только снегом ее замело,
Трудно было ее искать,
И лопат не имели мы —
Из-под снега ее откопать.
Нас пришло туда десять юрт,
И в любой из них — что ни день —
Стали по двое умирать.
Триста нас пришло человек,
А осталось сто пятьдесят,
Да и те тяжело больны.
Стало думаться нам тогда —
Не дотянем мы до весны...
Тот простуженный — на земле,
Весь охвачен огнем, лежит.
Тот от голодухи опух —

С почернелым лицом лежит.
Слабо бьются у них сердца,
Еле-еле они говорят.
Лишь глаза, страдальцев глаза,
Лихорадочно горят.
Так прошла лихая зима.
Умирили люди кругом,
Умирили ночью и днем...

А для тех, кто остался в живых,
Наконец наступила весна.
Прошлогоднюю нашу сеть
Поскорей починили мы
И в реку ее завели.
Хоть у берега толстый лед
Не растаял еще до конца,
Мы разделись, в воду вошли.
Хоть от той воды ледяной
Шелушилась кожа у нас,
Хоть потрескались до крови пятки у нас,
Боли не замечали мы,
Жили только надеждой одной —
Как побольше рыбы поймать.
На камушках, на помете сухом
Об улове гадали мы.
Нагадает один, что, мол, рыбы нет,
Все его проклинали мы.
Нагадает другой, что, мол, рыба есть,
Того обнимали мы.
С вечера поставивши сеть,
Не могли мы уснуть в ту ночь.
Изголодавшимся беднякам
Было спать в ту пору невмочь.
Нас тогдашних сравнить я могу
С человеком, который коня своего

Состязаться послал на байгу
И вестей с нетерпением ждет:
И тревога в сердце его,
И надежда в сердце его —
Что скакун его первым придет...
Так в ту ночь не спал наш народ.

Наконец забрезжил рассвет.
Поскорей на плечи взвалив
Корзины из камыша,
Поспешили на берег мы,
От волненья в ту пору у нас
Подступала к горлу душа.
От студеной рассветной росы
Пробегала по телу дрожь,
Резкий ветер с просторов морских
Лица нам царапал, как нож.
От ударов ветра того
Ноги онемели у нас.
Руки закаменели у нас.
Только к берегу мы подошли,
Видим: тонким ледком затянулась вода.
А на чистой воде, вдали,
Виднеется наша сеть.
Страшно было в ту пору нам
В ледяную воду войти.
Но решили: лучше иль умереть,
Или вытащить нашу сеть.
Сбросили одежду свою
Храбро все, кто двигаться мог.
На канате друг друга держа,
Разбивая палкой ледок,
В воду по пояс забрели,
Добрались до сети своей.
Поглядели — а в ней полно

Усачей, сазанов, лещей.
От радости не помня себя,
Мы подняли крик и шум.
Жирных рыб за жабры хватали мы,
Клали их в корзины, в мешки,—
И откуда силы взялись!
До восхода солнца выбрали мы
Все до рыбки, весь улов,—
И на берег приволокли.
Крупных рыбин сочли — девяносто две,
Ну, а мелочи счета нет.
Воротились мы с уловом домой
И взялись готовить обед.
Притащили и мелочь всю —
Ведь и воблой брезговать грех.
Разделили мы наш улов
Поровну на всех.
От радости женщины слезы льют,
Братьями нас зовут.
А как кончили мы дележку свою,
Оказалось, пришлось на семью
По пяти сазанов больших,
Не считая рыбин других.
Были так велики и жирны
Нами пойманные сазаны,
Что хватило и одного,
Чтоб насытилась вся семья.
Над котлами клубился пар,
Клокотал в них густой навар!
Наконец-то мы сыты вновь.
От обильной пищи у нас
Оживилась, согрелась кровь,
Все болезни наши прошли.
Стон мучений в стане умолк,
Сгинул бедствий смертельных полк,

И впервые за этот год
 Вспомнили мы песни свои
 И запели как соловьи.

Ах, джигиты, джигиты мои,
 Хорошо, когда сукна, бархат и шелк
 Бережет окованный медью сундук!
 Стада верблюжьего красота —
 Одногорбый могучий нар.
 Хорошо, когда много скота!
 Человека одежда должна украшать.
 А в голодный год, чтобы хлеба купить,
 Можно шелк дорогой продать.
 А когда ты в довольстве живешь,—
 Ты одежду себе найдешь.

Вспомните, джигиты мои,
 Сколько мы претерпели бед!
 Вспомните, что каждый из нас
 Был голоден и раздет!
 Разоренный мы были народ,
 А когда залучили мы
 В нашу сеть богатый улов,
 Чтобы высказать радость, нам
 Не хватало в ту пору слов.
 А джигит — говорит народ —
 Время попусту не проведет.
 Отдохнув после сытной еды,
 Чуть закатом зардел небосклон,
 Взяли сеть, зашагали мы
 Бичевой на дальний затон.
 Сеть на нем поставили мы.
 А на утро стало тепло,
 Словно летом солнце пекло.
 Как стекло, блестела вода,

А по зеркалу светлых вод
Белоснежный лебедь плывет.
Над затоном чайки летят,
Сердце криками веселят...
Осторожно мы в воду вошли,
Посмотрели — улов у нас
Больше, чем вчерашний, в пять раз.
Много жирных мы выбрали там
Сазанов и усачей,
Много рыбьей мелочи там
Застряло в ячейках сетей.
В корзины и в травяные мешки
Всю рыбу поклади мы.
Целый день, до вечерней зари,
Улов свой таскали мы.
Мелочь рыбью выбрали всю,
Ничего не бросали мы.
С той поры, джигиты мои,
Перестали мы голодать.
Изобилье настало у нас.
Стали рыбу мы продавать.
Ах, джигиты, джигиты мои!
Нас тогда от гибели спас
Этот островок Мунайтпас!
Если люди дружно живут,
Не страшны им горе и труд.

И опять расцвел наш народ.
Мы хозяева сами себе,—
Баи стали нам не нужны,
Ханы стали нам не страшны.

Стали вялить рыбу, солить,
Продавать ее повезли,
И кибитки из толстой кошмы

И одежду купили мы.
По благодатным тем берегам,
По бесчисленным островкам
Нашей матери Ак-Дарьи
Стали мы кугу молодую косить,
Чтоб из нее циновки плести.
Мы сплели их в пору летней жары
Добротные, как ковры.
И настала радость у нас
Небывалая никогда.
Дружно все работали мы,
Не жалея сил и труда,
Коз достали, овец и коней,
Расплодились наши стада.
Ах, джигиты, джигиты мои!
Вы послушайте повесть мою:
О старинном горе моем
Я еще вам песню спою.
Я свой звонкий кобыз возьму —
И давно минувшие дни
Из забвения подыму.
Я в те дни о сиротке Мнаим
Не переставал тосковать.
Из-за жгучей печали моей
Перестал я в ту пору спать.
И решил: мне надо идти,
Мне сиротку надо найти,
От неволи ее спасти...
Я с друзьями держал совет
И такие слышал слова:
— Ну куда ты, старый, пойдешь?
Где ее ты, бедный, найдешь?
Да и вряд ли она жива!
Как она уцелеть могла
У злодея бая в руках?

Ты один — в пустыне умрешь!
И останется непогребенный твой прах
В раскаленных солончаках!

Не понравился мне их совет.
Но один из них мне сказал:
"Если хочешь искать, иди!
Эту девочку помню я.
Ты найди ее, приведи!
Пусть живет среди нас она
В наши лучшие времена,
Пусть поет она соловьем!
Друг, ты будешь не одинок —
Мы пойдем с тобою вдвоем.
Коль жива она до сих пор,
Мы ее с тобою найдем.
Коль мертва она — прах ее
Мы с собой возьмем, унесем.
Мы всю правду должны узнать,
Сами все должны увидеть".
Не остановленные никем,
Вышли утром мы налегке.
Я, привыкший скитаться давно,
Лишь один кобыз захватил.
Добровольный мой спутник-друг
Хлеб тащил за спиной в метке.
Ради той сиротки моей
Мы ушли в пустыню — искать,
Где кочует бай Ереке.

В солонцах пустыней глухой
Мы с ним четверо суток шли.
Ни колодца, ни капли воды
Мы в дороге той не нашли
И от жажды изнемогли.

А на пятый день, поутру,
Нам блеснули в лучах зари
Воды светлой Аму-Дарьи.
Подожли мы к горам Каратау,
К Ходжа-Колу едва доплелись
И прохладной чистой водой
Из горстей наконец напильсь.
В светлом озере искупались мы,
И, решив до вечера отдохнуть,
Новой силой наполнив грудь,
Тыквенные бутылки свои
Чистою наполнив водой,
Через перевал Каратау
Радостно мы двинулись в путь.
Мы в пути убивали волков,
Шкуры снимали с них.
Волчья шкура — мех дорогой,
На спине мы таскали их.
Мы прошли по ущельям гор,
И открылся пред нами опять
Голубой степной кругозор.
Эта местность была хороша, —
Зеленели по берегам озер
Заросли камыша.
Увидали мы там стада,
Поздоровались с чабаном.
Целый день мы с ним провели,
Целый день разговор вели.
Разузнали мы у него,
Где кочует бай Ереке.
Спрашивал я о сиротке моей,
Слезы ронял из глаз.
Внимательно посмотрел он на нас
И сказал: "Друзья, если так,
Я скажу вам — отсюда не вдалеке

На кочевку стал Ереке.
 Я всего лишь батрак его.
 На крутом зеленом холме
 Белая юрта бая стоит.
 Не ходите прямо к нему,
 Чтоб не натерпеться обид..."

Выждав время, к тому холму
 Осторожно мы подползли.
 Вдруг знакомый голос, полный тоски,
 Мне слышался издали.

Забыв обо всем, я к ней подбежал,—
 Что была мне любая гроза?
 Усталое лицо увидал, Заплаканные глаза.
 За руки взял ее и спросил:
 "Помнишь ли ты меня?
 Как мы шли из родной страны,
 Как в пути твой умер отец,
 Как в пути умерла твоя мать,
 Помнишь ли, милая ты моя?
 Что тебя я удочерил,
 Покровителем стал твоим,
 Но в несчастье не защитил,
 Ты меня за это прости!.."

Узнала меня, растерялась она,
 Слова вымолвить не смогла,
 Крепко шею мою обняла,
 Зарыдала, забила в моих руках —
 И утихла вдруг, обмерла.
 А когда очнулась она,
 Как нам быть — мы стали решать.
 Не откладывая, сговорились мы
 До рассвета в ту ночь бежать.

А когда закат отгорел
И большой богатый аул
Без тревог в тишине уснул.
Дочь моя названная пришла.
Трех коней арабских кровей
В поводу она привела.
Статен, ладен, красив на вид,
С ней пришел молодой джигит.
Бай угнал ее кобылиц доить,
И поэтому, может быть,
Что она табунщицею была,
С молодым, отважным джигитом она
Дружбу крепкую завела.
Поздоровался с нами джигит,
Молвил: "Доброго вам пути!
Вы садитесь на этих коней,
Уходите отсюда скорей!
Я сумею ваш след найти".
Как родных он нас провожал.
Я глядел на дочку мою Мнаим —
Узнавал и не узнавал.
В шелковый золототканый наряд,
Как джигит, одета она,
А в руке у нее меч боевой,
Сталь булатная обнажена.
За свои унижения этим мечом,
Чуть луна в тумане вечеровом
Искривленной саблей взошла,
В тот же вечер дочь моя этим мечом
Баю голову отсекла.

"Пусть в согласье люди живут!
Пусть на баев беды падут!" —
Так все вместе сказали мы.
Крепко отомстивши врагам,

Сели мы на резвых коней
И, как вихрь, домой понеслись.

Так сбылась наконец мечта
Дорогой сиротки моей!

КУНХОЖА (1799-1880)

Кунхожа (подлинное имя — Жиемурад) — один из наиболее признанных и любимых каракалпакских поэтов XIX века. Выходец из бедняков, Кунхожа провел свою юность на побережье Аральского моря, учился в аульном мектебе, потом в медресе Каракум-ишана. Молодому поэту пришлось уйти из медресе, не закончив курса обучения. В одном из стихотворений Кунхожа жалуется на преследования, вынудившие его покинуть родину.

Вместе с пастухами Кунхожа странствовал по Кызылкумам, пешком обошел весь Хорезмский оазис. Богатые жизненные наблюдения послужили основой для многих его произведений. Ширится его известность, он становится наставником многих поэтов, в том числе и молодого Бердаха.

Во многих своих стихотворениях, правдиво повествующих о горестях и страданиях бедноты, Кунхожа предстает как певец народного горя. Таковы его стихотворения "Чабаны", "Жнецы", "Мой край", "Где светлый день?". С гневом и беспощадным сарказмом бичевал Кунхожа ханов, баев, ишанов и мулл, сидевших на шее трудового народа. Вместе с тем поэт стал выразителем вольнолюбивых настроений масс, веривших в светлое будущее и отстаивавших свои

законные права. Эти идеи ярко выражены в стихотворении "Вместе со страной".

История сохранила рассказ о поединке Кунхожи с хивинским правителем Мадамином. Однажды хан призвал в свою столицу лучших поэтов Хорезма и поручил им воспеть его царствование. Кунхожа был доставлен в ханский дворец силой, поскольку, видимо, ему совсем не хотелось являться на этот придворный праздник. В отличие от других поэтов, Кунхожа не стал льстить хану, а нашел в себе мужество сказать беспощадную правду о жестокости и несправедливости ханской власти. Когда же наступило время вручения ханских подарков, Кунхожа публично высмеял властителя Хивы. И однако хивинский хан не решился подвергнуть поэта наказанию,— слишком большой славой и уважением пользовался Кунхожа.

Кунхожа написал много лирических произведений, а также стихотворений-иносказаний, похожих на басни ("Арба", "Камыш", "Дохлая рыба", "Черный камень" и др.), направленных по своей политической заостренности против байского сословия.

Кунхожа обогатил каракалпакскую поэзию новыми художественными приемами и много сделал для совершенствования литературного языка. Кунхожа не шел на сделку с правящей верхушкой, он жил среди народа, странствовал в поисках заработка, голодал вместе с бедным людом и остался в памяти людей как истинный народный поэт.

КЕМ Я СТАЛ?

Что я видел, явившись на свет?
 Жизнь влача день за днем, кем я стал?
 Даже сердцу под бременем бед
 Тесно в теле моем... Кем я стал?

Был джигитом и я удалым,
Но надежды исчезли, как дым.
Презираем, унижен, гоним,
В этом стане чужом кем я стал?

Посмотрите, каков я на вид,
Я по горло унынием сыт,
После горестей всех и обид,
Неповинный ни в чем, кем я стал?

И шубенка моя не годна,
И дырявая юрта бедна,
Из надежд не сбылась ни одна,
Я кажусь стариком,— кем я стал?

Мне глаза помутили года,
Голова, как у старца, седа,
Спину мне изогнула нужда,
Обглодала живьем,— кем я стал?

Я без матери рос, сиротой,
Я, бездомный, скитался порой,
Был затравлен я злобной ордой,
Сокрушенный врагом, кем я стал?

Песнь моя оглашала сады,
Я раздумия знал и труды,
Но лишь горя собрал я плоды...
Изнуренный трудом, кем я стал?

Хоть не дожил до старческих лет,
Зубы выпали, памяти нет...
Что я видел, явившись на свету?

В этом мире глухом кем я стал?

МОЙ КРАЙ

Из Туркестана прадеды мои
 Пришли искать покой в чужом краю.
 Здесь годы детские мои прошли,
 Здесь рос я, озорной, в родном краю.

Уйдем на берег озера, грустя,
 Косить камыш — пять косарей и я.
 В Торис-тобе ведет тропа моя,
 Обижен я судьбой в родном краю.

Пусть ложный слух вас не введет в обман —
 Не знали мы болезней или ран,
 Мы шли к Ырзы от острова Ержан,
 Гонимы нищетой в родном краю.

Ловили рыбу мы невдалеке —
 В реке Токсан, потом в Мантык-реке,
 Больших сомов, дремавших в тростнике,
 Мы били острогой в родном краю.

Здесь Ибрагим, мулла Абдимурат,
 Глухой на оба уха Измурат,
 Здесь наши племена — Кият, Кунград,
 Живем большой семьей в родном краю.
 Мы уповаем: в Жалайлыр, сюда,
 Придет на наши пастбища вода,
 Как девушка к джигиту. Я всегда
 Надеждой жил такой в родном краю.

Гулял я с девушками, ел и пил,
 Добросердечным, дружелюбным был,

Всех ближних одинаково любил —
Я был самым собой в родном краю.

В Бекман-шагыл, куда вода пришла,
Где раньше степь была, как лоб, гола, —
Отарам байским нет теперь числа...
Как хорошо весной в родном краю!

Я в детстве жил на озере Айрша,
Где волны плещутся, песком шурша.
Терпел я боль, невзгоды, но душа
Была всегда живой в родном краю.

Я говорю, а на сердце тоска.
Мечты мои, не мучьте бедняка!
Но жив и крепок человек, пока
Он на земле родной, в родном краю!

Я видел мир, во многих жил краях,
Знал труд и дружбу, знал тоску и страх,
Но горести меня не стерли в прах —
Я пребывал душой в родном краю.

Обширен был муйтенов старый род,
Рождались дети в юртах каждый год,
Но гибли многие... В плену невзгод
Томились мы тоской в родном краю.

Иным достичь желанного дано.
Удел других — страдание одно.
Безумцем, обездоленным давно
Живу я — всем чужой — в родном краю.

ВЕРБЛЮД

Скажи, верблюду полуслепой,
Худой, с трясучей головой:
Ойсылкара — защитник твой,
С ним, неустанным, ты знаком?
Есть покровители скота:
Великий Жылкышы-ата,
Занги-баба, Шопан-ата,
С их древним станом ты знаком?
А с тем, кто святости достиг.
Кто даже птичий знал язык,
Кто был владыкой из владык, —
С ним, Сулейманом, ты знаком?
Ты дряхл, прошел ты долгий путь,
Лишь вид верблюдицы чуть-чуть
В тебя способен жизнь вдохнуть,
Но снова поникаешь ты.
Покорный горестной судьбе,
В своей ты страшен худобе,
Хоть петля смерти на тебе,
А все еще шагаешь ты.
Твой путь был горек и тяжел,
Теперь ты стал понур и гол.
Когда ты в этот мир пришел,
Наверно, сам не знаешь ты!
Был Чингисхан, и был засим
Хан знаменитый — Мадреим,
А ныне правит Мадамин, —
Их всех, наверно, помнишь ты!
Нет у тебя среди людей
Ни господина, ни друзей.
Где зубы в челюсти твоей?
Не разжуешь и сена клоч!
А если местным мясникам
Тебя на мясо я продам,

Смогу ли по моим деньгам
Купить насвая хоть кулек?
Когда бы свел я на базар
Хивинского владыки дар,
Навряд ли, так ты слаб и стар,
Я оплатить проезд бы мог!
Твои скупилась господа,
Скудна была твоя еда,
Ты, видно, голодал всегда,
Измученный, больной верблюд.
Ты сух, как выкопанный пень,
На черную походишь тень,
С двумя горбами набекрень,
Невиданный, чудной верблюд!
Нет шерсти на твоих боках,
Нет мяса на твоих костях,
Дивлюсь я, как ты не зачах
В песках, в глуши степной, верблюд.
Стар, как стариннейший дастан,
Ты, видно, мне в насмешку дан.
Уж лучше обделил бы хан,
Чем наградил тобой, верблюд!
Ты дряблым стал, угас твой пыл,
Лишился ты последних сил,
Ты жалок в старости, а был
Когда-то неплохой верблюд!
Вот подарили бы, любя,
Мне верблюжонка от тебя,
Я б вырастил твое дитя,
Род расплодил бы твой, верблюд.
Эй, Кунхожа, зря не скули —
Будь мудрым, как Махтумкули.
Сейчас унижен ты, в пыли,
А был — как молодой верблюд.

ДОХЛАЯ РЫБА

Разбилось сердце от тоски,
Протухли даже плавники —
Гниет на берегу реки
У старого причала рыба.

Едва она попала в сеть,
Почуяла: "Не уцелеть!"
И впрямь пришлось ей умереть,
Хоть и рвалась сначала рыба.

Где юности ее разгул?
Исчез — как счастье, утонул,
Труху чешуек ветер сдул,
Дохлагиною стала рыба.

Видать, в затылок ей враги
Вогнали жало остроги,
И, лопнув, брызнули мозги...
Так жить ты перестала, рыба.

КОМУ НУЖЕН?

О, если есть еще края,
Где не слышали соловья,
В таком глухом краю, друзья,
Кому цветок пахучий нужен?

Когда бегущий с гор поток
Не в силах напоить росток,
Не разольется в должный срок,
Кому поток могучий нужен?

Коль сокол, высмотревший дичь,
Не испускает гордый клич
И не желает дичь настичь,
Кому подобный сокол нужен?

Коль не мелькает пес, как тень,
Не перескочит и плетень,
Увидит зайца — гнаться лень,
Кому брехун подобный нужен?

Коль не послушен конь узде,
Коль неразборчив он в еде,
Ленив на скачках и в езде,
Кому скакун подобный нужен?

Нет перед дедами заслуг,
К врагу бежит, как лучший друг,
И дело валится из рук,—
Кому урод подобный нужен?

Не копит гнева с каждым днем,
Не победит в борьбе с врагом,
Ни силы, ни упорства в нем,—
Кому боец подобный нужен?

Душа за ближних не болит,
Людей в беде не защитит,
Все голодны, один он сыт,
Кому вожак подобный нужен?

Несправедлив к народу он,
Не слышит страждущего стон,
От бедствий прячется за трон,—
Кому такой правитель нужен?

Суд справедливый не по нем,
Лицеприятен он во всем,
Чужак на празднике людском,—
Кому такой советчик нужен?

Скота в загоне — не сочтешь,
А людям пользы — ни на грош,
На волка жадного похож,—
Кому такой стяжатель нужен?

Шумит ручьем, а не рекой,
Бесстыдно хвастает собой,
А для врага — лишь звук пустой,—
Кому такой воитель нужен?

Не слушает отца и мать,
Их не желает почитать,—
Что старикам от сына ждать?
Кому такой наследник нужен?

Не видишь солнечных лучей,
Не слышишь, как звенит ручей,
Сам не поешь, как соловей,
И так всю жизнь... Кому ты нужен?

КАМЫШ

Ты много мук изведаль тоже,
И листья у тебя желты,
Как братья, мы друг с другом схожи,
Немало горя знал и ты.

Твои побеги чахлы, слабы,

Утратили зеленый цвет,
Тебе давно цвести пора бы,
Но и на это силы нет.

Ты из воды растешь, а жажды
Не можешь утолить своей,
Под дуновеньем гнешься каждым,
Хоть много у тебя корней.

Держаться трудно в скользкой глине,
Меж тем прошел весенний срок,
А лета нету и в помине,
За что же нас карает бог?

Тебя в дугу сгибает ветер,
С твоих метелок пух седой
Нераспустившихся соцветий
Он рассыпает над водой.

Гляжу,— уже в начале лета
Успел ты, бедный, пожелтеть,
И не видать тебе расцвета,
Коль так дела пойдут и впредь.

И все-таки жди доброй вести,
Держись, не сохни у воды!
Смотри: я так же, как и ты,
Стою ча очень скользком месте.

ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ

Не обижай безвестного тихоню,
Услышь укор в его вседневном стоне.
Я говорю: чем человек влюбленной,
Тем сладостней свершение любви.

Когда народом правит царь жестокий,
Одни — в парче, с других — дерут оброки.
Те, что собирают золота потоки,
Подобно мясникам, всегда в крови.

Коль человека судит царь сурово.
Не отличая доброго от злого,
И милосердного не знает слова —
С таким царем печальны дни твои.

А надо возвещать лишь правду с трона,
О благе общем печься неуклонно,
И справедливо применять законы,
И принимать решенья со страной,

Всегда идти друг другу на подмогу,
Быть вожаком, во тьме найти дорогу,
Нужду и зло не подпускать к порогу,—
Все делать в единенье со страной.

Взлетишь на небо, коль душа крылата,
Богат и ты, когда страна богата,
Тот, кто мечте народа верен свято,
Достигнет возвышенья со страной.

Коль учит старший брат тебя бывалый,
Коль твой арык в реке берет начало
И коль твоя рассада не увяла,
Жить будешь в наслажденье со страной.

Цветник, в плохие времена цветущий,
В железной клетке соловей поющий,
А вокруг дворца — садов роскошных кущи,—
Позор страны, глумленье над страной!

Кто сел в седло, свою возвысив славу,
 Кто всех гнетет, кто попирает право,
 Кто жалует лишь родичей ораву,—
 И тот, увы, в общенье со страной.

В палатах пышных дастарханы стелят,
 Царей и ханов ублажает челядь,
 Они пируют, а народ их делит
 Страданья и мученья со страной.

Все мраморные храмы, мавзолеи,
 Луна, планеты, ханы, богатеи,—
 Все, что есть в мире, держится на шее
 Раба, чей жребий — горе и нужда.

Лишь тот живет, обласканный судьбою,
 И мнит, что украшает мир собою,
 И пользуется радостью любовью,
 Чьи тучны и бесчисленны стада,

Но чтоб народ был добрым, человечным,
 Чтоб и во тьме сиял он светом вечным,
 И жил, ликуя, в счастье бесконечном,
 Бороться надо вместе со страной.

Джигит про все опасности забудет,
 Ничто его отваги не остудит,
 Джигиту путь не страшен, если будет
 Он спутником невесты дорогой.

Так радуйся тому, что жив на свете!
 Пускай лишь горе знал ты в годы эти,
 Ты — человек, за род людской в ответе,
 И непреклонным будь в любые дни.

Махтумкули и Магруфи хотели
 Окольными путями выйти к цели,
 Но яростной реки не одолели,
 Всю жизнь стеная прожили они.

Я слезы лью: вокруг глухие стены,
 Коль буду говорить я откровенно,
 Яд моих слов учует враг мгновенно...
 Глаза мои застлала пелена.

С мечтой прощусь. Жизнь, как тюрьма, сурова.
 Что делать здесь, когда на мне оковы?
 Но я уйду, не проронив ни слова
 Тебе в укор, мой край, моя страна.

Предсказывай грядущее. Награда
 Посмертная — вот вся твоя отрада.
 Замолкни, Кунхожа! Пред смертью надо
 Одно сказать: "Прощай, моя страна..."

Ажинияз (1824—1878)

Ажинияз Косыбай улы (литературный псевдоним — Зийуар) — видный представитель каракалпакской поэзии XIX века, большой мастер лирического стиха. Родился в зажиточной семье. Образование получил в Хиве, где окончил медресе Шергази-хана. Поэт хорошо владел арабским, персидским, туркменским и старо-узбекским языками, был знаком с поэтическим наследием Фирдоуси, Саади, Хафиза, Навои, Махтумкули. Когда Ажиниязу исполнилось тридцать лет, он уже был знаменитым поэтом не только в

родном краю, но и в казахской степи. Поэт обладал редким красноречием, был одаренным музыкантом..

Завершив образование, Ажинияз много лет скитался, жил среди казахов, ногайцев, русских, башкир. За годы странствий им были созданы известные Стихи "Есть моя страна", "Ах, Дарийха!", "Состязание с девушкой Менгеш" и много лирических стихотворений, в которых поэт воспевает молодость, любовь и красоту, а также высмеивает людские пороки. Эти стихи завоевали поэту широкую известность и всеобщее уважение.

Каждому каракалпаку известна поэма Ажинияза "Бозатау", в которой нашли отражение события народно-освободительного движения. Стремясь избавиться от гнета хивинских ханов и перейти в подданство России, каракалпаки в 1858 году подняли восстание против Хивы. Русское правительство, откликнувшись на просьбу восставших о помощи, направило в

район Кунграда два корабля Аральской флотилии под командованием А. Бутакова. Однако предательство феодалов, в первую очередь предводителя восстания Мухаммед - Фены, привело к поражению восстания. Хивинский хан устроил кровавую расправу над участниками восстания, разорил селения, сотни людей были угнаны в рабство, проданы в Туркмению, Ирак, Тегеран. В поэме описывается трагическое положение, в которое попали побежденные. Ажинияз с глубокой грустью прощается с родной землей, проклиная баев, аталыков, ханов — истинных виновников этих страданий. Мелодия к поэме "Бозатау" была сочинена самим поэтом. Потрясенный всеобщим народным бедствием, Ажинияз не падает духом. Он выражает уверенность в том, что настанет время, когда он вернется в цветущую местность Бозатау.

Ажинияз писал стихи также на узбекском языке ("В это утро", "Тоска" и др.). Его перу принадлежат замечательные переводы произведений классика туркменской литературы Махтумкули. Ажинияз первым применил в каракалпакской поэзии классическую форму "Мухаллес" (или "Мухаммас")— пятистишия, скрепленные одной рифмой. Для поэзии Ажинияза характерна музыкальность стиха, его произведения изобилуют самобытными сравнениями, эпитетами, метафорами.

Поэт-просветитель призывал молодежь накапливать знания, бороться с невежеством, служить обществу. Произведения Ажинияза проникнуты идеями справедливости, борьбы за свободу, за счастье простых тружеников.

БОЗАТАУ¹⁷

(Отрывок)

Мы уходим... Нас гонят в неведомый край,
Покидаем тебя, Бозатау,
Слезы льются, в глазах почернело..
Прощай, Покидаем тебя, Бозатау!

При народе — земля, при земле был народ,
А теперь безземельных мучение ждет,
Больно будет сердцам, захиреет наш род,
Ты кормильцем нам был, Бозатау.

На Кийсыке Порхане¹⁸ лютует зверье,

¹⁷ Бозатау ("Остров плодородия") — одна из самых известных и любимых в Каракалпакии старинных народных песен, проникнутая чувством глубокой любви к родной земле. "Кто не знает песни о Бозатау, тот не каракалпак", — говорят в народе.

¹⁸ К и й с ы к П о р х а н — название острова.

Изболело скорбящее сердце мое,
 Нет в саду соловьев — лишь одно воронье,
 Твой печален конец, Бозатау.

Мать отнял у одних этот грозный набег,
 Сына, дочь у других уведут за Атрек,
 За Гургеном¹⁹ окажутся братья навек,
 У хаджар²⁰ — их сестра, Бозатау.

Все разграблено... Плач и смятенье окрест...
 Отрывая людей от насиженных мест,
 Кареглазых сынов, чернобровых невест
 Гонят всадники вдаль, Бозатау.

Сын с отцом — их вдвоем приведут на базар,
 Курдам, в Шам²¹ иль в Ирак продадут, как товар,
 Молодого — дороже, а старого — в дар,
 Как в придачу к нему, Бозатау.

Сотни девушек наших, сестер, дочерей,
 Черноглазых, с лукавым изгибом бровей
 Гонит плетью в постыдное рабство злодей,
 Разлучает с тобой, Бозатау.

Ту, что краше была Зулейхи и Лейли,
 Чьи ресницы порхали и щеки цвели,
 Ясноликую в плен навсегда увели,
 Не вернется она, Бозатау.

На рассвете меня разбудила пальба,

¹⁹ А т р е к , Г у р г е н — названия рек.

²⁰ Х а д ж а р ы — название народности.

²¹ Ш а м — Сирия.

Принесло пробуждение мне участь раба:
 Навалились, связали — напрасна борьба,
 Беспощадна судьба, Бозатау!

Был захвачен врасплох даже храбрый джигит,
 Безоружный народ врассыпную бежит,
 О, как сердце от боли и гнева дрожит,
 Как скорбит о тебе, Бозатау!

Избавления мне от мучителей нет.
 Кто меня защитит? Покровителей нет.
 Есть у пленных охрана. Хранителей нет
 Покидаем тебя, Бозатау.

За спиной остается покинутый рай,
 И в слезах Зийуар ¹ повторяет:— Прощай!
 Буду жив, возвращусь в свой возлюбленный край!
 Покидаем тебя, Бозатау!..

Зийуар — псевдоним поэта Ажинияза.

МОИ ГЛАЗА

Бог создал плоть мою, зажег весенние мои глаза;
 И были много лет полны цветения мои глаза.
 Я столько видел! Ясных звезд бесценнее мои глаза.
 В любом краю, в любой беде спасенье — мои глаза.
 Без вас темницей стали дни, стал[^] тенью я, мои глаза!

Проходят спутники мои, от сверстников я отстаю,
 Угрюмо застилает ночь дорогу светлую мою.
 Друзья забыли облик мой, и я — чужак в родном краю.
 Удача от дверей бежит, беспомощно я слезы лью,
 Ослабевает день за днем дар зрения — мои глаза.

Весна веселых дней моих промчалась, как единый час,
И радость мимо пронеслась, и пламень юных чувств
угас.

В водовороте суеты теряем мы себя, кружась,
И поздний ужас пустоты на склоне лет терзает нас.
Прошла весна. Грядет пора осенняя, мои глаза.

Когда мне было десять лет, я зиму в лето обращал,
А в двадцать пять и в тридцать лет сердца я песней
обольщал.

Как сокол, я когтил судьбу, и радость голос мой вещал,
И жизнь моя была полна, и я был светел и удал,
А ныне превратилась жизнь в мучение, мои глаза.

Теперь мне сорок восемь лет, теперь я стар и одинок.
О, сколько несказанных бед судил мне беспощадный
рок!

Подруга, давняя мечта, оставила ты мой порог...
Зачем дарована мне жизнь, когда мой жребий так
жесток?

Нисходит ночь. Заволокло затмение мои глаза.

НУЖЕН

Коль мужествен и храбр джигит,
А сердцем для людей открыт,
Отвагой грозной знаменит,
Такому друг надежный нужен,

Коль в дальний путь джигит влеком,
Спешит в сражение с врагом
И машет яростным клинком,—
Такому предводитель нужен.

Богач, владелец многих стад,

Таким послушным слугам рад,
 Что, впроголодь живя, молчат,—
 Богатым безответный нужен.

Вор — для родителей позор.
 Коль староста в ауле — вор,
 Он на любую подлость скор,
 И куш ему немалый нужен.

Коль царь помешан на деньгах,
 Дворцы возводит на костях,
 А в подданных вселяет страх,—
 Ему поход военный нужен.

А бедняку война не впрок,
 Для бедняка тяжел оброк,
 Ему бы мирный огонек,
 Покой и хлеб насущный нужен.

Рабу, что мучится в нужде,
 Гниет в неволе и беде,
 Кому удачи нет нигде.
 Тому свободный жребий нужен.

Чтоб радость знал Ажинияз
 И чтоб мечта его сбылась,
 Чтоб в мире правда прижилась,—
 Ему, друзья, век долгий нужен.

АХ, ДАРИЙХА!..

Примите мой привет, друзья, прими большой привет,
 родня! Разлука с милой для меня страшнее адского

огня.
 Прошел Алаша шесть родов, судьбу злосчастную
 кляня,—
 Вернуться осенью готов, дожить до этого бы дня!..
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Надеясь, что поможет бог, покинул я родной порог,
 Терпел жару, от стужи дрог, найти любимую не мог.
 По всей вселенной я иду, томясь от горя и тревог,
 Ночами корчусь я в бреду, а днем — глотаю пыль
 дорог..
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Был я в родах Назар, Шурен, был я в роду Кара-кесек,
 В родах Ожрау и Кетен я вызывал у встречных смех,
 У русских, у ногайцев был, ходил в роды — Кипчак,
 Естек,
 Нигде следов не находил, той, что душе дороже всех..
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Был в Жакайыме, в Жекени, в киргизском был роду —
 Увах,
 Был в Жылжувыте в те же дни, в Шуйите и в
 Тилеукабак,
 Не раз случалось мне идти с гурьбою нищих и бродяг,
 Не раз сочувствовал в пути мне этот иль другой казах..
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Был в сельской местности Байбахт, в большом краю
 Кадыр-сыйик,
 В стране, где держит власть в руках казахский хан
 Султан-шыйик,
 Аши-Ойыл, Киши-Ойыл, Коба, Елек, потом Яик,—
 Везде я был, везде гостил, добрался до Кулан-кийик..
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Я Арыслана повидал, что всех степных владык сильней,
 Сверкает дорогой металл в подковах у его коней.
 Он в шубу пышную одет, бобровый воротник на ней.
 Рго семья обет дала молиться больше всех семей...
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

У русских, у ногайцев был, до Оренбурга я добрел,
 И днем и ночью слезы лил в любом из городов и сел.
 О доме отчем загрустил, перо, бумагу приобрел,
 И этот мухаллес сложил, чтоб добрый друг его прочел...
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Мулла Ерим, ты прочитай, что испытал в пути Зийвар,
 Я брел пешком из края в край, став жертвой злых
 любовных чар.
 Злодей-отец родную дочь увез и спрятал, как товар.
 Алашцы рады бы помочь, но лишь кокя мне дали в
 дар...
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

А у алашцев хана нет, нет ни муфтия, ни судьи.
 Они в работе с малых лет, с них пота катятся ручьи.
 Аллаха чтут, но все подряд едят и пьют в кругу
 семьи,—
 Вокруг котлов их псы кружат, суют в котлы носы свои...
 Ах, Дарийха"- ах, Дарийха, тоска измучила меня!

У них красавица Айша могла сравниться бы с луной,
 Но рвется только к той душа, что я в мечтах зову
 женой.
 Грущу на солнце и в тени, и холод я сношу и зной,
 И стали месяцами дни, а каждый месяц в год длиной...
 Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

Если жиром заплыли глаза у царя, презирающего свой
 народ.
 Падет его трон, и, быть может, падет голова дурная.

БЕРДАХ

(1827—1900)

Бердымурат Каргабай улы — известный под литературным псевдонимом Бердах — крупнейший каракалпакский поэт дореволюционной поры. Родился в семье бедняка на юге Приаралья. Бердаху не удалось окончить курс обучения в медресе. Это не помешало ему стать образованным человеком своего времени, — известно, что поэт отлично знал произведения классиков Востока. С юных лет Бердах научился играть на дутаре и исполнять народные песни, а к двадцати пяти годам уже стал популярным поэтом, желанным гостем в каждом доме.

Всю жизнь поэт жил в нужде. Ему были близки и понятны страдания бедного люда. Так поэт становится певцом народного горя, гневным разоблачителем социальной несправедливости. Его поэзия отразила бытовой уклад, социально-политические отношения и историю каракалпакского народа почти за целое столетие. В стихотворении "Налог" он изображает бедноту, стонущую под непосильным гнетом налоговой системы.

Бердах разоблачал ханов, баев, аталыков, мирабов. Этим беспощадных угнетателей поэт сравнивал со

змеями и скорпионами. Стрелы политической сатиры Бердаха поражали ишаноз и мулл, которые под маской святош одурманивали народ.

Господствующая верхушка не раз преследовала поэта, покушалась на его жизнь. Слуги ислама объявили произведения поэта "проклятыми аллахом". Бердымурат вынужден был скрывать свое подлинное имя под псевдонимом Бердах.

Во многих лирических стихах Бердаха отразилась его смелая и упорная борьба за раскрепощение женщин. В жестокое время, когда власть, мусульманская религия и законодательство — все общественные установления — были направлены на то, чтобы принизить, растоптать достоинство женщин, когда женщин продавали как скот, поэт пишет стихи "В наше время", "Невестка", "Не задумывайся", проникнутые горячим стремлением облегчить непосильную тяжесть женской доли, вселить в сердца униженных рабынь волю к борьбе за свои права.

Поэтический талант Бердаха исключительно многогранен. Глашатай правды, борец за свободу и счастливую жизнь своего народа, он был непревзойденным мастером остро-социальных стихов, он же оставил нам и большие поэтические полотна — поэмы "Родословная", "Хорезм", "Амангельды", "Ерназар-бий", "Хан-самодур" и другие.

В поэме "Родословная" ("Шежире") Бердах выступает не только как поэт, но и как первый историк каракалпакского народа. Поэт собрал старинные народные предания и на их основе создал поэму о многовековых путях и судьбах своего народа. Эта поэма до сих пор служит источником многочисленных фактических данных для современных ученых.

Народным героям, бесстрашным борцам за национальную независимость посвящены поэмы "Амангельды" и "Ерназар-бий".

Венцом поэтического творчества Бердаха является поэма "Хан-самодур" ("Ахмак-патша"). В эпоху деспотической власти ханов и духовного засилия ислама, проповедовавшего покорность воле аллаха и предначертанной свыше фатальной неизбежности, Бердах создает произведение антикрепостнического характера, направленное против ханской власти, пронизанное идеями гуманизма, равенства и жизнеутверждающего оптимизма.

Бердах писал на простом разговорном языке, близком к фольклорному, а потому понятном трудовому народу. Передовые общественно-политические взгляды Бердаха, нашедшие выражение в его произведениях, стали той благодатной почвой в сознании народных масс, на которой быстро привились идеи Великой Октябрьской социалистической революции.

МОРЕ РЫБЫ СВОЕЙ НЕ ДАЕТ

Снова в море закинул я сеть.
 Море рыбы своей не дает.
 Боже мой, нету силы терпеть,
 Что в груди твоей: сердце иль лед?

Обезлюдел мой род, приуныл,
 Поплелись мы, лишенные сил,
 От родимой земли и могил...
 Море рыбы своей не дает!

И меня захлестнула нужда,
 И пошел я, не зная, куда,
 Но везде нас встречает беда,
 Море рыбы своей не дает.

Путь тяжелый и длинный у нас.

Ни зерна, ни скотины у нас.
Есть ли выход, мужчины, у нас?
Море рыбы своей не дает.

В злобном море бушует волна,
Словно жизнь, холодна и черна.
Жизнь мрачна, без просвета она.
Море рыбы своей не дает.

Вам, друзья, не желал я беды,
Я желал за любовь и труды
Много счастья, как в море воды,
Лет на сто или двести вперед.

Но, увы, нас окутал туман,
Правят миром лишь зло да обман,
Злой богач и блудливый ишан,
Им и счастье, и мясо, и мед.

Ну, а мы простота, беднота,
Дверь удачи для нас заперта,
Бьет аллах нас, и лжет нам мечта,
Море рыбы своей не дает.

Я бедняк, я собрат ваш Бердах,
Я правдив и в словах, и в делах,
И меня обездолил аллах,
Адским пламенем сердце мне жжет.

ЛЕТО ПРИДЕТ ЛИ?

Вьюга нас мучила, вьюга слепила,
Ветхую юрту мою повалила,
Черными тучами небо закрыла,
Кто мне ответит: лето придет ли?

Душу и сердце морозами студит.
Кажется, солнца уже и не будет.
Мы — бедняки, унижённые люди,
Молим о лете. Лето придет ли?

Нету похлебки у бедного люда,
Нету подстилок, и взять их откуда?
Ехать мне надо, и нету верблюда,
Стар уж теперь я. Лето придет ли?

В отчем краю я живу, как в остроге,
Жесткой веревкой мне спутали ноги,
Нет предо мной ни пути, ни дороги.
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Что происходит у нас под луною!
Люди замерзшие молят о зное.
Сделалось льдом то, что было водою.
Солнце не светит! Лето придет ли?

В море немало воды горьковатой,
Холодно в юрте моей небогатой,
Что же нам делать зимою проклятой?
Солнце не светит! Лето придет ли?

Мясо мы ели. Теперь у нас — голод.
Нету скотины, сожрал ее холод.
Овцы погибли на пастбищах голых.
Зябко на свете. Лето придет ли?

Родину давят морозы и беды,
Стали озера от холода седы...
Умер сегодня сынок у соседа...
Бедные дети!.. Лето придет ли?

Чистое золото в медь превратилось.
Холодно, голодно, вьюга взбесилась.
Что же нам делать, скажите на милость?
Кто нас приветит? Лето придет ли?

Дар красноречья сегодня не нужен,
Красноречивый затравлен, недужен.
Эй, богачи, вам не холодно в стужу?
К бедным, ответьте, лето придет ли?

Мне бы укрыться — да нет одеяла,
Мне бы согреться, но топлива мало.
Сытой ни разу семья не бывала,
Голодны дети. Лето придет ли?

Много нам лгали. А истина — где ты?
Много ли в жизни мы видели света?
Сердце устало, мы жаждем ответа:
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Кто я? Старик, сединой убеленный,
Песни мои — не напевы, а стоны,
Вопли собратьев моих угнетенных...
Кто их приветит? Лето придет ли?

МОЙ БЫК

Ударю палкою его, беднягу,
Он двинется, я на соху налягу.
Он без меня не сделает ни шагу...
Мне честно служит службу черный бык.

Он всех сильнее — поглядите сами.
Кто может справиться с его рогами?
Они остры, как нож, тверды, как камень.
Посмотришь: очень страшен черный бык.

След от копыт его похож на блюдо.
Среди быков мой бык — не бык. а чудо!
Своею силой славен он повсюду,
Мой красноглазый, круторогий бык!

Моя судьба на радость скуповата,
Моя душа всегда тоской объята,
Но делит все со мной мой друг рогатый —
Мой знаменитый, сильный черный бык!

Я шел, а на пути была преграда,
Судьба влила мне в сердце много яда!
Но верный друг, утеха и отрада,
Всегда со мною ты, мой черный бык!

"Э - эй, вперед!" — и мы идем по зною
И вспарываем поле бороздою.
Как ты силен, люблюсь я тобою...
Спасибо, мой усердный черный бык!

НЕВЕСТКА

Брови черны, а сама ты — бела.

Косы длинные, а сама ты — мала.
Правом, красою, ну всем ты взяла!
Но почему ж ты печальна, невестка?

Переливаются волны волос,
Черные струйки закрученных кос,
Рот, как наперсток, как ягодка нос,
Ну до чего ж хороша ты, невестка!

В ушке твоём — золотая серьга,
Ровные зубы твои — жемчуга!
Сладки слова твои, словно нуга!
Вот я стою пред тобою, невестка!

Словно луна, ты чиста и светла.
Женщиной или же пери была
Мать, что такую тебя родила?
Ну до чего ж ты красива, невестка!

Ты и мала, и хрупка, и тонка,
В маленьком сердце большая тоска.
Выдали девушку за старика.
В горе, в отчаянье плачет невестка!

Выдали замуж, созвали гостей,
Ты очутилась в кругу богачей.
Весело было на свадьбе твоей,
Только одна ты грустила, невестка!

Люди о счастье твоём говорят,
Муж твой богатый, и деверь богат.
Ты перед ними потупила взгляд.
Грустно тебе, дорогая невестка!

Детство и юность свою загуби,

С мужем постылым живешь не любя.
Плачешь ты, горе сжигает тебя,
Тщетны былые надежды, невестка!

Рабски обычаям верен седым,
Спрятал отец твой немалый калым.
Дочь свою продал он людям чужим,
Продано девичье счастье, невестка!

Жадные свахи считают барыш.
Бедная женщина, что ж ты молчишь?
Что ж ты врагам своим не отомстишь?
Сердце зачем ты неволишь, невестка?

Здесь бессердечные люди кругом,
Ночью ты плачешь в подушку тайком.
Голос твой раньше звенел серебром,
Нынче твой голос не слышен, невестка!

В жизни не видишь ты светлого дня,
Муж твой жесток, и коварна родня.
Стон твой беззвучный дошел до меня..
Чем же тебе помогу я, невестка?

Горе еще не сожгло твою грудь.
Может быть, есть еще правильный путь.
Слушай меня и печальной не будь!
Счастья тебе я желаю, невестка!

Ты молода еще, жизнь — впереди.
Прочь от людей недостойных уйди!
По сердцу доброго друга найди.
Надо на это решиться, невестка!

ЗНАЙТЕ

Когда сойдетесь с кем-нибудь,—
Его происхождение знайте.
Пойдете вместе в дальний путь,—
Дороги направленья знайте.

Да будет путь ваш чист и прям,
Желаю трудолюбья вам.
Непримиримости к врагам
Враг — это враг, не забывайте.

Женитесь на одной из ста,
Чтобы чиста была, проста.
А красота,— что красота?
Она поблекнет, так и знайте!

Один смеется и поет,
Другой хуеет от невзгод.
Обманщик этот, честный тот.
Злых от хороших отличайте.

Я — человек простой, я — голь,
В мое нутро вселилась боль,
Мои глаза съедает соль,
Я — слабый, вы об этом знайте!

Еще совет вам дать могу:
Не знайте жалости к врагу.
Сгибайте всех врагов в дугу,
И только другу помогайте.

Один вверху, другой на дне,
А есть бездольные вдвойне.
Вот я такой, несладко мне,

И вы меня не презирайте.

Друзья мои, мне много лет,
В словах моих неправды нет.
И вы несите людям свет,
Дорогу людям озаряйте.

Я был цветком, увял цветок,
Я пел о том, что мир жесток.
Я счастье повстречать не мог,
Вы о моем несчастье знайте.

МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные — мне нужны.

Гора чтоб издали дымилась,
Верблюдица чтобы доилась,
Красавица, чтоб ночью снилась,
Для счастья моего нужны.

Когда зимою то и дело
Мороз пронизывает тело.
Подруга, чтоб меня согрела,
Мне руки теплые нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый,
С подстриженным хвостом и гривой,
Крепкокопытый и красивый...
Лихие кони мне нужны.

Есть у меня еще забота:
 Мне соколиная охота,
 Мне птицы, ждущие полета,
 Лихие соколы нужны.

Джигиты, чья рука готова
 В бою сразить врага любого,
 Держать умеющие слово
 Для дела правого нужны.

Друзья, борцы, что за свободу
 Готовы и в огонь и в воду,
 Сочувствующие народу
 Для дела правого нужны.

Кто сеет хлеб и воду ищет,
 Кто с бедняками делит пищу,
 Кто помогает людям нищим,—
 Такие люди мне нужны.

Борцы, насупившие брови,
 С оружием правым наготове,
 Те, что не пожалеют крови
 В борьбе за счастье, мне нужны.

МОЯ ПОДРУГА

Брови, брови, как в горах осока,
 Брови, брови подняты высоко,
 А под ними, как у ланей горных,
 Пара глаз, испуганных и черных.

Ты пришла — ответь мне, ради бога,—
 Из каких краев на белый свет?
 Здесь тебя такую сглазить могут,

Вот, надень на шею амулет.

РОЗА С БУТОНОМ

Ох, роза с бутоном,
Ох, роза с бутоном,
Смеясь, ты играешь
Со мною, влюбленным.

Как долго ты вовсе
Со мной не была,
В пожаре разлуки
Сгорел я дотла.

Ты, роза с бутоном,
Не хочешь склониться...
Как трудно влюбленным
Желанных добиться.

Мы платим за счастье
Нелегкою данью,
Чем больше желанье,
Тем горше страданье.

ХАН-САМОДУР

(Из поэмы)

Владея множеством золотых палат,
Распространяя самовластья яд
И жизнь народов превращая в ад,
Прошло немало ханов под луной.

В былые времена один из них —
Великих повелителей земных,
В прах повергая всех врагов своих,

Прошел со славой долгий путь земной.

Была десница у него крепка,
Была его столица велика,
Средь кровью обагреного песка
Она стояла гордо за стеной.

Но властелин не бог, хоть и велик,
И потому был смертен хан-старик,
Когда восьмидесяти лет достиг,
И он переселился в мир иной.

Он отошел, оставив ханский трон,
Земную славу и оружия звон,
Оставил сына и красавиц жен,
Не взяв туда с собою ни одной.

Счастливый сын остался сиротой.
(Свершилось то, что было лишь мечтой.)
Взошел он на отцовский трон золотой
И стал обширной управлять страной.

Хоть новый хан почти ребенок был,
В сравненье с ним отец ягненок был,
Жестокий юный хан с пеленок был.
Как знать, что было этому виной?

Визирь, чье сердце холодней, чем лед,
Нешадно грабил стонущий народ.
А хан (ему пошел двадцатый год)
Судил и правил за его спиной.

Когда-то юношу учил мулла,
Наука очень скучною была,

Она на пользу хану не пошла,
Ему был предначертан путь иной.

Великих ханов окрыляет власть,
Великих ханов опьяняет власть,
Наш хан познал еще другую страсть,—
Он ею был охвачен, как шальной.

Желанье хана — для страны закон,
И верные гонцы со всех сторон
К нему в гарем сгоняли новых жен,
И забавлялся он с очередной.

Он свадебные задавал пиры,
Каких не знали прочие дворы
От сотворенья мира, с той поры,
Как появились ханы под луной.

Предпочитал он малолетних дев,
И радовался, юной овладев,
А девушка, познав позор и гнев,
Случалось, весь свой век была больной.

Через покои ханские прошли
Красивейшие женщины земли
И все ж насытить хана не могли,
Не остывал его желанья зной.

По всей стране гонцов не меньше ста
Он разослал, сказав им: "Красота
Дороже крови, золота, скота,
Добудьте женщин мне любой ценой!"

На берегу, где юрты не стоят,
Один рыбак жил много лет подряд.
Веревкой он подвязывал халат,
Во всем себе отказывал бедняк.

Жизнь не легка была, не хороша.
Поставил дом он вроде шалаша,
Сеть смастерил и плот из камыша
И рыбой пробавлялся кое-как.

Он делу научился у отца,
По рыболовной части мудреца.
Стирая пот со своего лица,
На счастье сеть закидывал рыбак.

Весною рыба шла икру метать,—
На рыбака сходила благодать,
Не успевал он сети вынимать,
А в ней блестел сазан, блестел судак.

Но чаще так бывало у него:
Закинет сеть — не вынет ничего,
И, плача от бессилья своего,
Судьбину злую проклинал бедняк.

Был нищ рыбак, а все же был богат:
Веревкой он подвязывал халат,
Но у него был сокровенный клад,
Был дочерью своей богат рыбак.

И впрямь была красавицею дочь,
Пред нею тучи расступались прочь,
В безлунную, неласковую ночь
Ее краса рассеивала мрак.

Она была стройна и высока,
Была черноволоса и тонка.
Светился взгляд ее издалека,
Избраннику суля немало благ.

Ее улыбка расточала мед,
Ее улыбка расплавляла лед,
И руки белые и нежный рот
Избраннику сулили много благ.

Но улыбалась изредка она.
Работала Гулим, не зная сна.
Жизнь этой девушки была трудна,
Как всякой, у кого отец бедняк.

Таких не озаряет счастья свет,
У них причины для веселья нет.
Когда минуло дочке десять лет,
Свою жену похоронил рыбак.

И без того жилось несладко им,
Но вот осталась сиротой Гулим.
Она над горем плакала своим
И не могла наплакаться никак.

На берегу так плакала она,
Что вся вода от берега до дна
От слез девичьих стала солона...
Над бедною Гулим сгущался мрак.

* * *

И стали жить рыбак и дочь одни.

Верней, не жили, мучились они.
В нужде, в заботе пролетали дни.
Гулим росла, как полевой цветок.

Отец-кормилец, волею судеб,
Однажды занедужил и ослеп.
Рыбачить, добывать насущный хлеб
Слепой рыбак теперь уже не мог.

Старик сидел беспомощен и тих,
Касаясь глаз невидящих своих,
А дочь работать стала за двоих,
Не покладая рук, сбиваясь с ног.

Старик был слеп, он путал день и ночь.
Старик жалел единственную дочь.
Но, немощный, чем мог он ей помочь?
Он лишь молился: "О великий бог!

Гулим,— она и дочь моя и сын,—
На всей земле одна, и я — один.
О боже, наш всесильный властелин,
Не посылай к нам горе на порог.

Дочь у меня — и больше нет детей.
Пошли удачу дочери моей!
Пусть потечет к ней золота ручей,
Ужель для счастья нету к нам дорог?

О господи, меня лишил ты глаз.
Мою мольбу услышь ты хоть сейчас!.." "
Так он молился в день по многу раз,
Рыдал, просил, а что еще он мог?

А дочь его должна была успеть

Испечь лепешки и закинуть сеть,
За стариком незрячим приглядеть
И накормить его, и вымыть в срок.

Хватало дел: то снасть нехороша,
То прохудилась крыша шалаша.
Ее чинила девушка, спеша,
Чтобы старик в ненастье не промок.

Дочь почитала слабого отца,
В жару стирала пот с его лица.
Она была очами для слепца.
Он без нее и вовсе б занемог.

Незрячий, никуда он не ходил,
Лишь на одно ему хватало сил —
Сидел старик, весь день веревки вил,
Веревки эти сматывал в клубок.

Гулим была красива и чиста.
О ней ходила слава неспроста.
Но если счастья нет, то красота
И та несчастной девушке не впрок.

Посланцам хана — воинам лихим
Известно стало о красе Гулим.
И вот уже они путем глухим
Проникли на далекий островок.

В глухом краю скрыт от г людей шалаш.
Безлюдье — вот его надежный страж.
Гулим твердила: "Кто отыщет наш
Пустынный остров? Нет сюда дорог!"

* * *

Ни шороха вокруг, ни ветерка,
Покой и сон в жилище рыбака.
Так только кажется издалека,—
Обманчивы покой и тишина.

Покоя нет, не спит рыбак слепой.
Он, подпирая голову рукой.
Вымаливает счастье и покой,—
Молитва у него всегда одна.

От старика, немного в стороне,
Лежит Гулим, свернувшись на рядне,
И что-то шепчет, мечется во сне,
Тревожна, как река, как снег, бледна.

А в это время ханские послы,
Не очень расторопны и смелы,
Бредут во тьме, как вьючные ослы,
Усталы, злы, а цель им не видна.

В жилище рыбака не ждут врагов,
Ни брани их не слышат, ни шагов.
Гулим, бедняжка, после дня трудов
Лежит, заботами утомлена.

И видится ей сон: змея ползет,
К ее губам свой страшный тянет рот,
Сперва целует, после кровь сосет,—
Гулим бессильна, а змея сильна.

Вкруг шеи обвивается она,
Гулим кричит, пытается, она
Бежать, но спотыкается она,

И — в страхе просыпается она...

Отец не спал всю ночь, молился он.
Он слышал крики дочери и стон.
"Гулим, какой тебе приснился сон,
Тяжелый сон, тебя лишивший сна?"

В глаза мои слепые погляди,
Все расскажи, меня ты не щади!..
И в час ночной, припав к его груди,
О страшном сне поведала она.

Тогда заплакал и отец седой,
Затряс своею белой бородой:
"Коль сон к беде, пред этую бедой
Бессильны мы с тобою, ночь темна!"

...Казалось, горю не было конца,
Но стала дочка утешать отца.
Стирала слезы с дряблого лица,
Была она с ним ласкова, нежна.

"Не плачь, отец, мы вынесем с тобой
Все то, что предназначено судьбой,
И встретим мы ее удар любой,
И оба тверды будем, как стена.

И буду я всему наперекор
Всегда с тобой, отец, как до сих пор.
Я понесу тебя через гребни гор,
К тебе, отец, любовь моя сильна".

Касалась дочь отцовских щек рукой.
От слез ее, от нежности такой
Убогий старец обретал покой...

А ночь была безлунна и темна.

* * *

Кончалась ночь, когда со всех сторон
Раздался топот и оружия звон.
Беда явилась к ним,— проклятый сон
Не обманул красавицу Гулим.

Испугана и, как стена, бледна
Вскочила тут же на ноги она.
Старик-отец очнулся ото сна,
Беда стучится в дверь. Что делать им?

Услышав топот за дверьми и крик,
Рыбак несчастный головой поник.
Что может сделать немощный старик?
А он еще к тому же был слепым.

А стражники, все на пути круша,
Кричали громко возле шалаша:
"Э-эй, живая есть ли здесь душа?
Кто выйдет к нам, тот будет неведем!"

Но в шалаше никто не отвечал,
А что шалаш? Не крепость между скал.
Не выдержал осады и упал
Шалаш, построенный с трудом большим.

Кто к ним пришел, что делалось вокруг,
Гулим, бедняжка, поняла не вдруг.
Но потянулись к ней три пары рук:
"Пойдем, мы зла тебе не причиним!"

И заблестел огнем девичий взор.

В ней вспыхнул гнев, дремавший до сих пор.
Она очнулась и, схватив топор,
Пошла навстречу недругам своим.

"Кто вас послал, что надо вам от нас?
Что привело сюда вас в этот час?" —
Так воинам, меча огонь из глаз,
Промолвила красавица Гулим.

Один из них испуганно сказал:
"Великий хан нас в дом к тебе послал.
Красавица, чьи губы словно лал,
Не бойся нас, тебя мы не съедим!

К властителю во сне явилась ты,
Властителю во сне приснилась ты,
И мы хотим, чтоб согласилась ты
Предстать пред повелителем своим.

Тобою покорен великий хан,
Он изнывает от сердечных ран.
Пусть он скорее твой обнимет стан,
Чтоб улетел его печали дым".

Был голос девушки суров и глух.
Она сказала: "Дети потаскух,
Старик отец мой слеп, но он не глух.
Зачем меня позорите пред ним?"

Что я свершила, в чем моя вина?
На свете я красива не одна,
И если вам красавица нужна,
Вы обратитесь к девушкам другим!"

От этих слив взъярились палачи
И вынули сверкнувшие мечи,
И крикнули; "Презренная, молчи,
Иль по-другому мы заговорим!"

Гулим глядела на врагов в упор,
Решив, что лучше гибель, чем позор.
И грозно занесла она топор
И обожгла пришельцев взглядом злым.

Так страшен был ее безумный взгляд,
Что воины отпрянули назад,
А девушка кого-то наугад
Ударила оружием своим.

Один пришелец побелел, как мел,
Один пришелец ахнуть не успел,
Он кровью захлебнулся и осел —
И на земле остался недвижим.

Их было трое, воинов лихих,
Убить Гулим хватило б сил у них,
Но хан красавиц требовал живых.
Задумались гонцы: "Что делать им?"

Они уйти решили, а пока
Ударили слепого рыбака
И уходя, уже издалека,
Слова проклятья бросили Гулим.

Как птица возле слабого птенца,
Гулим склонилась около отца.
Она обтерла кровь с его лица
И причитала, плакала над ним.

* * *

Ни звона пик, ни топота коней.
Прошло с той ночи шесть ночей и дней,
Гулим решила: хан забыл о ней,
Но хан опять послал своих людей.

На этот раз так много их пришло,
Что стало ночью от мечей светло.
На девушке они срывали зло,
Ее старались мучить побольней.

Они ремнем связали руки ей,
Смеялись, причиняли муки ей.
Они не дали в миг разлуки ей
С отцом проститься — с радостью своей.

Пред тем как выйти в путь, два молодца,
Чьи руки были тяжелей свинца,
Избили слабого ее отца:
Пусть не забудет до скончанья дней.

Связали и оставили его
На острове пустынном одного.
Смеялись молодцы, мол, ничего,
Коль не помрет, так станет поумней.

Прощалась с телом немощным душа.
Больной старик лежал едва дыша.
Лишился он всего: и шалаша,
И снасти, и любимицы своей.

* * *

Ее втокнули в зал, где ханский трон,

Был хан ее красою ослеплен.
Сказал он: "Будешь первую из жен.
Ты мне ответь, согласна или нет?"

"Великий хан, я бы сказала "да",
Но для любви я слишком молода.
Повремени немного, и тогда,
Возможно, дам тебе другой ответ!"

Вскочил, как обожженный, властелин,
И подал знак взбешенный властелин.
Пришел палач, за ним еще один,
И стали страшный свой вершить совет.

С Гулим одежды сняли палачи,
Несчастную распяли палачи,
Пока Гулим держали палачи,
Хан заслонил над нею белый свет.

Ей щеку оцарапал ханский ус,
Был горек ханский поцелуй на вкус
И на змеиный походил укус,—
Казалось, от него защиты нет.

Казалось ей: она горит в огне.
Она кричала, словно в страшном сне.
Дрожь пробежала по ее спине.
Гулим кричала и впадала в бред.

Вот так пришел к ней первый миг любви!
Вдали не пели песни соловьи.
Она лежала на ковре в крови,
Без крови хан не достигал побед.

Она зачихла и лишилась сил,

Уже из жен ей кто-то саван сшил,
 Уже ее, бедняжку, Азраил
 Считал своей по множеству примет.

Был хан великий страстью опьянен,
 Гулим считал он лучшею из жен.
 Хан бесновался, клял табибов он
 И собирал визирей на совет.

Но утром на четвертый день она,
 Открыв глаза, очнулась ото сна.
 И показалось ей, что ночь темна,
 Хоть озарял лицо ей яркий свет.

Она, припомнив, что произошло,
 Все поняла: над ней свершили зло.
 Еще одно виденье ей пришло:
 Возник ее отец — угрюм и сед.

Гулим решила: "Мой увял цветок,
 Потерянного не воротит бог,
 Но мой отец в беде, он одинок,
 И я должна спасти его от бед".

* * *

К властителю Гулим, бела, как мел,
 Пришла сама. На троне хан сидел,
 Но, оторвавшись от великих дел.
 Красавицу спросил он: "Что с тобою?"

"Великий хан, ты пролил кровь мою.
 Я ослабела, я едва стою.
 Но то, что думаю, не утаю,

Перед тобою ничего не скрою.

Гордилась я своею чистотой.
Ты на моей крови устроил той.
Не пожалел ты жизни молодой,
И всех моих несчастий ты виною.

Ты, властелин, и грозен, и жесток,
Ты надо мною надругаться мог.
Ты грубо смял мой девичий цветок,
На миг моей пленившись красотой.

Я как-то видела змею во сне,
И вот не в полуночной тишине,
А на яву она явилась мне —
Ты оказался черною змеею.

Я стала и несчастной, и больной.
За боль, за все, что сделал ты со мной.
Прошу тебя о милости одной,
Исполни — стану я твоей женою.

Есть островок, где люди не живут,
Там мой отец. Пусть стражники пойдут,
Освободят его от крепких пут,
Чтоб рядом был он с дочерью родною".

Промолвил грозный хан: "Да будет так.
Найдите старика, — он подал знак, —
Над головой твоей рассею мрак,
Твою исполню просьбу, бог с тобою!"

Для ждущих длинен день и ночь длинна.
Гулим ждала, но вот отца она
Увидела. И звезды, и луна

В счастливый час зажглись над головою.

Они соединились наконец:
Дочь оскорбленная, слепой отец,
И горечь двух обиженных сердец,
Как прежде, стала горечью одною.

И всемогущий хан был тоже рад,
Свершен был вскоре свадебный обряд,
И пировали сорок дней подряд —
Таких пиров не знали под луною.

Гулим навек владыке отдана.
Была у хана не одна жена,
С Гулим их стало сорок и одна, —
Гулим была последнею женою.

Гульмурат-шаир (Первая половина XIX в.)

Хотя до наших дней дошли лишь немногие произведения Гульмурат-шаира, это не помешало поэту занять достойное место в ряду классиков каракалпакской литературы. Даты жизни Гульмурат-шаира точно не установлены.

Выросший в степи, Гульмурат глубоко любил и понимал красоту природы, тонко передавал в своей лирике своеобразие родных пейзажей. Стихотворение Гульмурата "Одинокий гусь", проникнутое гуманистическим протестом против насилия и несправедливости, по праву считается одним из лучших образцов каракалпакской лирики XIX века.

ОДИНОКИЙ ГУСЬ

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть.
Напрасно, бедняжка, клюет он веревку,
Напрасно гогочет: — На волю я рвусь!..

Увидев летящую стаю гусей,
Кричит он тоскливо и тянется к ней,
Он хочет, несчастный, взлететь в поднебесье,
На помощь зовет своих вольных друзей.

Услышала стая отчаянный зов,
И кружит, и кружит среди облаков,
И вскоре спускаются гуси к собрату,
Привязанному у прибрежных кустов.

И ласково шеями трутся они,
И радостна встреча гусиной родни,
А в тайной засаде стрелок бессердечный

Готовит им гибель, скрываясь в тени.

Встречаются гуси у желтой волны,
Гогочут от радости, счастьем полны,
Но тут ударяет в них громом охотник,
И жизнь отнимает у них без вины.

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть,
Напрасно, бедняжка, грызет он веревку,
Напрасно гогочет: — На волю я рвусь!..

Увы, не избавился он от петли,
А стая скрывается в синей дали.
В тоске безнадежной он лапы сжимает,
И в черную землю их когти вросли.

КУДА Я ПОЙДУ?

Семья голодает, и сам я голодный,
Спасения нет от нужды безысходной,
Дороги не вижу прямой и свободной,
Куда же, хоть мир и широк, я пойду?

Полно мое сердце печали и боли,
Доколе мы мучиться будем, доколе?
Дождусь ли когда-нибудь радостной доли?
Куда от забот и тревог я уйду?

Меня оглушили все беды на свете,
Незгоды жестокие хлещут, как плети,
Рыбачить хотел — унесло мои сети,
Где в море теперь их клубок я найду?

Когда, наконец, залечу свои раны,
И выскажу все, и страдать перестану?

Увы, не дождавшись весны долгожданной,
Наверно, за смертный порог я уйду...

Друзья, на себя положиться осталось,
Ведь недругам нашим неведома жалость.
Коль жив человек — это вовсе не малость,
Познав справедливость, в свой срок я уйду.

От горя огнем я горю и сгораю,
Устал от тоски — нет конца ей и краю!
Надежды мои не сбылись... Увядая,
Как сломленный ветром цветок, я уйду.

В руках моих шест, он и крепкий, и длинный,
С плота тростникового сети закину.
На берег озерный — унылый, пустынный,
Нерадостен и одинок, я иду.

Камыш и куга стали тощи и сухи,
Их корни мы летом жуем с полодухи,
Измучены дети, глаза их потухли,
Чтоб дать им хоть рыбы кусок, я иду.

"Голодному не повезет и в охоте",
"Посейте зерно — урожай соберете",
Но где семена?.. И в угрюмой заботе,
Сминая прибрежный песок, я иду.

Я вижу, как плещутся щуки, сазаны,
И радуюсь этому я несказанно.
Весь месяц пустым было дно у казана,
Теперь закипит казанок! — я иду.

Дай, море, улов! Дай мне счастье рыбачье!
Пусть мне хоть раз улыбнется удача,
Чтоб дети впервые заснули, не плача!

Почувствовав силы приток, я иду.

Закинул я сети в местечке укромном
И вот из воды выбираю их темной,
Но что-то вытаскивать слишком легко мне,
Пугаясь, что мало извлек, я плыву.

И правда: попались мне только три штуки —
Сазан небольшой да костлявые щуки.
За шест ухватились в отчаянье руки,
По озеру наискосок я плыву.

Вдруг ветер с востока набросился, воя,
И берег исчез за стеной дождевою...
Сумею ли быстро добраться домой я?
Халат мой дырявый промок... Я плыву...

Волна о волну ударяется с ревом,
Я еле держусь на плоту тростниковом,
Мой плот устоит ли под натиском новым?
От страха дрожа, как щенок, я плыву.

Пригнул камышовые головы ветер,
Он глубь водяную завил круговертью,
Земли словно не было вовсе на свете,
Туман мне глаза заволок... Я плыву...

Гляжу я вокруг, от тоски холодея:
Исчезну вот-вот в этой бурной воде я!
На сушу мне выбраться надо быстрее!
Надеясь, что путь недалек, я плыву.

В упорстве своем я уверен заране:
До берега я доберусь и в тумане,
Быть может, и это пройду испытанье,
Пусть шаток мой плот и убог,— я плыву!

Прибой даже камни уносит, бушуя,
 В беду ненароком попал я большую:
 Несет меня по морю, смерть свою чую,
 Сквозь пенный, бурлящий поток я плыву.

С семьею своею увижусь ли скоро?
 Кто будет родителям старым опорой?
 Измученный, средь водяного простора,
 От гибели на волосок, я плыву.

А может судьба не захочет обидеть
 И жизнь у меня не захочет похитить?
 Народ свой родной мне бы только увидеть,
 И пусть я совсем изнемог, я плыву.

Друзья, этот мир оказался злодеем,
 Где недруги жалят, подобные змеям,
 Затравлен нуждою, унижен, осмеян,
 В миру, что, как море, глубок, я плыву.

Кто умер, тот в мир не вернется постылый,
 А я еще жив, хоть у края могилы.
 Земля разве так бы со мной поступила?
 В народе спасенья залог! Я плыву...

Ждут дети меня, озираясь тревожно,
 А море уносит меня безнадежно,
 И дна уж нащупать шестом невозможно...
 Скорбя, что удел мой жесток, я плыву.

Сарыбай

(Вторая половина XIX в.)

Жизнь и творчество Сарыбая относятся ко второй половине прошлого столетия. Даты рождения и смерти

писателя не известны. Судя по многим стихам Сарыбая, поэт жил в постоянной нужде.

Сарыбай — зачинатель басенного жанра в каракалпакской поэзии. В своих баснях он в яркой аллегорической форме изображал невзгоды и лишения бедноты, жестокий произвол правителей.

Некоторые басни Сарыбая построены в форме диалога. Например, в басне "Говорю" поэт спрашивает птицу: "Что за время настало такое, когда все твои птенцы совсем лишились оперения?" И птица отвечает: "Разве твои собственные дети одеты? Они ведь тоже голы". Такая форма диалога в сочетании с аллегорическими образами давала возможность поэту острее и убедительнее выражать свои вольнолюбивые мысли, смело говорить о беспощадной тирании ханов и богачей, о горестях и надеждах трудового народа.

Я ВАС ПРОКЛИНАЮ, ГОДЫ МОИ!

Без малого семьдесят лет живу,
О, каторга злая — годы мои!
Как в мрачном аду, я горю наяву
И вас проклиная, годы мои!

Не было ни удалого коня,
Ни дорогих одежд у меня,
Жил в нищете я, долю кляня,
Вас проклиная, годы мои!

Век не носил я белых сапог,
Ночью под кровлей дырявой мок,
С вами сражаясь, я изнемог,
Черная стая — годы мои!

Молча таил я слезы мои,
Стоны мои, угрозы мои.

Нету детей, нету семьи —
Один доживаю годы мои...

Счастья я ждал,— но мои мечты
Погибли от горя и нищеты.
Горькая жизнь! Для чего мне ты?
Я вас проклиная, годы мои!

РАЗГОВОР С ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ

С а р ы б а й

Смотрю на тебя — и глазам я не верю:
Куда подевала ты мягкие перья?
Тебя не украсила эта потеря.
Что скажешь с утеса, летучая мышь?

Л е т у ч а я м ы ш ь

Облезлая шапка из шкуры барана,
Твой смех непочтительный слышать мне странно,
Следи же за речью своей неустанно
И будь поучтивей, когда говоришь.

С а р ы б а й

Зачем прозябаешь ты в темном ущелье?
Ведь сыро и холодно в каменной келье.
Крылатым без перьев какое веселье?
Ответь мне, пожалуйста, бедная мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

На трудный вопрос ты желаешь ответа!
Была я в красивые перья одета,
Но сжил нас правитель жестокий со света,
По милости царской теперь я голыш.

С а р ы б а й

Гляди-ка: вон солнце за облаком скрылось.

Поведай мне, что же с тобою случилось?
 К какому царю ты попала в немилость
 И в чем провинилась, летучая мышь?

Л е т у ч а я м ы ш ь

Скрывать я жестокую правду не стану:
 Коварство и пытки царя Сулеймана
 Изведаны мною, и все мои раны,
 Всевышний, один только ты исцелишь!

С а р ы б а й

Так вот оно что! Сулеймановы руки
 Тебя обрекли на великие муки.
 Тебя я расспрашиваю не от скуки,—
 Поведай всю правду, летучая мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

Наверное, мир Сулейману наскучил,
 Давно на пернатых глазища он пучил,
 Поймал меня первою — чуть не замучил.
 Я вырвалась — юркнула в частый камыш.

С а р ы б а й

Чего же от птиц-то ваш царь добивался,
 Зачем он ловить и терзать их пытался,
 О чем он старался и как расправлялся
 С другими? Ответь мне, летучая мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

У птиц он, тряся подбородком от злости,
 Выщипывал перья, выдергивал хвостик,
 На солнце высушивал легкие кости...
 Не вырвешься, если к нему залетишь.

С а р ы б а й

Высушивал кости? А дальше-то что же?

Число неповинно загубленных множа,
К чему он стремился? Неясно мне все же.
Рассказывай дальше, летучая мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

Он птичьего племени целые тучи
Губил, собирал их в кровавые кучи.
Под кучей костер разводил он горячий —
Гори себе, птичка, пока не сгоришь.

С а р ы б а й

Нет слов, чтобы дольше с тобой состязаться.
Устал я... На север пора отправляться.
Ну, что же, счастливо тебе оставаться,
Пора нам расстаться, летучая мышь.

Отеш-шаир

(Вторая половина XIX в.)

Сведения о жизни и творчестве Отеша Алшынбая улы, (известного в каракалпакской литературе под именем Отеш шаира) собраны путем опроса знавших его современников. Жил поэт в местности Кабаклы на южном побережье Аральского моря. Некоторые исследователи считают, что Отеш является прямым потомком знаменитого поэта Жиена-Жырау.

Отеш был выходцем из бедняцкой семьи. Получил начальное образование в аульном мектебе. Вел жизнь простого дехкана-бедняка. Основное место в творчестве поэта занимают произведения, в которых он гневно разоблачает социальное неравенство, правдиво повествует о тяжелом и несправном положении трудового народа. Известно, что Отеш-шаир долгие годы был близким другом великого поэта Бердаха.

В своих стихах поэт срывал маски с баев и служителей культа (стихотворения "Похоже", "Бессовестный", "Нуратдин"), неизменно выступая как поборник честности и справедливости. Отеш преклоняется перед благородством и героизмом Ерناзара-Алагеза, вождя народно-освободительного восстания 1855—1856 гг. Отеш всю жизнь был выразителем дум и чаяний простого народа. Таким он и остался в памяти потомков.

НАДО

Коль сиротой ты родился на свет,
Тебе ни радости, ни ласки нет,
И сгорблен ты под ношей горьких бед —
Скорее бы уйти в могилу надо.

Коль торжествует твой давнишний враг,
И силы нет втоптать его во прах,
И жар борьбы потух в твоих глазах,—
Покинуть этот мир унылый надо.

Я с вами, Аблатдин и Нуратдин,
Встречаю бег безжалостных годин,
Но тает снег, и солнце-властелин
Ведет весну. Помочь светилу надо!

Как много на земле гостило нас!
Страдали мы, мечтая и томясь,
Смерть настигала нас в ненастный час —
Расстаться против воли с милой надо.

Роскошествуют лжец, богач, злодей,
А ты, бедняк, лишь дырами владей.
Мы падаем, мы бьемся средь сетей,—
Покончить нам с нуждой постылой надо.

С умом за дело взяться мы должны,
Нужна нам верность, как клинку — ножны,
Нужна поддержка друга иль жены,
И больше правды быстрокрылой надо.

Отеш-шаир лишь истину сказал,
Свой ум он напоказ не выставлял.
Хочу я, чтобы каждый правду знал,—
Чтоб цель достигнуть, много силы надо!

ПОДОБНЫ

Да, разный люд живет еще на свете:
Иные к нам добры, иные злобны.
В тех благородства яркий свет, а эти,
Увы, лишь свиньям мерзостным подобны.

Свет истины иные защищают,
 Лжеца краснеть слова их заставляют,
 Согбенного бодрят и выпрямляют,—
 Родимому отцу они подобны.

А те за совесть назначают цену,
 Измену не считают за измену,
 От праведного прячутся за стену,—
 Такие злomu демону подобны.

В гордыне никому не уступая,
 Божась и тут же клятвы нарушая
 И дерзостно о боге забывая,
 Они скоту безмозглому подобны.

Взять Еремекбая нашего к примеру:
 К чему о правде думать лицемеру?
 Беспечен, легкомыслен он не в меру,
 Привычкам пса дела его подобны.

Из года в год свои стада он множит,
 Никто из нас сравниться с ним не может,
 Растит и хлеба вдоволь он, а все же
 Глаза — глазам голодного подобны.

Двух чабанов теперь он держит дома,
 Одежда их — тряпье, постель — солома,
 Знакомы им побои, брань знакома,—
 Мышам летучим бедные подобны.

Дела у Еремекбая неплохие,
 И все ж среди каракалпакских биев ¹
 Про богатея ходят шутки злые:

Ермекам²² все дела его подобны.

Из милости он кормит двух сироток.
 На что уж нрав их безответен, кроток,
 А он ворчит: "В три шеи обормоток!"
 Не хрюканью ль слова его подобны?

В нем наглости и спеси слишком много,
 Таких бы надо вышвырнуть с порога
 Да в степь прогнать — туда им и дорога,—
 Они бы стали джинам злым подобны.

Осталось попросить нам Ермекбая
 Нас не бранить, невежами считая,—
 В степи такие быстро одичают
 И станут вскоре демонам подобны.

НА СМЕРТЬ БЕРДАХА

Когда, от восхищенья глух и нем,
 Читал я лучшую из всех поэм
 И вами жил. Гариб и Шахсанем²³,—
 Вдруг всадник появился перед домом.

Понурившись, ступил он на порог,
 И, оторвавшись от бесценных строк,
 Досадуя, что гость меня отвлек,
 Во двор с гонцом я вышел незнакомым.

Так странно юный голос прозвучал—
 Недоброе он что-то предвещал...

²² В подлиннике — игра слов. "Ермек" — насмешка, злая шутка.

²³ Г а р и б и Ш а х с а н е м — герои знаменитой классической восточной поэмы.

И вправду — гость мой страшное вещал,
А я молчал, как пораженный громом.

"Рыдая дни и ночи напролет,
Душой страдая за родной народ,
Певец Бердах — поэзии оплот —
Был призван богом и ушел из жизни..."

Протяжный вопль сдержать я не сумел...
Весь мир перед глазами почернел...
И скоро весь аул уже скорбел
Со мною на внезапной этой тризне.

Нежданная, великая беда —
Такой никто не ведал никогда!
Погасла путеводная звезда —
Поэт Бердах судьбою взят из жизни!

Но превозмочь хочу печаль свою —
Хвалы Бердаху громко воспою:
Он славен был в отеческом краю,
С мечтой о счастье он ушел из жизни.

Гордился им и старец, и юнец,
Читал он тайны всех людских сердец,
Он человечности служил, мудрец,
Он жизнь любил — и вот ушел из жизни.

Он пламень правды в песнь свою вдохнул,
Он не страшился ни господ, ни мулл,
Но зоркий ум в глубокой мгле уснул —
Достойный рая, он ушел из жизни.

Его уста лишь истину рекли,
Сравнится с ним один Махтумкули,
Ценил он честь превыше благ земли,

А ныне в землю он ушел из жизни.

От скорби изменился облик мой,
Опухшие глаза объяты тьмой.
О друг, утешь меня и успокой,
Не верю я, что ты ушел из жизни!

Внемлите: друг Бердаха говорит.
(Душа при этом имени горит!)
Он сердцем был отважен и открыт,
Поэт-батыр ушел из нашей жизни.

Коль я солгу — меня накажет бог!
Бердаха слушать я часами мог,
В речах он был немногословен, строг,—
Учитель лучший мой ушел из жизни.

Его Жиен-Жырау наставлял.
Потом и сам наставником он стал,
На верный путь певцов благословлял...
Увы, ушел наш поводырь из жизни!

Играл он на дутаре²⁴, звонко пел,
И сердцем, и умом был чист и смел,
Стихом он, как мечом, разить умел,
Гроза врагов — Бердах ушел из жизни.

Тоска глаза и души наши ест,
Затоплено слезами все окрест,
Я без него в миру один, как перст,
Судьба решила, он ушел из жизни.

Смеялся друг и жалко плакал враг,

²⁴ Д у т а р — двухструнный музыкальный инструмент.:

Когда того желал поэт Бердах,
Парил он мыслью в будущих веках,
Но, ясновидец, он ушел из жизни.

Встречались мы с Бердахом много раз,
И беды общие терзали нас,
Но песнь его блистала и лилась,
И вот владыка слов ушел из жизни.

Не зря приснился мне зловещий сон,—
Ужасной вестью был я пробужден...
Я вспоминаю все, что сделал он,
Зову его — но он ушел из жизни.

А слезы все струятся, все слепят...
Но различает мой померкший взгляд,
Что не один я, что со мной скорбят
И все друзья ушедшего из жизни.

На миг уймусь я — и опять, опять
Рыдания не в силах удержать,
Как рыба, бьюсь я — нечем мне дышать
При мысли, что Бердах ушел из жизни.

Чапан под ливнем слез моих промок,
И духом я от горя изнемог,
Подкошенный тоской, валюсь я с ног,
Он поддержал бы — да ушел из жизни.

Он против тысячи бахсы один
Стоял в словесных битвах, исполин!
Народа своего великий сын,
Заступник сирых — он ушел из жизни.

Жил семьдесят три года наш поэт.
И мог бы жить еще немало лет...

Смерть, подлая, тебе прощенья нет,
Сражен тобою, он ушел из жизни!

Во вдовий цвет оделась вся страна,
От горя твердь небесная черна...
На вечные прославлен времена
Тот, кто вчера навек ушел из жизни.

Он был достоин званья своего,
Он благородство чтит и мастерство.
Каракалпакской песни торжество,
Тиранов бич — Бердах ушел из жизни...

На похороны славного певца
Текли людские толпы без конца,
А я не смел на гроб поднять лица,
Не верилось, что ты ушел из жизни!

Но люди шли, стеная и скорбя,
С рыданиями теснились вокруг тебя,—
И, стоя как в тумане, понял я:
Любимый всеми, ты ушел из жизни.

Когда же поднял я глаза на миг,
Жестокий ужас в грудь мою проник,
И я, как в сердце раненный, поник,
Поняв, что ты, Бердах, ушел из жизни.

Твой гроб поставлен в правый угол был,
И занавес тебя от взоров скрыл,—
Его откинув, я лишился сил
И наземь рухнул... Ты ушел из жизни!..

На похороны светоча земли
И ближние, и дальние текли:

Узбеки шли, казахи с плачем шли,—
Любимец всех племен ушел из жизни!

В то утро никого бы не нашлось,
Чьи очи не горели бы от слез,
Чье сердце, как змеей, не обвилось
Тоскою злою,— ты ушел из жизни!

Зовет на тризну всадник молодой,
Почтенный старец с белой бородой
Склоняется безмолвно над тобой,—
Но ты не видишь. Ты ушел из жизни.

Кто, скован скорбью, на камнях лежит,
Кто с порученьем горестным спешит,
Там у тандыра хлеб печет джигит
Для тризны в честь ушедшего из жизни.

Один, подножье гроба охватив,
Сам, словно гроб, угрюм и молчалив,
Другой к тебе взывает, позабыв,
Что ты замкнул свой слух, уйдя из жизни.

И скачут, скачут черные гонцы —
Отборные джигиты-удальцы —
И злую весть несут во все концы:
Бессмертный наш Бердах ушел из жизни!

И, как теленок, потерявший мать,
Не может не метаться, не мычать,
Мы плачем... Но от плача не восстать
Тому, кто навсегда ушел из жизни.

Я образ друга силюсь вновь вернуть:
Он ласков был, не важничал ничуть.

Как радовались мы, начав свой путь,
Забыв, что срок придет уйти из жизни!

Пригнали для поминок телок, коз,
И Нуратдин-мясник клинок занес,
И с новой силой льются реки слез
Из глаз родни ушедшего из жизни.

Пред Каракум-ишаном, как велит
Обычай,— голова бычка лежит.
Закатом алым небосвод облит...
С почетом ты, Бердах, ушел из жизни.

Каракалпаки тут, киргизы тут —
Из близких, из далеких мест идут,
И молит небеса смиренный люд,
Чтоб ада ты избег, уйдя из жизни.

Примчались люди племени Кунград,
Прислал послов Ашамайлы-кият,
Печалью о тебе весь мир объят —
Ты, покорив сердца, ушел из жизни.

Пришли муйтены ¹, подвиг твой ценя,
Они тебе по матери родня,
И я подумал, голову склоня,
Что ты живешь в сердцах, уйдя из жизни.

Когда мы в прошлом встретились году,
Сказал ты: "Друг мой, скоро я уйду..."
Как будто чуял близкую беду,
И вот свершилось: ты ушел из жизни.

Кипчаки и ногайцы — все творят
Торжественный и горестный обряд.

И русские здесь тоже, говорят...
Как чтят тебя! А ты ушел из жизни.

Улемам и ахунам²⁵ счета нет!
Чалмы их источают снежный свет.
И все молитвы — о тебе, поэт,
Чтоб с миром ты ушел из этой жизни.

Оказана тебе большая честь,—
Не счесть ишанов, суфиев не счесть,
Наверно, в этом смысл особый есть:
Знать, не грешил ты в этой грешной жизни.

И вновь готов слезами я истечь,
Припоминая радость наших встреч.
Ты дружбу, как никто, умел беречь,
Ты был моим богатством в скудной жизни.

Когда б ты видел, как тебя мы чтим!
Поистине ты всеми был любим,
Ты, как луна, сиянием своим
Светил во мраке нашей темной жизни.

Начертан свыше человеку путь,
И с этого пути нельзя свернуть.
Отеш, умолкни. Друга не вернуть.
Пастух ли, царь ли,— всяк уйдет из жизни.

²⁵ Улемы и ахуны — представители высшего мусульманского духовенства.

Омар-шаир (1879—1922)

Омар Сугиримбет улы (Омар-шаир) родился в местности Айрша. Вся жизнь поэта прошла в безысходной нужде. Он работал по найму у каракалпакских и казахских баев, много странствовал в поисках работы.

Изображая изнурительный труд батраков, Омар-шаир бичует скупость и алчность богачей, произвол и жестокость хозяев (стихи "Какая польза", "Я возвращаюсь"). Известны его сатирические произведения, направленные против духовенства ("Петух", "Видел" и др.). Во многих своих стихах Омар выступал против униженного и бесправного положения женщины.

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ (Отрывок)

Бежать в родной аул хочу,
Я на заре в нем быть хочу,
Я, как на крыльях, полечу —
Домой, домой я возвращаюсь!

Прощайте, нищие края, —
Там родина лежит моя!
Гам ждет любимая семья —
К ней наконец-то возвращаюсь.

В семье подарков будут ждать,
Но нечего в подарок дать...
Чем похвалиться? Что сказать?
Гол, как сокол, я возвращаюсь.

Прощайте все, кого любил,
Хочу, чтоб светлым путь ваш был,

Чтоб недруг вас не погубил,
Один домой я возвращаюсь.

Душа, как птица взаперти,
Рвалась свободу обрести,
Но к счастью не нашла пути,—
Измученным я возвращаюсь.

Пять лет бродил в чужой стране,
За труд наград не дали мне,
И ни копейки нет в мошне
Таким же нищим возвращаюсь

Я горя много повидал,
Советы немощным давал,
Всегда несчастным помогал,
А сам несчастным возвращаюсь.

ВОЗДАМ

Всем скорпионам, жалящим людей,
Я мщенье своевременно воздам!
Соперники всех ядовитых змей,
Убежища я не оставлю вам!

А также тем, кто землю или скот
Возьмет у бедных и во мрак невзгод
Себе подобного, смеясь, пошлет,
За горе и мученья я воздам.

Внемлите вы, кем разорен бедняк!
Пусть только он покажет мне синяк
От вашей палки иль укус собак,—
За все без промедленья я воздам.

Тем, кто труды других сосет легко,
 Как будто пьет не кровь, а молоко,
 Тем, кто вознесся слишком высоко,
 За грех и преступленья я воздам!

Всем алчущим скота и серебра,
 Вам, в чьей богатой юрте нет добра
 Без воровского тайного тавра,—
 За ложь и ухищренья я воздам.

Когда злодей, как ураган, с пути
 Желает жизни встречные смести,
 Пусть он потом не шепчет мне:
 "Прости!" Ему без сожаленья я воздам!

БИБИДЖАН

Червонным золотом горит над юным сердцем амулет,
 Джигита взор она манит, таких красавиц в мире нет!
 Что розы сладостной расцвет? Что солнца радостного
 свет?

Все затмевает Бибиджан в неполных восемнадцать лет!

Ее чудесной красоты в простых словах не передать,—
 С небесной синей высоты сошла на землю благодать.
 Не счесть всех молодцов-парней, что тайно думают о
 ней

И за улыбку Бибиджан готовы жизнь свою отдать.

О красоте ее молва дошла до отдаленных стран,
 Не могут описать слова волшебный взор ее и стан,
 Она умна, она добра, она — как нить из серебра,—
 Среди ровесниц ни одна не стоит юной Бибиджан.

Черны, как ночь, ее глаза и дивной нежности полны.
 Речь словно пенье соловья при свете трепетной луны,
 А голос у нее таков и таково звучанье слов,
 Что может мертвых оживить — тех, что давно
 погребены.

Алмазный блеск в ее глазах, ее слова для сердца — мед,
 Улыбка на ее устах в восторг любого приведет,
 И не напрасно все подряд о ней джигиты говорят:
 "Дороже золота тропа, где наша Бибиджан шагнет!"

Прекрасным сердцем и умом красавица одарена,
 И зажигать любви огнем умеет всех вокруг она,
 Она с джигитами строга, но блещут зубки-жемчуга,
 Когда улыбкой рот сверкнет и рассмеется вдруг она.

Звучит молва о Бибиджан, что день — то громче и
 слышней,
 И едут к ней из дальних стран десятки удалых парней.
 Все те, кому пора пришла женитьбы жаждой запылать,
 Все в жены взять ее хотят, все жадно гонятся за ней.

Везде известна Бибиджан как совершенство красоты,
 Волшебный взор ее и стан рождают страстные мечты.
 За то, чтоб ею обладать, джигиты рады все отдать —
 И золото, и серебро, и лучшего скота гурты.

Отец со свадьбой не спешил, поскольку сам он был
 богат,
 И дочь свою он сторожил, как сторожат бесценный
 клад.
 Но вот, в один несчастный год, погиб в степи его весь
 скот,
 И сразу стал он бедняком, в тоске потупил в землю
 взгляд.

А рядом жил счастливец-бай. Он сына был женить не
 прочь.
 Имел добра он через край, имел притом невесту-дочь.
 Речь о взаимном сватовстве, о крепком будущем
 родстве
 В семье соседа-богача, в роскошной юрте, шла всю
 ночь.

С усмешкой байский сын сказал: "Да, Бибиджан мне по
 нутру,
 С другими молодость терял, а эту в жены я беру!
 Брат у нее теперь бедняк. Скажу ему, мол, так и так...
 Взамен калыма я могу тебе отдать мою сестру!"

Пришел он к брату Бибиджан, сказал: "Ударим по
 рукам!
 Для друга ничего не жаль. Свою сестру тебе отдам!
 Бери себе мою сестру, взамен твою себе беру,
 Тебе калыма не дадим, и ты не дашь калыма нам!"

И вот уж в самом деле бьют друг друга по рукам они,
 Сестер друг другу отдают, как принято и в наши дни.
 Прославленная Бибиджан должна уйти в соседний
 клан

Под песни звонкие подруг и причитания родни.

Хоть брат, ударив по рукам, все окончательно решил
 И, свадьбы день назначив сам, судьбу сестры
 определил,

Но, услышав про те дела, чуть Бибиджан не умерла.
 И к брату вся в слезах пришла она, собрав остатки сил.

Пришла с заплаканным лицом, вся пожелтев от
 горьких слез,
 С осенним схожая листом, летящим с кленов иль берез.

Сдержав рыдания в груди, решившись к брату подойти,
Дрожащим, тонким голосом печально задала вопрос:

"Затем ли ты растил меня, сестру послушную свою,
Затем ли ты хранил меня, как розу бог хранит в раю,
Затем ли ты берег меня, чтоб на богачку обменять?
Ужель по сердцу жениха я не найду в родном краю?"

За нелюбимого отдав, ты хочешь мне испортить
жизнь?

Прошу я, на колени встав: брат, за богатством не
гонись!

Пусть я перед тобой в долгу, но подчиниться не могу,—
Я к баю в юрту не пойду, хоть обижайся, хоть сердись!

Взаимным этим сватовством поправить хочешь ты
дела?

Ты хочешь, чтобы в байский дом сестра невольницей
вошла?

О брат, опорой для себя всегда считала я тебя,—
Ты хочешь, чтобы не любя я в жертву отдана была?

Зачем бросаешь ты меня, мой брат, на произвол
судьбы?

Ты хочешь, чтобы, жизнь кляня, узнала я судьбу рабы?
Подумал ли, чем стану я? В расцвете лет увяну я!..
Хоть обижайся, хоть сердись, но я не сдамся без
борьбы!

Пусть нас мулла соединит, молитву к небу вознесет,
Пускай аллах меня казнит, я все ж нарушу ваш расчет!
Скорее мертвой упаду, чем в юрту байскую войду!
Клянусь, мерзавец Утемис меня женой не назовет!

Ни слова больше не скажу, хоть злейшей бранью
 оскорби,
 Дай волю плетке иль ножу, иль голову мне отруби!
 За Утемиса не пойду, скорее мертвой упаду!
 Убить меня ты можешь, брат, да только после не
 скорби!.."

Той речью брат рассержен был и удивлен, и возмущен,
 Но, усмирив обиды пыл, сестре сказал сурово он:
 "С тобою в спор я не вступлю. Все будет так, как я велю!
 Как смела ты мне возражать? Забыла прадедов закон?

С любовью или без любви должна войти ты в байский
 дом!
 Как Утемиса не зови—мерзавцем или подлецом,—
 Подымется высоко он, наследством будет наделен,
 Ведь, как зеница ока, он храним с пелен своим отцом!"

Так речь была тверда, хитра, так спрятал он под веки
 взгляд,
 Что, покорясь ему, сестра надела свадебный наряд.
 Брат ради каверзной игры на карту бросил жизнь
 сестры,
 И погубил свою сестру и жизнь ей искалечил брат...

Она была красой земли, но горестный удел ей дан,—
 Ах, счастья ей не принесли волшебный взор и
 стройный стан!..
 Пришлось перо мне в руки взять и вдохновение
 призвать,
 Чтоб людям в песне рассказать о тяжелой доле
 Бибиджан!

Поэзия советский каракалпакии

Аяпберген Мусаев

(1880—1936)

Аяпберген Мусаев — народный шаир, один из зачинателей каракалпакской советской литературы. Аяпберген учился на произведениях прославленных поэтов Востока — Фирдоуси, Навои, Махтумкули, следовал традициям Кунхожи, Ажинияза, Бердаха и других каракалпакских классиков. Многие восточные поэмы он выучил наизусть и исполнял их в кругу слушателей.

До революции стихи А. Мусаева носили преимущественно сатирический характер. Он высмеивал невежественные обычаи, представителей духовенства и власть имущих. Произведения шаира передавались из уст в уста, распространялись в рукописных списках, поскольку печать в Каракалпакии в то время отсутствовала.

Расцвет поэтического таланта Аяпбергена наступает после Великого Октября. Поэт включается в активную борьбу против феодальных порядков и религиозного мракобесия, за счастливую жизнь бедняков, за раскрепощение женщин. В 1925 г. трудящиеся Кунграда избрали своего любимого поэта делегатом на первый съезд Советов Каракалпакии, принявший решение об образовании автономной области. В эти дни поэт создает свою замечательную поэму

"Начинается". Одним из первых Аяпберген вступил в колхоз и был активным борцом за коллективизацию.

Высоким поэтическим мастерством отличаются стихи Аяпбергена, написанные в 30-е годы. Он воспевает социалистические преобразования в аулах, призывает молодежь служить делу партии, делу социалистической революции. Высоким произведениях прославленных поэтов Востока — Фирдоуси, А. Мусаева "Ленин", опубликованное в 1932 г. на страницах "Правды".

Произведения Аяпбергена Мусаева переведены на русский и узбекский языки. "Избранные произведения" поэта дважды издавались на каракалпакском языке (1938, 1956).

ЛЕНИН

Простите, если я не знаю лучших слов,—
Редчайшей редкостью в наш мир явился Ленин,
Он стал отцом для всех голодных и рабов,
Священны все места, где жил, трудился Ленин.

Как ясный лик луны, сквозь тучи он сиял,
Огнем правдивых слов он камни расплавлял,
Бессильным недруг стал, богатым нищий стал,
Со сворой палачей бесстрашно бился Ленин.

Широкий, светлый путь открылся нам вдали,
Сел на коня бедняк²⁶, а бай лежит в пыли,
Живым ковром цветов покрылся лик земли,
Как будто на поля дождем пролился Ленин.

²⁶ "С е с т ь н а к о н я" — народное выражение, означающее "стать хозяином положения, хозяином своей судьбы".

С трибуны речь держа, он звал идти вперед,
 Казалось, тучи стрел на недругов он шлет,
 И правде смелых слов поверил весь народ,
 Благословляя день, когда родился Ленин.

У баев он отнял их прежние права,
 Был зорок взгляд его, ясны — его слова,
 Где б ни стонал батрак, ни плакала вдова,
 Для них опорой стал, за них вступился Ленин.

Он всех законов был тончайшим знатоком,
 Со всеми нуждами людскими был знаком,
 Как с равным, говорил с последним бедняком,
 Вот почему с людьми так породнился Ленин.

Распался старый строй, — кто прежде спину гнул,
 Теперь на свет шагнул, проклятый гнет стряхнул,
 Ушла навеки власть ишанов, баев, мулл, —
 Так с первого же дня распорядился Ленин.

Он думал о стране, о будущем, о нас,
 Весь необъятный мир он видел без прикрас,
 В руке он план держал, и в самый тяжкий час
 От замыслов своих не отступился Ленин.

На тех, кто плеткою грозился бедняку,
 В руке держал печать, а саблю — на боку²⁷,
 Кто с нищих шкуру драл, а сам ходил в шелку, —
 На них обрушил гнев и ополчился Ленин.

²⁷ Печать и сабля — атрибуты ханской власти.

Творил он чудеса: сбывались все мечты,
 На ветках высохших опять цвели цветы!
 Взяв за руки дехкан, подняв из нищеты,
 Свободы и добра для них добился Ленин.

Страницы мудрых книг его слова хранят,
 Места, где он бывал, отныне люди чтят:
 Великую Москву, Казань и Ленинград,
 Сибирь, где некогда в глуши томился Ленин.

Казну всех богачей народу он раздал,
 Рукой карающей их всюду настигал,
 Была твердыня зла, казалось, тверже скал,
 И все-таки ее сломать решился Ленин.

Но подлый враг его однажды подстерег,
 Стрелял в него в упор — с тех пор он занемог,
 Шестидесяти лет и то прожить не смог —
 Ушел, глубоким сном навек забылся Ленин.

Он пламенным цветком над всей землей горел,
 Он вещим соловьем о новой жизни пел,
 Он и теперь — исток всех наших дум и дел,
 Кто путь его избрал, в том отразился Ленин.

Узнав, что умер вождь, был скорбью мир объят,
 Как стадо матерью покинутых ягнят,
 Но свет его идей ученики хранят,
 Не умер — будет жить, с народом слился Ленин.

"Сто тысяч,— говорят,— один вожак ведет!"
 Он знаньем и мечтой вооружил народ,
 Он создал партию, что движет нас вперед,
 Не счесть его сынов,— в них воплотился Ленин.

Мне книжной мудрости учиться не пришлось,
 Но главное сказать мне все же удалось:
 Заветы Ленина бессмертны! Все сбылось,
 Что нам предсказывал, к чему стремился Ленин!

У КАРАКАЛПАКОВ ЕСТЬ...

На обоих побережьях голубой Аму-реки
 Благодатные просторы у каракалпаков есть,
 Гуси весело гогочут и садятся в тростники,
 Живописные озера у каракалпаков есть.

Эту землю наши предки много лет назад нашли,
 Здесь они кобыл доили, скот бесчисленный пасли,
 Здесь джейраны и газели скачут весело вдали,—
 Степи, солнечные степи у каракалпаков есть.

Беспощадные в сраженье, благородные орлы,
 Зря не тратившие в битве ни заряда, ни стрелы,
 Пламенные, как Рустамы, мощные, как Гор-оглы,
 Знаменитые джигиты у каракалпаков есть.

Чуть весна цветы рассыплет, как на поиски невест
 Разъезжаются джигиты вплоть до самых дальних мест,
 Кони ржут нетерпеливо, возвещая их приезд,—
 Много удалцов отважных у каракалпаков есть.

А у девушек-красавиц брови рыгнуты дугой,
 За плечами чудо-косы вьются, льнут одна к другой,
 Украшения сверкают на конце косы любой,—
 Сколько гурий черноглазых у каракалпаков есть!

Ах, как талии их тонки — право, тоньше волоска,
 Как ловки, проворны руки, как походка их легка,

А застенчивые речи слаще сахара-песка,—
Бесподобные невесты у каракалпаков есть!

Жемчуга и самоцветы, песни мудрой старины,
Ювелиры, чьим изделиям изумляться мы должны,
Крутогорбые верблюды, племенные скакуны,—
Все сокровища земные у каракалпаков есть,

Вон охотники промчались, издавая громкий клич,
Ловчих соколов спускают на взлетающую дичь,
То стреляют по фазанам, то газель спешат настичь,—
Страсть охотничья издревле у каракалпаков есть.

А на пиршествах веселых и на празднике айт²⁸
На лихие состязанья люд с волнением глядит,
Получает приз — корову, кто на скачках победит,—
Много конников отважных у каракалпаков есть.

Говорит Гарип²⁹: немало мест, достойных похвалы,
Но родимые просторы мне особенно милы! Словно
Алишер³⁰, премудры, словно Жиренше³¹, смелы,
Знаменитые поэны у каракалпаков есть.

БЕГИ К ОЗЕРУ

Была ты птицей на руке моей —
Беги, спасайся, к озеру беги!
Вот-вот нагрянет иомуд-злодей³²,
Скорей скрывайся, к озеру беги!

²⁸ А и т — название мусульманского праздника.

²⁹ Г а р и п — один из псевдонимов Аяпбергена Мусаева.

³⁰ Имеется в виду Алишер Навои.

³¹ Ж и р е н ш е — знаменитый казахский сатирик и
народный мудрец.

³² И о м у д ы — туркменское племя, совершавшее Б старину набег на каракалпакские селения.

Кто к озеру успеет — тот спасен,
Кто не успеет — попадет в полон,
С родней навеки будет разлучен,—
Беги, подруга, к озеру беги!

Лежит себе лентяй Хожамурат,
А враг нагрянет — будет сам не рад.
Пусть пули наповал меня сразят,
Беги отсюда, к озеру беги!

Глянь: не теряет времени Палым —
Отару гонит к тростникам густым,
Молю тебя: спеши и ты за ним,
Беги, не медли, к озеру беги!

А я останусь тут — ведь я джигит,
От гнева и обиды кровь кипит,
Клинок, быть может, грудь мою пронзит,
Беги, не думай, к озеру беги!

Был я твоим Махтумкули-певцом,
Был я пленен твоим цветком-лицом...
Ах, черноглазая! Бросай свой дом,
Беги на берег, к озеру беги!

Не убежишь — ворвется иомуд,
Тогда не спрячешься — везде найдут,
А уж найдут — в неволю уведут,
Беги, голубка, к озеру беги!

Помочь не смогут ни отец, ни мать,
Враги не станут их мольбам внимать,
Таких, как ты, красавиц будут брать —
Беги скорее, к озеру беги!

За что судьба так беспощадно зла?
 Беда, беда в наш мирный край пришла!
 Вон ныль вдали клубиться начала —
 Беги, все гибнет, к озеру беги!..

Прости, народ, родня моя, прости
 За то, что милую хочу спасти,
 Такой мне больше в жизни не найти —
 Беги, родная, к озеру беги!

ЧЕРНЫЙ ИШАК

Эй, люди, скорее бегите сюда —
 Мой черный ишак на дороге упал!
 Случилась с моим работягой беда —
 Упал он, как будто сражен наповал.

А как я гордился моим ишаком —
 Поистине резвым он был рысаком,
 Веселым, бурливым он был родником,
 Но час его смертный сегодня настал.

Он был работягой, каких не сыскать,
 Таскал он любую тяжелую кладь,
 Не раз мне его предлагали продать,
 Но друга не предал я — и не продал.

Вынослив он был, и горласт, и силен,
 В базарные дни люди разных племен
 Сбегались, как только появится он,
 Толпились вокруг, не жалели похвал.

И сглазили, видно... Стал друг мой больным,
 Как мать за ребенком, ходил я за ним,
 А сплетник и спорщик — болтливый Айтым
 Таскался ко мне и советы давал.

Где умный молчит — не поможет дурак,
Лишился я друга, злосчастный бедняк:
В шнаву свалился мой черный ишак,
Подрыгал ногой — и дышать перестал.

Мой верный ишак мне помощником был,
За ним я ухаживал, вдоволь кормил,
Теперь он лежит, молчалив и уныл,
На этой земле, где он долго шагал.

Его я, конечно, прирезать бы мог,
Чтоб мяса отведать хороший кусок,
Но не был я, братцы, настолько жесток —
Не мог я в любимца вонзить свой кинжал.

Оплачу я друга внезапную смерть,
Воткну у могилы высокую жердь.
От горестных дум в голове круговерть:
Погиб мой ишак, одиноким я стал.

Весенние дни наступают опять,
И черви твой труп начинают глодать...
Эх, если бы голову мог ты поднять
И весело крикнуть, как прежде кричал!

СЕЙФУЛГАБИТ МАЖИТОВ

(1867—1938)

Уроженец Казанской губернии, Сейфулгабит вместе с родителями, искавшими спасения от голода и нищеты, еще в юные годы попадает в низовья Аму-Дарьи. Каракалпакия стала для Мажитова второй родиной.

Прощение на имя волостного управителя от имени жителей двадцати тысяч домов об открытии школы, написанное в стихах, стало первым поэтическим произведением С. Мажитова.

Поэт горячо приветствовал Октябрьскую революцию, активно включился в борьбу за новую жизнь, создал первые учебники для каракалпакской школы. В стихотворениях "25 октября", "Заря свободы", "Прекрасное время", "Каракалпак" поэт взволнованно писал о небывалых переменах в жизни трудового народа Каракалпакии. Его стихотворение "Ильич" — одно из первых в многонациональной советской литературе произведений о В. И. Ленине.

Во многих своих произведениях С. Мажитов горячо призывал каракалпакскую молодежь овладеть знаниями, бороться за новую жизнь, ратовал за освобождение женщин от вековых обычаев и предрассудков.

С. Мажитовым были созданы пьесы "Багдагуль", "Тазагуль", "Ерназар Алагез", он писал также сатирические стихи и басни, стихи для детей. Поэт перевел на каракалпакский язык некоторые басни Крылова, стихи татарского классика Габдуллы Тукая.

Сейфулгабит Мажитов вошел в историю нашей многонациональной культуры как один из зачинателей каракалпакской советской литературы.

ИЛЬИЧ

Взять всю вселенную и взвесить на весах —
Твой труд весомее, твой труд ценней, Ильич!
Свет человечности горел в твоих глазах,
Любил свободу ты, любил людей, Ильич.

Во всей истории таких героев нет,
Бывали смельчаки, но где теперь их след?..
Сломав дорогу лжи, из темноты на свет
Впервые новый путь нам проложил Ильич.

Широк и прям твой путь, ведущий на восход,
В мир справедливости он бедняков ведет,
Воспрянул радостно весь трудовой народ,—
За это ты всю жизнь боролся, наш Ильич.

Шли сотни, сотни лет. Был мрак тяжел, свинцов.
В нем гибли тысячи борцов и мудрецов.
Но кто же путь к заре открыл в конце концов?
Ты это первенство завоевал, Ильич!

Кто из мыслителей дал руку беднякам?
Кто путь им указал к счастливым берегам?
Всем прошлым временам, всем будущим векам
Ты показал пример, премудрый наш Ильич.

Огромен был твой труд! Ты тридцать лет подряд
Сажал, выращивал свой плодоносный сад,
Когда же этот сад стал пышен и богат,
Ты первые плоды успел собрать, Ильич.

Нет, обо всем сказать не в силах мой язык!

Двадцать четвертый год... Народ в тоске поник...
В тот мрачный зимний день застыл живой родник,
Угас великий свет — скончался наш Ильич.

Скончался тот, кто знал все нужды бедняков,
Кто люд трудящийся избавил от оков,—
Осиротели мы... Но путеводных слов —
Твоих правдивых слов — нам не забыть, Ильич.

Ты руку подал нам в дни бедствий и невзгод,
Изведал горечь ты, чтоб мы вкусили мед,
Ты путь нам проложил, и мы пойдем вперед
Дорогой светлою, что завещал Ильич.

Твои заветы мы повсюду утвердим,
Построим коммунизм по замыслам твоим,
И с благодарностью, с любовью повторим:
Ты будешь вечно жить, учитель наш—Ильич!

КАРАКАЛПАК

При ханах кем ты был, каракалпак?
Твой край темницей был, каракалпак!
Тебя глупцом, невеждой называли,
Рабом ты прежде слыл, каракалпак.

О, сколько ты страданий перенес,
Увял твой сад, иссяк источник слез,
И жизнь под вихрем бедствий и угроз
Чуть теплилась в тебе, каракалпак.

Все, кто могли, твою топтали честь,
Всех мук твоих и всех обид не счесть,
Твой древний дух не в силах был расцвести,
И в жилах сохла кровь, каракалпак.

Любой хотел три шкуры драть с тебя,
Пот выжимать, налоги брать с тебя...
Но встал рассвет, лучами тьму рубя,
И стала жизнь иной, каракалпак.

Отхлынул мрак бесправья и тоски,
Дни стали по-весеннему ярки,
В твой дальний край пришли большевики,
Решив тебе помочь, каракалпак.

Отныне ночи скорбные забудь,
Пусть радостно вздохнет впервые грудь,
Встань, рукава засучивай — ив путь,
В свой новый путь шагай, каракалпак.

Встань! Не таи былых обид в груди,
Средь братьев место должное найди,
Широкой, твердой поступью иди —
И к цели ты придешь, каракалпак.

И если цель ты будешь твердо знать,
Прямым путем настойчиво шагать,
Своих друзей ценить и уважать,
Величье ждет тебя, каракалпак.

Смотри, себе зазнаваться не давай,
Работай, от других не отставай,
Спешь вперед, в труде не уставай —
Лишь начал дело ты, каракалпак.

Чтоб цель увидеть, устремь свой взор
В грядущее — в распахнутый простор,
Упорнее трудись, чем до сих пор,

И к знаниям стремись, каракалпак.

Ведь если ты не встанешь, распрямься,
Не подпояшешься, за труд берясь,
А будешь спать, в бездумье погрузясь,
Чего достигнешь ты, каракалпак?

Проснись! Бессилен дремлющий народ,
Учись, вперед стремись из года в год,—
Свобода счастья нам не принесет,
Пока твой темен край, каракалпак.

НАШИ ОТЦЫ

Вы всюю душою к свободе рвались,
Вы братьев к борьбе призывали, отцы!
За счастье вы первыми в бой поднялись,
Сражались и кровь проливали, отцы.

От жгучих обид истомились сердца,
И не было вашим страданьям конца,
Умельцы народные, в поте лица
Всю жизнь надрывались вы, наши отцы.

Вы подняли головы, чтобы узреть
Счастливую жизнь иль в борьбе умереть,
Чтоб детям и внукам запомнился впредь
Ваш путь, ваш пример благородный, отцы.

Стремясь, чтоб надежды огонь не угас,
Бесстрашны вы были в решительный час,
Благие намеренья были у вас,
Но как вы за них заплатились, отцы!

Вы к счастью стремились, а горе нашли,
 Вас быстрые крылья от пуль не спасли,
 Морщины страданий на лица легли,
 Как в лютый мороз, вы желтели, отцы.

Немало погибло достойных людей:
 Кто умер от пуль, кто — в руках палачей,
 В рубцах ваши спины от вражьих плетей,—
 О, сколько страдать довелось вам, отцы!

Но пусть одолеть не смогли вы врагов
 И пусть не избегли плетей и оков,
 А все-таки силу простых бедняков
 В те дни доказать вы сумели, отцы.

Чуть ветер свободы подул по степям,
 Примкнули мы сразу же к большевикам,
 Они дали силу и знания нам,
 Свершилось, к чему вы стремились, отцы.

Нас правое дело к победе вело:
 Был гнет сокрушен и наказано зло,
 Вам в доме советском тепло и светло,
 Спокойно теперь отдыхайте, отцы.

ПРОЧЬ!

Ничто не сможет вас спасти,
 Эй, важные хакимы, прочь!
 Пошел по новому пути
 Народ непобедимый. Прочь!

Позором вас клеймит народ,
 Гнилые сети ваши рвет,

Вот почему нутро вам жжет
От злобы нестерпимой... Прочь!

Наш труд свободен, наконец,
А коль под шкурами овец
К нам лезут хищник и подлец,
Их истребить должны мы... Прочь!
Хвостом виляя, обнаглев,
Вы рветесь, будто волки в хлев,
Но грозен наш народный гнев,
Сердца неумолимы: — Прочь!

Ваш путь ведет в кромешный ад,
В руках у вас не мед, а яд,
Недаром люди говорят:
Лжецы — неисправимы. Прочь!

Довольно вам душить людей,
Мы стали зорче и дружней,
Прямой дорогой новых дней
Идем неустойчиво... Прочь!

Нет, не вернется ваша власть,
Не щурьтесь и не скальте пасть,
Вам не позволим лгать и красть,
Один ответ дадим мы: — Прочь!

Хитры вы были — и не раз
На удочку ловили нас,
Сломался ваш крючок сейчас
И вырваться смогли мы... Прочь!

Пришла пора для бедняков
Иметь и хлеб, и крепкий кров,
Владеть плодами всех трудов.

Эй, жадные хакимы! Прочь!

ДЕВУШКАМ

Настала новая весна,
В цветущий сад спешите, девушки,
Песнь соловьиная слышна,
Утешьтесь, не грустите, девушки.
Вы черноглазы и стройны,
Красой волшебницам равны,
Веснушки милые видны
На ваших нежных лицах, девушки.

Вы, как цветы, свежи, ярки,
Проворны, будто мотыльки,
А щечки, словно лепестки.
Огнем весенним рдеют, девушки.

В садах гуляя и смеясь,
Судьбой счастливою гордясь,
Упорно к знаниям стремясь,
Растите, хорошейте, девушки.

Окончен старый век невзгод,
На смену новый век идет,
Как гость желанный, у ворот
С утра он появился, девушки.

Спешите гостя повстоечать,
И вас он будет поучать,
Жизнь надо заново начать,
Для родины трудиться, девушки.

Народу все плоды нужны,
И юношам во всем равны

Да будут девушки страны,—
Сил не жалейте, наши девушки!

Источник знания всем открыт —
Пусть он ваш разум просветлит!
Что день сегодняшней велит,
Сегодня надо сделать, девушки.

Свет по стране рекой течет —
Ладью обманов прочь несет.
Пусть ваших знаний клад растет,
Дела большие ждут вае, девушки.

Но чтоб добро принес ваш труд,
Не тратьте попусту минут,
Ведь дни всегда вперед идут —
Не смотря на отставших, девушки.

Тот, кто изведаль нищету,
Гнет, бескультурье, темноту,
Познал и зло, и доброту,
Тот очень много знает, девушки.

Нельзя во тьме былых времен
Оставить вас — невест и жен,
Народ не будет мудр, силен
Без вашего участия, девушки.

Пора по светлomu пути
Вам смело к знаниям идти,
Довольно жить вам взаперти,
Свобода — ваше право, девушки.

На площадь выйдите с утра,
Вам снаряжаться в путь пора.

Пусть будет речь невежд хитра,
Но вы не слушайте их, девушки.

Наш век правдивый полюбив,
Свой путь и цель определив,
Себе природу подчинив,
В хозяек превращайтесь, девушки.

Всю ночь письмо я вам писал,
О новом веке размышлял.
Достойны вы моих похвал,
Вы — золото отчизны, девушки!

Аббаз Дабылов

(Родился в 1898 г.)

В творчестве народного шайра Каракалпакии и народного певца Узбекистана Аббаза Дабылова слились воедино устная поэтическая традиция, широко распространенная у народов Средней Азии до революции, и многие приемы письменной поэзии.

С юных лет Аббаз вынужден был батрачить в байских хозяйствах. В поисках работы он исходил Каракалпакию, Хорезм и прилегающую территорию Казахстана. Памятливый юноша заучивает наизусть поэмы великих поэтов Востока, стихи каракалпакских шайров, народные эпосы "Гарип ашик", "Ашик и Хэмра" и становится кыссаханом — чтецом-исполнителем этих любимых народом произведений. Своих юношеских стихов поэт не помнит, записывать строки своих произведений он стал значительно позднее.

Когда развернулась коллективизация, А. Дабылов одним из первых вступает в колхоз. Широкое

общественное признание в те годы получили его произведения "Товарищи" и "Создавайте артели".

В 1939 г. Аббаз Дабылов был принят в члены Союза писателей и тогда же в составе делегации работников культуры Каракалпакии впервые посетил Москву. В новых стихах о советской столице, о великом Ленине народный поэт нашел возвышенные слова и самобытную форму для выражения своих взволнованных мыслей и чувств.

В годы Отечественной войны А. Дабылов развернул активную деятельность — он разъезжает по всей республике, пламенными стихами призывая народ на боевые и трудовые подвиги во имя победы над фашизмом.

Аббаз Дабылов — создатель поэмы "Бахадыр", монументального произведения, в котором нашла отражение жизнь каракалпакского народа в предреволюционные и послереволюционные годы.

Многие стихи А. Дабылова переложены на музыку. На родном языке издано девять сборников его стихов, а также двухтомник избранных произведений. Одна книга опубликована на узбекском языке.

В переводе на русский язык стихи Аббазы Дабылова были впервые опубликованы в газете "Правда" в 1932 году. Отрывок из его "Песни о Ленине" был напечатан в 1936 году в сборнике "Поэты Советской Каракалпакии", вышедшем в Москве (этот отрывок был помещен без указания автора — как народная песня). В 1956 году в Нукусе вышел сборник избранных стихов Аббазы Дабылова в переводе на русский язык — "Светлый день".

Аббаз Дабылов награжден орденом "Знак почета", удостоен звания лауреата Государственной республиканской премии имени Бердаха.

МЕЧТА

В юности время бесплодно текло,
Лишь от мечты мне бывало светло,
Часто, совсем выбиваясь из сил,
Я, спотыкаясь, по склону скользил.

Стал я шаиром, гонимым нуждой,
Только в те годы я был как немой,—
Если земля словно камень крепка,
Трудно пробиться струе родника.

В горе мои проходили года,
Весело я не певал никогда,—
Жизнь беспощадно душила весну,
Вольную песню держала в плену.

Если нам солнце не светит — скажи,
Будут ли светлыми песни души?
Если сомкнет твои губы печать,
Сможешь ли звонкую песню начать?

Был я забитым, неграмотным был,
Сердцем, казалось, навеки остыл,
Но, наконец, лучезарно горя,
Новая встала над степью заря.

Счастлив я нового видеть черты,
В них — исполнение давней мечты.
Стал я шаиром в свободном краю —
Песни свободные людям пою.

ХЛОПОК

Он — белый, словно снег под Ленинградом.

Вблизи Аму-Дарьи, с Аралом рядом,
Его просторов не окинешь взглядом,
Что может быть ценней в степи, чем хлопок?

Когда кипит работа на полях,
Когда земля уже в косых лучах,
Он словно пенится в людских руках,
Республики моей богатство — хлопок.

И собирая, каждый сердцем рад,
Что край пушистым золотом богат,
Что урожайней он, чем год назад,—
Сулит народу изобилье хлопок.

В нем наша слава, гордость всей страны,
Об этом забывать мы не должны,
Пускай о нем звенит напев струны:
Кормилец наш, богатство наше — хлопок.

В Москву однажды я летел над ним
Простором необъятно голубым,
А на земле пестрел ковром живым,
Коробочки раскрыв, обильный хлопок.

Он был мне долго виден под крылом,
Внизу белея теплым серебром,
А я глядел и думал об одном:
Как дорог наш каракалпакский хлопок!

НАШ НУКУС

Стонала степь от засухи и зноя,
И ветер пыль вздымал над головою,
Стояли юрты жалкою толпою
В степи на месте нашего Нукуса.

А в наши дни его зовут столицей,
Теперь он многим может похвалиться.
Кто не был долго — очень удивится
И не узнает прежнего Нукуса.

Пусть молод он, но окрылен мечтою,
Стремится звезд коснуться головою.
С Ташкентом-братом, с матерью-Москвою
Мечты и мысли нашего Нукуса.

Какая выше может быть награда,
Когда страна его успехам рада,
А жители Москвы и Ленинграда —
Родные братья жителям Нукуса.

Растет Нукус, барханы раздвигая,
В простор домами новыми шагая,
На много верст протянется, сверкая,
Асфальт на главной улице Нукуса.

И что ни год, он все стройней и выше,
Все радостнее жизнь под каждой крышей,
И с каждым днем ясней столица слышит
Далекий голос нашего Нукуса!

БЕРДАХУ

Склоняю голову перед Бердахом-дедом,
Хоть нет его в живых, но тлен ему неведом, —
Граненый, как алмаз, лучистым, ярким светом
Сверкает каждый стих, что создал наш Бердах.

Был век его жесток. Но смелый и упорный,
Он правду говорил со страстью непритворной,
И даже байский взгляд, горящий злобой черной,
Тебя, бесстрашного, не мог смутить, Бердах.

Крылаты и смелы, как птицы в поднебесье,
 Из кишлака в кишлак его летели песни.
 Грядущих дней певец, большого счастья вестник,
 Дорогой трудною по жизни шел Бердах.

Живет он и сейчас — ему дружить с веками,
 Жить в нашей памяти, в томах, любимых нами.
 И светлой мудростью, испытанной годами,
 В дни счастья и беды поможет нам Бердах.

Недаром в этот день — в день славный юбилея,
 Спеша со всех сторон, любовью пламенея,
 Народ ему цветы несет, благоговая,
 Как будто говорит: ты вечно жив, Бердах!

Звенят дутары, серебром сверкая,
 И песня ширится, бессмертно молодая,
 Поют ее кругом, дни наши прославляя,
 Тобой возвращенные ученики, Бердах.

И с нами в лад поет, дутар настроив старый,
 С волнением истинным и юношеским жаром.
 Познавший, как и ты, былой судьбы удары,
 Почтенный аксакал — родной твой внук, Бердах.

И песня нас зовет в сияющие дали,
 В ней голос есть и мой — его не раз слышали.
 Я был бы вечно горд, когда б меня назвали
 Твоим учеником, прославленный Бердах!

УЧИТЬСЯ!

Немало я пережил в жизни своей:
 Мне рано отца довелось потерять,
 Опорой была мне с младенческих дней

Лишь старая мать, терпеливая мать.

Была моя мать одинока, бедна,
На баев трудилась с утра дотемна,
И все до гроша отдавала она,
Чтоб сына кормить, обувать, одевать.

Снибалась, бедняжка, под ношей невзгод,
А все же надеялась из года в год,
Что время нужды и страданий пройдет —
Когда-нибудь счастливы будем опять.

Однажды она мне сказала с утра:
"Сынок, собирайся — учиться пора,
Смотри, уже все собрала я вчера:
Вот книги, сынок, вот перо и тетрадь.

Взгляни с уваженьем на это перо,—
Есть в мире и золото, и серебро,
Но знание — высшее в мире добро,
Учись же и времени даром не трать!.."

Увы, непослушным и глупым я был,
Слова эти мудрые не оценил,
С дружками беспечными дни проводил:
Чем в школу ходить, лучше в бабки играть.

Не слушал я маминых вздохов и слез,
Забросил учение — неучем рос,
Себе непростительный вред я нанес
И этой ошибки не смог наверстать.

У лени два спутника — глупость и ложь,
Невежда на птицу без перьев похож,
А к знанью придешь — клад бесценный найдешь,
Но я этот клад не сумел отыскать.

О внуки — весенняя поросль моя,
 Крепки вы, свежи, как цветы у ручья!
 Безграмотными не останьтесь, как я,
 Не смейте ошибки моей повторять.

Учитесь!— и все одолеете вы,
 Любим мастерством овладеете вы.
 Учитесь! — тогда лишь сумеете вы
 Людьми настоящими стать!

ВЕСНА

Она зиме сказала: "По закону,
 Пора тебе кончать свой скучный век",
 И ручейками побежал по склонам
 Еще вчера в полях белевший снег.

Я не встречал красавицы нарядней,
 Уже во всем видны ее права:
 Простор все голубей и необъятней,
 Пышней сады и зеленой трава.

Аму-Дарья, разлившись на просторе,
 Вскипая пеной, радостно шумит:
 Она, как прежде, по дороге к морю
 Поля насытит влагою спешит.

Поднимутся опять в степных просторах,
 Под вешним солнцем хлопка зелены,
 И по канавкам весело и споро
 Пойдет вода, сверкая и звеня.

Весна во всем! Теплей, душистей воздух,
 Кричит жилкыш, повсюду птичий гам,
 И словно кем-то брошенные звезды

Крупней в огромном небе по ночам.

Да, ты, весна, ковром устелешь землю,
 Раскроешь клейких почек узелки,
 Живительным теплом поля объемлешь,
 Из почвы к свету вытянешь ростки.

Ты по душе, весна, и для влюбленных:
 Они сейчас особенно нежны...
 Высоко в небе ярколистым кленом
 Легко и вольно реет флаг весны.

ТРУСЛИВЫЕ ДЖИГИТЫ НЕ НУЖНЫ!

Если честь ему не дорога,
 Если он уходит от врага,
 Ищет поукромней берега,
 Нужен ли стране такой джигит?

Если он не дорожит страной,
 Смело за нее не вступит в бой,
 Если край не защитит родной,
 Нужен ли стране такой джигит?

Если он в сражении пуглив,
 Если, не в пример другим, болтлив,
 Прячется от пули под обрыв.
 Нужен ли стране такой джигит?

Если он ленив, как старый конь,
 Если не мозолиста ладонь,
 Если, как цветок, его не тронь,
 Нужен ли стране такой джигит?

Если он за Родину в бою
 Пожалеет жизнь отдать свою.

Опозорит отчую семью,
Нужен ли стране такой джигит?

Ловкий и красивый на коне,
Мужественный в танковой броне,
Беззаветно преданный стране —
Вот какой необходим джигит.

Твердый в слове, в деле — молодец,
Настоящей выучки боец,
Первым в бой шагающий храбрец —
Вот что значит истинный джигит.

Славен он в походах боевых,
Уважают девушки таких,
В честь тебя слагаю этот стих,
Славный сын Отечества — джигит!

САМОЛЕТ

Загудит, разбежится, взлетит,
В грудь ударит стремительным ветром,
И, взобравшись высоко в зенит,
Сколько в час пролетит километров!

Если ты никогда не летал,
На мгновенье покроешься потом,
Увидав, как крылатый металл
Входит в тучу крутым разворотом.

А внизу, далеко под тобой,
Будут плыть города и селенья.
Пролетая над змейкой-рекой,
Ощутишь в своем сердце волненье.

Ты увидишь сады и поля,
 Степь, залитую солнечным светом,
 Ты поймешь, как прекрасна земля,
 И вовек не забудешь об этом.

Садык Нурумбетов

(Родился 3 1900 г.)

Садык Нурумбетов — один из старейших поэтов Каракалпакии. В юности он писал сатирические стихи. В 1930-1935 гг. поэт создает целый ряд произведений на актуальные темы ("Вступай в колхоз!" и др.), горячо поддерживая и воспевая социалистические преобразования в деревне.

Новый подъем в творчестве Садыка наступает в 1940 году, после того как в составе группы работников литературы и искусства Каракалпакской республики поэт побывал в Москве. Его проникнутые гражданскими чувствами стихи "Красная Москва", "Наша Родина, сатирическое стихотворение "Порханы" получили широкое общественное признание. Кроме многочисленных стихотворений, С. Нурумбетовым написаны также три поэмы — "Бахтияр", "Золотое руно" и "Бердах".

Прежде чем опубликовать новое произведение, Садык Нурумбетов выступает с ним перед народом. Он читает стихи и поэмы в колхозных клубах, на полевых станах. В годы Отечественной войны Садык создает большой цикл патриотических стихов — "За Родину", "Сын мой", "Отважные фронтовики" и др.

На каракалпакском и узбекском языках издано десять сборников стихов и поэм С. Нурумбетова. Многие его произведения публиковались и на русском

языке. С. Нурумбетов выпустил четыре книжки для детей. Лучшие его произведения для детей представляют собой живые бытовые сценки, наглядно изображающие разнообразие детские характеры.

Садык Нурумбетов удостоен почетных званий народного шайра Каракалпакии и народного певца Узбекистана. Награжден орденом "Знак почета".

ДАУТКОЛЬ³³

На юг пойдешь — гора Крантау, на север — Нагалай³⁴,
 Пришел наш кочевой народ с надеждой в этот край,
 Пытались рыбу мы ловить — ничтожным был улов,
 К тому же гнал оттуда нас объездчик-негодяй.

Как людям мучиться пришлось из-за куска еды —
 Нигде защиты не найти от губельной нужды!
 Пришел и я в тот мрачный год на озеро Даутколь,
 Лишь песнь была отрадой мне в дни горестной беды.

Тоска пригнула нас к земле, и голод иссушил,
 Вдоль мрачных берегов брели мы из последних сил,
 Сперва надеялся народ, что пищу здесь найдет,
 Но обманул ты нас, Даутколь,— лишь горе подарил!

Меж тем надвинулась зима, пришлось нам голодать —
 Рогоза корешки сосать, куски коры глодать.
 Боролся каждый за себя,— и чтоб лепешку спечь,
 Золы горячей из костра спешил побольше взять.

³³ Д а у т к о л ь — озеро в Кегейлийском районе Каракалпакии.

³⁴ Н а г а л а й — название озера.

В степи по снегу босиком, дрожа, шагали мы,
 За жизнь цепляясь кое-как, изнемогали мы,
 Таким жестоким голод был, что за мешок пшена
 Красавиц — девушек своих — в пути меняли мы.

О память, эту боль и скорбь навеки сохрани!
 Напрасны были все мольбы — остались мы одни,
 От жадных баев пользы нет, нигде спасенья нет,
 Таким запомнил я Даутколь в те сумрачные дни.

ТИЛЛАХАН

На шее блестели бусы, а грудь украшал хайкели³⁵,
 Твой стан, и лицо, и голос джигитов с ума свели,
 Была ты звездой Аралбая³⁶, была украшеньем земли,
 Всех дев ты была красивей, прекрасная Тиллахан.

Под шелковым покрывалом, застенчива и мила,
 Ты ласковый свет расточала сердечности и тепла,
 На наших глазах росла ты, нам сверстницею была,
 Казалось, ты всех счастливей, прекрасная Тиллахан.

Ходила ты в пестром платье, не ведала ты греха,
 Мечтала Юсуфа встретить, как верная Зулейха³⁷,
 Пылающим, юным сердцем ждала своего жениха,
 Увы, оказалась надежда напрасною, Тиллахан!

В ноздре у тебя игриво блесстел золотой аребек³⁸,

³⁵Х а й к е л и — женское нагрудное украшение.

³⁶А р а л б а й — название каракалпакского селения.

³⁷Ю с у ф и З у л е й х а — героини известной восточной легенды.

³⁸А р е б е к — серьга, продетая в ноздрю.

Кто видел тебя хоть однажды, уже не забудет вовек,
Любуясь тобой, от волнения дышать не мог человек,—
Была твоя жизнь беспечной и ясною, Тиллахан.

Когда бы мне предложили продать хоть одну твою
прядь, Ее и за сотни туманов³⁹ не вздумал бы я отдать!
Ах, гордые птицы-брови — нет слов, чтобы их описать,
А кожа твоя казалась атласною, Тиллахан.

Бывало, на улицу выйдешь — джигитов бросает в жар,
Все пленниками становились твоих несравненных чар!
Женге⁴⁰ впереди шагала по имени Калбазар,
А следом плыла ты, потупясь, бесстрастная Тиллахан.

Но юность твоя погибла по воле злодея-отца:
Напрасно его ты просила и плакала без конца,—
За десять коров отборных, за кровного жеребца
Тебя богачу он отдал, несчастная Тиллахан.

Потом по обычаю сватам отправили сочный тось⁴¹,
Отца твоего мольбами разжалобить не удалось,
Пылала душа мечтами — теперь их забыть пришлось,
В слезах ты покорно сидела, безгласная Тиллахан...

Под кровлей немилого мужа живешь ты третьей
женой,
Как вольная птица в клетке, ты стала худой, больной.
Что делать тебе остается? Бежать? Воротиться домой?
Тебя обмануло счастье, злосчастливая Тиллахан!

³⁹Т у м а н — старинная монета.

⁴⁰ Ж е н г е — сноха.

⁴¹ Т о с ь — грудинка.

ВСТУПАЙ В КОЛХОЗ!

Ты любишь труд, ты полон сил,
Сомнений нет: вступай в колхоз!
Чтоб весь народ тебя ценил,
Даю совет: вступай в колхоз!

Эй, Отеген, чего ты ждешь?
Зачем вразвалку прочь идешь?
Не слушай вражескую ложь,
Не медли, друг,— вступай в колхоз.

И ты, мясник, наш Турдыбай,
Без толку нос не задирай,
Жалеть ты будешь, так и знай,
Пока берут, вступай в колхоз.

Кто честно горький пот прольет,
Взамен получит сладкий мед,
Нас к единенью жизнь зовет,
Смелей, батрак,— вступай в колхоз.

Весною семена сажай,
Горячим потом орошай,
И будет щедрым урожай,—
Кто любит труд, вступай в колхоз.

Вступил в колхоз Гобдир-Бозак,
Вступил охотно Алтыншак,
Чего раздумывать, земляк,—
К нам примыкай, вступай в колхоз.

Чем будет горячей твой труд,
Тем больше за него дадут,
Тебя почет и счастье ждут,

Спеши, земляк, вступай в колхоз
 Не верьте байской клевете,
 Гнить не желаем в нищете,
 Нет, времена теперь не те,
 Рабочий люд, вступай в колхоз.

Нас правда Ленина ведет —
 К свершенью всех надежд зовет,
 Колхоз — твой новый путь, народ,
 Объединись, вступай в колхоз.

Наш общий труд — непобедим,
 Колхоз могучий создадим,
 Один совет мы всем дадим:
 Вступай в колхоз, вступай в колхоз!

ПОРХАНЫ⁴²

"Бисмилля!"⁴³— каждый раз говорили вначале они,
 По корану, по камешкам ловко гадали они,
 Самых жирных баранов в награду хватали они,—
 Так доверчивый, темный народ обирали порханы.

От ишанов и мулл получая поддержку всегда,
 Кроме хитрых обманов не зная иного труда,
 Наших женщин бесчестя, отбросив остатки стыда,
 Сколько сеяли лжи, сколько зла причиняли порханы!

Поглядите на них: бьют железною цепью, вопят,
 Пляшут, прыгают, бесятся, славят святой шарият...
 Много лет безнаказанным был их обман и разврат,

⁴² П о р х а н — колдун, шаман.

⁴³ Б и с м и л л я — первое слово в коране, которое произносят мусульмане, начиная каждое новое дело.

И бесчинствовать только теперь перестали порханы.

Многих в страхе держали они, то хитря, то грозя,
Грамотеями слыли, проверить их было нельзя,
Мы таких сумыраев⁴⁴ давно раскусили, друзья:
Как драконы голодные, жертву искали порханы.

Совершив коширме⁴⁵, весь аул собирали на той,
Мяса лучшие части тайком отправляли домой,
А остатками тут же делились со всей беднотой, —
Так за мудрых и щедрых себя выдавали порханы.

А случалось, что, кости собрав молодого скота,
Оживить их пытались дыханием смрадного рта,
Только зря надрывались — не вышло у них ни черта,
И тогда, опозорясь, измучась, сбегали порханы.

А в разгаре раденья бесились, кружились волчком,
На красавиц косились и слюни глотали тайком,
Избегали догадливых, тешились над простаком,
Гнусной ложью сознание людей отравляли порханы.

Чтоб народ запугать, то чертей принимались скликать,
То за фокусы брались — огонь не боялись глотать,
Приходя в исступление, юрты пытались ломать,
Как верблюды, плюясь, все вокруг оскверняли
порханы.

Хитроумным лисицам и жадным шакалам сродни,
Для невежд были издавна мерзким дурманом они,
У ишанов и мулл обучались обманам они, —
Так народную кровь беспощадно сосали порханы.

⁴⁴ С у м ы р а й — злодей, негодяй (искаженное слово "самурай").

⁴⁵ К о ш и р м е — знахарский способ лечения огнем.

"Исцелять от бесплодья" любили безропотных жен,
 Для "лечения" жену уводили в овечий загон,
 И обманутый муж оставался растерян, смущен,
 А тем временем похоть свою утоляли порханы.

"Потерпи!"— говорили испуганной божьей рабе,
 "Не упрямясь,— твердили,— всегда покоряйся судьбе!"
 "Дочь моя,— обещали,— мы сына подарим тебе!"—
 И за яблоки-груды несчастную брали порханы.

РЫБАЧКА

Вечер. Солнце садится в волны.
 Мгла разливается вдоль берегов.
 А девушка хмурится недовольно:
 Что-то неважный сегодня улов!

И не спеша повернуть к причалу,
 В море открытом оставшись одна,
 Хоть и порядком за день устала,
 Опять налегает на весла она.

А лодка пляшет в пене прибоя,
 Но верит девушка: только тех,
 Кто не боится спорить с судьбою,
 Ждет настоящий, большой успех!

Стирая пот со лба то и дело,
 Вдаль устремив напряженный взор,
 Плывет молодая рыбачка смело —
 Прибою и ветру наперекор.

И вот уже в лодке от рыбы тесно,
 Как по внезапному волшебству...
 Дивлюсь на красавицу: где, интересно,

Училась рыбацкому мастерству?

ПЕРВАЯ ВОДА НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Бежит, клопоча, по арыку вода,
Друзьям-поливальщикам много хлопот!
Веселых, пенистых волн орда
Кипит, шумит, торопясь вперед.

По новой земле поток разлился,
Зеркальной гладью поля блестят,
И сразу же птичий базар начался —
Откуда-то чайки стремглав летят.

У птиц настоящий праздник с утра,
Кричат восхищенно на все лады:
Унылая степь здесь была вчера,
Откуда ж сегодня столько воды?

Туда, где на поле вышли друзья,
По узкой меже осторожно иду,
На каждую струйку люблюсь я,
На каждую влажную борозду.

И словно впервые родной простор
Ео всей красоте предо мной встает, —
Как хлеб насущный, радует взор
Любой комочек, что воду пьет!

На землю и воду сейчас взгляни:
Как двое влюбленных, они слились,
В объятьях друг друга лежат они —
Свиданья желанного дождались.

И чтобы веселой змейке-воде

По полю добратся на самый край,
 Как будто массирует спину земле —
 Равняет борозду Аскарбай.

А рядом — от мужа не отстают
 Веселая наша Давлен-келин,
 Смеясь, кетменем все проворней бьет,
 Опередила многих мужчин.

Воде проложили мы путь прямой,
 Теперь поливальщикам труд большой!..
 Не чуя усталости, шел я домой
 С поющей, радостною душой.

АМУ-ДАРЬЯ

Ты — сокровищница наша, в ней — сады, поля, леса,
 Всех пьянит твоя живая, ясноглазая краса,
 Влагу щедро расточая, отражая небеса,
 Целый край обогащая, бурно ты течешь, Дарья.

А вокруг — твои озера блещут шелком голубым,
 Стали выжженные степи садом пышным, молодым,
 Радостно цветут колхозы вдоль по берегам твоим,
 Людям силу ты даруешь, к счастью их зовешь, Дарья.

Гуще и пышнее хлопок у твоих обильных вод,
 И твоим дыханьем свежим наслаждается народ,
 Утки, лебеди взлетают, плещут рыбы всех пород —
 Сто богатств разнообразных людям ты даешь,
Дарья!

Как сильны твои пороги — их сильнее в мире нет,
 Как вкусны твои сазаны — их вкуснее в мире нет!
 А воды твоей отведав, вдохновляется поэт,
 Словно сладкий сок плодовый, вкус ее хорош, Дарья.

Ты поишь в степях колхозных всходы, травы и
цветы,
 Людям свежесть и прохладу в знойный полдень
даришь ты,
 Прогоняя все печали, пробуждая в нас мечты.
 Бьешь ты в берег, будто плещешь в тысячи ладош,
Дарья.

В нашу летопись живую, в наше новое житье
 Золотыми письменами имя вписано твое:
 Пробудила ты степное, вековое забытье,
 Степь зелеными коврами ты покрыла сплошь, Дарья.

Не сочтешь лучистых капель — чистых жемчугов
твоих,
 Плодородьем знаменита почва берегов твоих,
 И почти слоновья сила у больших сомов твоих,
 Ни покоя, ни застоя ты не признаешь, Дарья.

В небеса кидая брызги, как из бурного котла,
 Мчишься ты, крутясь и пенясь, непокорна, весела.
 Ты не раз меняла русло, много бедствий принесла,
 Но умнее люди стали, — нас не проведешь, Дарья!

Все преграды сокрушая, мощный твой поток течет
 — Как борец, играя силой, пролагает путь вперед,
 А когда ты выбегаешь на простор аральских вод,
 На широкие объятья твой разлив похож, Дарья.

Зря тебя когда-то звали: сумасбродная Джейхун⁴⁶,
 Ты — источник изобилья, что всегда могуч и юн,

⁴⁶ Д ж е й х у н — старинное название реки Аму-Дарьи, означающее в переводе "безумная", "бешеная".

Край цветет, растут селенья — и, как сотни звонких
струн,
Песню счастья и свободы людям ты поешь, Дарья!

ЕДУ НА СТРОЙКУ

Жми, гони побыстрее, сынок мой — шофер,
Сердце весело бьется, смеется мой взор,
Напевая вполголоса, в светлую даль
Еду я, озирая бескрайний простор.

Я счастливым себя называть не боюсь,
Хоть и стар становлюсь, а задорно смеюсь,
Посмотреть знаменитую стройку решил
И с утра на машине стремительной мчусь.

Только песнею этот восторг передашь:
Был безлюдным, заброшенным Тахиаташ,
Но по воле настойчивых большевиков
Все чудеснее край обновляется наш.

Этот край был при ханах угрюм и суров —
Голый камень да заросли диких лесов,
А сегодня с волнением еду туда,
Будто слышу грядущего радостный зов.

Еду к тем, кто сплотился в могучую рать,
Чтоб народу богатство и счастье создать,
Еду к нашим батырам — героям труда,
Чтоб крылатыми песнями их вдохновлять!

ПЛОД И ЛИСТЬЯ

На ветке плод созрел — большой, румяный плод,
Взглянул он с важностью да как ворчать начнет:
"Эй, листья глупые! Ну что вы зря шумите?"

Мне дерзкий шепот ваш покоя не дает.

Вкуснее меда я, сочней день ото дня,
С каким почтением все смотрят на меня!
Да, я один таков! А вас хотя и много,
Что толку? — только шум, пустая болтовня!.."

"Конечно, сладок ты, — ему листва в ответ, —
Но поскромнее будь — вот добрый наш совет!
Мы людям тень даем, — а в знойный летний
полдень
Отрадней ничего, поверь, на свете нет.

А главное, дружок, пора уразуметь:
Не мог бы ты без нас родиться и созреть,
На дереве сухом плоды не вырастают,
Мы жизнь тебе даем — и не бахвалься впредь!"

Так посрамлен был плод, — и к своему стыду
Посмешищем он стал с тех пор в родном саду...
Друзья, и среди нас еще людей немало
Подобных этому хвастливому плоду!

ИЗ ЦИКЛА "МОИ ЗНАКОМЫЕ"

1

ТРАКТОРИСТЫ

Над степной бескрайней далью
Небо яркой чистоты.
Трактористы острой сталью
Режут землю на пласты.

Тянут борозды прямые,

Строчка к строчке— как стихи!
 Борозда идет Натья,
 Рядом — борозда Бахи.

Ни один не уступает —
 Оба в деле хороши.
 Солнце им с высот сияет,
 Поздравляет от души.

Смотрим: кто же победитель?
 Угадать пока нельзя.
 Впереди Бахи, смотрите...
 Нет, опять рядком друзья!

А когда светило гасло,
 Пурпур свеся над рекой,
 Показалось: вымпел красный
 Каждый нес перед собой.

2

ПОЛИВАЛЬЩИК

На плече с лопатой острой
 Молодой джигит идет,
 Пред ним канал стоверстный
 Рябью солнечной цветет.

Белый блеск, пушистый, зыбкий,
 Степь покрыл из края в край...
 Смотрит на поля с улыбкой
 Поливальщик Максетбай.

Это пышный хлопок зреет,
 А когда придет пора,
 Всем на радость забелеет

Белоснежная гора.

И ее окинув взглядом,
 Как большой итог труда, —
 Вот что, — скажет, — нам в награду
 Принесла с собой вода!

Асан Бегимов

(1907—1958)

Асан Бегимов — один из создателей писательской организации и литературно-художественного журнала в Каракалпакии, участник Первого съезда писателей СССР.

В своем сборнике стихов "От победы к победе" (1936) А. Бегимов воспел обновленный родной край, дружбу народов, героику первых пятилеток. В поэме "Сапура" А. Бегимов рассказал об участии женщин в общественной жизни. Эта поэма была издана также и на узбекском языке. Асан Бегимов — автор четырех сборников стихотворений. На каракалпакском языке издан двухтомник его избранных произведений.

Много лет отдал А. Бегимов драматургии. В 1929 г. он пишет пьесу "Освобождение от страдания" — об Октябрьской революции в низовьях Аму-Дарьи, освободившей каракалпакский народ от тяжелой жизни. О борьбе с классовыми врагами рассказывает его пьеса "Кто это?" (1932). Широкую популярность получила пьеса "Гарии ашык", написанная А. Бегимовым в соавторстве с Т. Алланабаровым по мотивам одноименной поэмы.

В 1957 г. писатель заканчивает роман "Дочь рыбака", изданный на каракалпакском, узбекском и русском языках. В романе рассказывается о пробуждении революционного сознания рыбаков

южного побережья Аральского моря, изображаются бурные события первых лет советской власти в Каракалпакии.

А. Бегимов перевел на родной язык многие произведения А. Пушкина, М. Горького, Т. Шевченко, В. Маяковского. За заслуги в развитии каракалпакского искусства и литературы писатель был награжден орденом "Знак почета", ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР.

ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Снаружи
Порывы злых ветров,
И тучи хмурятся строго...
Жемчужным блеском
Сияет метро —
Подземная железная дорога.

Одета
Мраморной красотой.
Труда положили много
На стройку чудесной дороги той,—
Подземная железная дорога!

Я был красотой ее поражен,
Отделку вагонов трогал,
Свет тысячи ламп
Везде отражен,—
Подземная железная дорога!

Необычной
Стала Москва
В течение краткого срока,
Но как передать мне словами вам,

Какова
Подземная дорога!

Цари, и ханы, и господа,
Правители "именем бога",
И мечтать не могли о тебе никогда,
Подземная железная дорога!
Сверкает в туннеле
Звонкая сталь,
Блеснули два желтых ока...
Сейчас понесутся вагоны вдаль —
Подземная железная дорога!

БИБИДЖАН

Уходишь ты в море, вся солнцем одета,
И песню твою заглушает прибой.
Ты морем любишься, солнечным светом,
А в отдаленье люблюсь тобой.

То ввысь поднимаясь с волнами седыми,
То вновь исчезая за пенной грядой,
Уходишь ты в море с друзьями своими,
Отважно на подвиг идешь трудовой.

Рыбачка! Какой ты красавицей стала!
Как жаль, дорогая моя Бибиджан,
Что раньше тебя мое сердце не знало,
Как будто глаза застилал мне туман.

Теперь же ты в душу мою заглянула,
И стало в ней так хорошо и светло.
Цветами весна затопила аулы,
А с ними и сердце мое расцвело.

Мы счастья добились своими руками,
И горя не знают мои земляки.
Родимое море цветет парусами,
Когда отплывают на лов рыбаки.

Закат распластался на синем просторе,
Как ты, этот вечер пригож и румян.
Несет на ладонях вечернее море
Цветок моей жизни — тебя, Бибиджан!

МОЯ ДОЧЬ

Лишь заря в одежде златотканой
Выйдет в поле в час урочный свой,
С ней Гулим — цветок благоуханный
Начинает день свой трудовой.

Вот она среди кустов хлопковых —
Слышу там ее звенящий смех,
Средь своих подружек чернобровых
Дочь моя и впрямь красивей всех.

Сколько в ней лукавства и здоровья,
Как ее задорна красота!
Словно крылья, вскинутые брови,
Ярки очи, пламенны уста!

В волосах Гулим иссиня-черных
Золотится солнечная нить.
Как быстра Гулим и как проворна,
За движеньем рук не уследить!

Этими руками золотыми
С юности прославилась она:
Нежное девическое имя

Гордо произносит вся страна.

Как и мне украдкой не гордиться,
Чистотой и мужеством твоим,
Тем, что ты такая мастерица,
Дочь моя, красавица Гулим!

ПУШКИНУ

Когда я слышу песнь твою,
Душой всегда светлею
И, голову склонив, стою
Пред славою твоею

Я в дом на Мойке, где ты жил,
Пришел июньским утром.
Вот стол... Перо... Следы чернил
Не высохли как будто

А сколько тут на полках книг
Навек стоять осталось!
Не раз страниц старинных их
Рука твоя касалась.

И я хотел поцеловать
В нахлынувшем волнении
Твоих волос густую прядь,
Что сохранил Тургенев.

Избасар Фазылов

(1908—1961)

Избасар Фазылов — один из зачинателей каракалпакской советской поэзии. Он работал редактором

республиканской газеты, участвовал в работе Первого съезда Союза писателей СССР. В своих стихах 30-х годов он писал о первых колхозах, о строителях каналов, о раскрепощенной женщине каракалпачке. Его стихотворение "Черная овца", написанное в стиле устной народной поэзии, пользуется до сих пор большой популярностью.

Избасар Фазылов выпустил три сборника стихов: "Пути победы" (Турткуль, 1934), "Стихи" (Москва, 1936), "Стихи" (Нукус, 1960).

Стихи Избасара Фазылова в переводе на русский язык (отрывки из поэмы "Колхозная весна") были впервые опубликованы в сборнике "Поэты Советской Каракалпакии" (Москва, Гослитиздат, 1936 г.)

ЧЕРНАЯ ОВЦА

Живу я жизнью горькой, хоть и молод,
Оборванный, босой, терплю я холод,
Привычны мне и нищета, и голод,
Не знать мне счастья, видно, до конца.

В беспечных играх не провел я детства,
Стал чабаном я, сирый, с малолетства,
И о тебе, причине многих бедствий,
Пою я песню, черная овца.

С тебя, лентяйки, было мало толку,
Когда же ты попала в зубы волку,
Меня все поносили без умолку,
Презренным стал я, черная овца,

Гебя я пас и в холод, и в ненастье
И быть бы мог растерзанным на части,

Когда спасал тебя из волчьей пасти
Себе на горе, черная овца

Ты чуть дышала... Чтоб прервать мученье,
Я кровь тебе пустил. Потом в селенье
На ишаке тебя, как угощенье,
В аул привез я, черная овца.

Мулла сказал, что в пищу не годна ты,
Что падаль ты, согласно шариата⁴⁷,
Ни ты, ни я ни в чем не виноваты,
А я страдаю, черная овца.

На Шымбыр-Коле⁴⁸— чудеса природы,
В арык Анна текут обильно воды,
А мне теперь стыд и позор на годы,
Вот что случилось, черная овца.

В кустарнике колючем пас я стадо,
Бог не всегда поможет там, где надо,—
Голодный волк, подкравшись из засады,
В тебя вцепился, черная овца.

С утра был ливень, ветры завывали,
Муйтены⁴⁹ мне с собой ножа не дали,
И горло острой щепкой на привале
Тебе я взрезал, черная овца.

⁴⁷ Согласно шариата (своду мусульманских законов) мясо животного считается пригодным в пищу только в том случае, если перед смертью ему была пущена кровь. В данном случае чабан перерезал горло умирающей овце не ножом, а острой щепкой, и поэтому мясо этой овцы был сочтено непригодным для еды.

⁴⁸ Ш а м б ы р - К о л ь — название озера.

⁴⁹ М у й т е н ы — название одного из каракалпакских родов.

Какая разница, концом булата
Иль щепкою прикончена была ты?
Клянусь, тебя, согласно шариата,
Не осквернил я, черная овца!

Селением муйтенов был я нанят,
Закон исполнил я — кто спорить станет?
И зря мулла теперь тебя поганит —
Зря он клеветает, черная овца!

С зимовкой было плохо, вот в чем дело,
Ты похудела, стало жестким тело —
Вот и вопит мулла так оголтело,
Что несъедобна черная овца.

Да, от судьбы жестокой не ушла ты,
И мы с тобой ни в чем не виноваты,
Но за тебя назначенная плата
Легла на горб мой, черная овца.

За что цена высокая такая?
Нет ни стыда, ни совести у бая!
Моя получка полугодовая
Пошла в уплату, черная овца.

Эй, Каллибек из Колддаулы!
Я помню, Что ты — хозяин, я — чабан наемный,
Добавь мои гроши в сундук огромный, —
Богатство не исправит подлеца!

НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

В свинцовом необузданном просторе

Шумит волна, гоняясь за волной...
 Зачем Каспийское бушует море —
 Встает на нас, тяжелое, стеной?

Зачем всей тяжестью валы крутые
 Кидаются на гордый пароход?
 Не сбудутся надежды их пустые —
 Нас не потопит ярость бурных вод!

Нет, с курса не собьется пароход,
 И воля капитана неизменна,
 И волны пополам, как цепи, рвет
 Высокий борт над бахромою пенной.

Машины мощные гудят в груди,
 И дымный столб встает до небосвода,
 И как ни грозны штормы впереди —
 Они не остановят парохода.

Хожамет Ахметов
 (1908—1932)

Молодой комсомольский работник, затем редактор молодежной газеты "Жас ленинши" Х. Ахметов, несмотря на прожитую им недолгую жизнь, оставил заметный след в поэзии Советской Каракалпакии.

Поэт был мастером коротких агитационных стихов. Созданное им в годы коллективизации стихи ("Мой класс", "Батраки", "Пойду на праздник", "Каракалпак" и др.) прозвучали поэтическим призывом к каракалпакским дехканам вести упорную борьбу за укрепление колхозного строя, дружнее трудиться, смелее строить новую жизнь на справедливых началах. Хожамет Ахметов умел быстро откликаться в своих

стихах на самые злободневные темы ("Корреспонденты", "Не давай дорогу", "Распространяйте газеты" и др.). Поэт активно выступал за равноправие каракалпакских женщин, высмеивал и разоблачал попытки баев и духовенства исподтишка вредить новому, советскому укладу жизни.

НЕ ДАВАЙ ДОРОГУ

Бедняк! Мои слова, как пламя жгут:
Средь нас в чалме и без чалмы живут
Враги — они надеются и ждут, —
Будь бдительным, им не давай дорогу!

В Советах счастье — должен ты понять.
Тебя ж решили баи запугать,
Чтоб ты не шел Советы выбирать,
Но их коварству не давай дорогу!

Познал ты баев в муке вековой,
Знаком с их кровожадною душой,
Вот почему крепи народный строй,
А байской своре не давай дорогу!

Бедняк, ты завтра выберешь в Совет
Того, с кем жил, как с другом, много лет.
Врагов коварнее, чем баи, нет, —
На выборах им не давай дорогу!

ТВОЙ ДОЛГ

В ауле жизнь еще темна,
Но к свету тянется страна.
Ты помнись, молодежь, должна:
Приблизить счастье — твой долг.

В ауле из-за богачей
 Немало бедствует людей,
 Дать радость людям поскорей —
 Высокий, молодежь, твой долг.

В ауле злой обычай есть:
 На скот обменивать невест.
 За человеческую честь
 Бороться, молодежь, твой долг.

В ауле школа есть, но в ней
 Молитвой потчуют детей.
 Их вырвать из "святых" цепей —
 Первейший, молодежь, твой долг.

Мулла, ишан средь нас живут,
 Они в умы дурман несут.
 Свершить над ними смелый суд —
 Почетный, молодежь, твой долг.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ТРУД

Я — человек труда, я для труда рожден,
 Трудиться день за днем — мой жизненный закон.
 Отец и мать мои труду всегда верны,
 Пример я с них беру с младенческих времен

Всего основа — труд. За дело взялся ты —
 Ему отдай сполна огонь своей мечты,
 Запас душевных сил и тонкость мастерства,
 Чтоб труд достоин был завидной высоты.

Труд — это наша мощь и нет ее сильней.
 Она кипит во мне. Я не расстанусь с ней.
 Вся жизнь моя в труде. Я без него ничто.

Пусть пот бежит с лица: он — признак честных дней.

Мой труд, любимый труд! Хотел бы я с тобой
 Так подружить людей, как дружишь ты со мной,
 Чтоб строить города, заводы возводить.
 Нет в сердце у меня светлей мечты другой.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Как в зеркале, что чище ясных вод,
 Показывают дней водоворот.
 Где новое со старым бой ведет...
 —А кто они?
 —Корреспонденты!

Ведут рассказ победный о стране,
 Чтоб стал бедняк счастливее вдвойне,
 Чтоб корчился богач, как на огне...
 —А кто они?
 —Корреспонденты.

Известно им, кто в жены продал дочь,
 Кто взятку брал и взять еще не прочь!
 О них напишут страстно и точь-в-точь...
 —А кто они?
 — Корреспонденты.

Когда в работе обнаружен срыв,
 Тот стал рвачем, а этот стал ленив,
 Сейчас же слышен гневный их призыв.
 —А кто они?
 —Корреспонденты.

О том, что происходит в наши дни,

Всю правду знают первыми они.
 Их острый карандаш копьёю сродни.
 —А кто они?
 —Корреспонденты.

ЖОЛМУРЗА АЙМУРЗАЕВ

(Родился в 1910 г.)

Известный поэт, драматург и прозаик Жолмурза Аймурзаев — один из зачинателей каракалпакской советской литературы.

Во время коллективизации Ж. Аймурзаев пишет многие агитационные стихотворения — ("Боритесь!", "Берите машины!" и др.). Первый сборник его стихов на каракалпакском языке вышел в 1935 году. В этот сборник вошла поэма "Схватка", отразившая классовую борьбу в ауле и явившаяся заметным достижением каракалпакской поэзии.

В предвоенные годы писатель создает ставшие популярными в народе поэмы "Кызкеткен", "Мы победили", сатирическую комедию "Своей палкой по себе".

Ж. Аймурзаевым выпущено 14 сборников стихотворений на каракалпакском, узбекском и русском языках. Им написаны пьесы "Лейтенант Елмуратов", "Айгуль и Абад", "Бердах", "На берегах Аму-Дарьи", "Раушан", идущие на сцене Каракалпакского музыкально-драматического театра имени Станиславского, роман "На берегах Аму-Дарьи", изданный на русском языке под названием "Проделки Камекбая". Издательство "Каракалпакия" выпустила первые два тома собрания сочинений Ж. Аймурзаева, в

которые вошли его стихи и драматические произведения.

Писатель перевел на родной язык отдельные произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а также стихи современных поэтов братских республик.

За последние годы писателем создана автобиографическая повесть "Сердце сироты".

За заслуги в области литературы и искусства Ж. Аймурзаев награжден орденом "Знак почета". Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусства Узбекской ССР.

РОДИНА-МАТЬ

Родина-мать, как тебя не любить!
Нет тебя в мире огромней, чудесней,
Ты мне завидное счастье дала,
Труд превратила в хорошую песню.

Родина-мать, как тебя не любить!
Ты предо мною с улыбкой раскрыла
Тайны вселенной и тайны наук,—
Силой могучей меня окрылила.

Родина-мать, как тебя не любить
И не беречь твои светлые дали!
Если придется схватиться с врагом
Мы победим, как всегда побеждали!

В РОДНОМ АУЛЕ

Я вижу из широкого окна
Весенние окрестности аула:
Еще вчера пустынная земля
В зеленых волнах нынче утонула.

Где зной над рыжей почвой полыхал,
Где в суховеях проходили годы,
Там влагою насытились поля.
И поднялись напористые всходы.

Там пашни наступают на пески,
Каналы наступают на безводье;
Там превращают выжженную степь
Друзья мои в долину плодородья.

Бульдозеры и тракторы гудят.
Их эхо ты услышишь в новой школе,
Где наши дети говорят о том,
Как сами выйдут пахарями в поле.

ЛЮБЛЮ ВЕСНУ

Весной прилетают гусиные стаи
Играть и купаться в озерах больших,
И радостно сердце мое закипает,
Когда в эту пору смотрю я на них.

Зеленым ковром покрывается поле,
Сады зацветают од солнцем живым,
Ласкающий ветер скользит по раздолью,
И голову клонит трава перед ним.

А сколько в колхозах работы приспело!
Весной каждый день и румян, и хорош:
Чтоб белое золото к сроку созрело,
Выходит с утра на поля молодежь.

Трудясь вдохновенно, трудясь неустанно,
Заложим мы в землю весной семена.
А осенью с хлопком пойдут караваны —
С полей на заводы, — встречай их страна!

С весною веселые дни прилетели,
Нарядна земля, в небесах бирюза,
Веселые девушки песню запели,
Поет с ними вместе поэт Жолмурза.

ПРИВЕТСТВИЕ

Арал шумит,

Волнуется Аму.
 На берегах, привольных и красивых,
 Живет народ свободный и счастливый,—
 Почет и слава за труды ему.

Мать-родина!
 Вот край мой, погляди!
 Заботой партии, твоей заботой
 Цветущий край согрет. Кипит работа.
 Недаром орден на его груди.

Сегодня брата мой народ встречает:
 Он вывел к свету, к утренней заре
 Страну мою в Великом Октябре,
 Нам будущее строить помогает.

Сегодня праздник. Каждый гостю рад.
 Мы радостно протягиваем руки,—
 Ведь это Пушкина, Толстого внуки
 В гостях у нас! Приехал старший брат!
 Встречаем ленинградцев, москвичей,
 Приветствуем вас, дорогие братья,
 Примите наши жаркие объятия!..
 Еще не знал я встречи горячей
 В родной Каракалпакии моей!

У ВОДОПРОВОДА

Две хорошие подруги
 Утром по воду идут,
 Задушевную беседу
 О делах своих ведут.

Улыбаются, смеются.
 Косы вьются на ветру...

Та — дома в Нукусе строит,
Эта — учит детвору

Кран железный, кран послушный,
Открывает Азада,
И бежит струей прохладной
В ведра светлая вода.

Взгляд задумчивый под солнцем
Отражается в воде.
Сколько жаждою тут страдало,
Сколько мучилось людей?..

Караваны в знойных вихрях
Исчезали без следа.
Тут и капли свежей влаги
Не видали никогда.

А сегодня изменился,
Обновился край степной,
И глубокие каналы
Переполнены водой.

Две хорошие подруги
Ведра полные несут,
Задушевную беседу.
О делах своих ведут.

СХВАТКА

(Поэма)

Задорный шелест молодой листвы
Над краем празднично одетым.
К нам новый день приходит из Москвы

С веселой песнею рассвета.

В густых садах укрылась тишина,
А над полями гул моторов.
Цветет, цветет родная сторона,
И нет границ ее просторам!

Средь тополей за домом новый дом
Встает и крышу надевает.
В своем порыве трудовом
Народ наш устали не знает.

Пройдя за Партией путем борьбы,
Он вышел победителем из боя,
И, став хозяином своей судьбы,
Свой мир невиданный построил...

О днях борьбы простых народных масс,
О трудных днях, теперь полузабытых,
И о врагах — то тайных, то открытых,
Я поведу несложный мой рассказ.

1

Полночь... Встала тишина немая...
Сразу не заметишь, как во мгле
Осторожно, крадучись, ступая,
Двигутся две тени по земле.

Разве ходят так простые люди,
С чистою, открытою душой...
... Только лай собак порою будит.
Эту полночь с мертвой тишиной.

Спит аул спокойно, безмятежно,
Чтоб с рассветом взяться за дела,

Чтобы твердой поступью, железной
Завтра снова жизнь вперед пошла,

Как обычно с рокотом моторов,
С песней звонкой, с солнечным лучом,
А сейчас широкие просторы
И аул объята крепким сном.

Каждый шорох, легкое движенье,
Даже шелест молодой листвы
Заставляют две пугливых тени
Укрываться в гущу темноты.

Люди хорошо, легко одеты —
Им придется долго быть в пути.
Нужно торопиться, чтоб с рассветом
Дальше от аула отойти.

Шепот осторожен, шаг приглушен,
Ненависть толкает их вперед.
Им сейчас бы этот мир разрушить,
Им бы в цепи заковать народ.

Что им жизнь? — всего они лишились
Ненависть сжимает кулаки...
"Как?.. Просить у оборванцев милость
И на них работать? Нет таких!.."

Подошли. Вот здесь он должен встретить
"Атахан!" — шепнули в темноту.
Перед ними появился третий,
Так же осторожно: "Здесь я! Жду!"

Лишь чуть слышно звякнули засовы.
Атахан, смахнув соленый пот,

Тяжело вздохнул: "Ну, все готово.
Выводите побыстрее скот.

И в дорогу! Как-нибудь сумеем
Все уладить, замести следы.
Да не бойтесь, двигайтесь смелее,
Здесь же вас не знает ни один".

Полночь... Встала тишина немая,
До чего обманчивый покой...
Тени, постепенно исчезая,
Скрылись за аулом далеко...

2

Прояснится небо очень скоро,
Отдохнув, сверкая и горя,
Как обычно над родным простором
Расплескается веселая заря.

"Что и говорить, исход счастливый,
Пусть и дальше дело так идет".
Двигается понуро и лениво
По тропинкам узким цепью скот.

Здесь уже погромче разговоры:
"Потрудились хорошо, не зря..."
... Очень скоро над родным простором
Расплескается веселая заря.

3

Заалел восток, и на рассвете
Атахан в широкий двор шмыгнул.
"Как дела? Ну, кто-нибудь заметил?"
"Все в порядке: спит еще аул.

Не волнуйтесь, дядя, мне поверьте.
 Ведь недаром люди говорят,
 Слишком крепкий сон подобен смерти;
 Не догонишь, не вернешь назад.

В городе сегодня же сумеют,
 Как задумано, решить дела..."
 Над полями, над аулом розовея,
 Первая полоска пролегла.

"Дядя, я ведь должен караулить...
 Люди могут обвинить меня,
 Нужно быть подальше от аула
 И пока не поздно — на коня?"

"Э-э, племянник, все в порядке будет,
 Что нам беспокоиться сейчас.
 Люди? Кто такие эти люди?
 Устоят не смогут против нас".

Дядюшка совет дал Атахану —
 Притвориться в эти дни больным.
 "Голову подняли, а не рано?—
 Продолжал он зло.— Покажем им!

Мы еще увидим, мы узнаем,
 У кого из нас побольше сил".
 И, сурово кулаки сжимая,
 Спящему аулу погрозил.

4

Солнце встало над простором края,
 Разлетелись яркие лучи,
 Землю, как руками, обнимая,
 Веселы, крепки и горячи.

К ним навстречу тянутся задорно
И листва, и яркие цветы.
Мир широкий, мир такой просторный,
Кто не любит этой красоты!

Хорошо проснуться на рассвете,
Полной грудью глубоко вздохнуть!
Новый день труда, как друга, встретить,
Снова за работу, снова в путь.

5

Вышел первым, как всегда, из дома
С посохом пастушьим Карабай.
До травинки все ему знакомо,
Как себя, он знает этот край.

Уж давно привык к степному ветру,
К терпким запахам травы густой...
Сколько пастбищ, сколько километров.
Обошел за жизнь пастух седой!

По крутой тропинке вдоль аула
Дед торопится к своим делам.
"Где же парень?" Нету караула.
"И послал же бог лентяя нам!
Молодой, перед людьми не стыдно..."
Отодвинул медленно засов,
И шагнув, как вкопанный, застыл он,
Пусто!.. Только несколько коров...

Словно цепко сжал за горло кто-то,
И в глазах его пошли круги.
Кто увел? Чья подлая работа?
Где сейчас скрываются враги?

И назад, пути не разбирая,
 Побежал испуганный пастух.
 Люди смотрят вслед за Карабаем:
 Не беда ль стряслась какая вдруг?

Дед стучит... Не где там ждать ответа!..
 Тяжело дыша, вбежал во двор.
 "Что ты будоражишь на рассвете?..
 Что еще за срочный разговор?.."

Тучный председатель лишь проснулся,
 Протирает медленно глаза.
 "Скот угнали!.."

"Ты, видать, рехнулся,
 Повтори быстрее, что сказал!"

"Скот угнали... весь почти... колхозный..
 Что нам делать, председатель, говори?"
 И Калман поднялся красный, грозный:
 "Ну, а кто же ворах хлев открыл?"

"Я не знаю, председатель, рано
 Захожу и никого вокруг".
 Взгляд тяжел у хмурого Калмана:
 Не морочь мне голову, пастух!

Ты ответчик, ты во всем виновен".
 "Но ведь ночью был там караул!"
 "Атахан уже двое суток болен,
 И об этом знает весь аул.

Вот такие все вы активисты!
 Речи говорить, критиковать!
 Ну, а сами на руку нечисты,

Гнать вас из аула нужно, гнать!"

На ногах пастух держался еле
От потока этих страшных слов
Губы задрожали, побледнели.
Старый Карабай упасть готов.

"Ты еще сознаешься, расскажешь!—
Председатель продолжил кричать.—
Знай, пастух, народ такие кражи
Не умеет никому прощать".

Эта весть, как молния, сверкнула,
Подожгла аул из края в край.
Удивленный шепот по аулу:
"В воровстве замешан Карабай".

Сжавшись, будто бы от острой боли,
Шел пастух с поникшей головой,
Каждый взгляд в лицо и спину колет,
Шел старик от горя сам не свой.

Тяжело колхозникам-дехканам!
Все сбежались: "Скот найти должны".
Поднимается рука Калмана —
Просит председатель тишины.

"Где найдешь? Покрепче Карабая
Мы прижмем — сознается во всем.
Кто уж кто, а он, конечно, знает!
Скот мы обязательно найдем".

Люди разошлись, толкуя о погоне.
Бекмурат товарищам своим

Подмигнул:

"Быстрей, друзья, по коням,
После как-нибудь поговорим".

Застучали вперебой копыта:

"Не вернемся, если не найдем!"

И помчались шестеро джигитов —
Над дорогой только пыль столбом.

6

Злость душила тучного Калмана.

Как? Мальчишка, этот Бекмурат

Вдруг ослушался! Тут что-то странно...

"Всех сейчас же повернуть назад!"

"Что вы, дядя! Не догнать погони!..

Только это все напрасный труд:

Утомятся на тропинках кони.

Ускакали поздно!.. Не найдут".

И добавил Атахан несмело:

"Слышал я, как будто Карабай,

С жалобой пошел к политотделу".

Отмахнулся председатель:

"Э-э!.. Пускай!

Лишь бы не нашла следов погоня,

Следствие затянется пока...

У меня, племянничек, в районе,

Есть своя, особая рука".

Усмехнулся: "Разных активистов,

Этих критиков, мне просто жаль.

С ними я теперь расправлюсь быстро",—

Крепким ногтем он на стол нажал.

Лучше, видно, не придумать плана,
Этот случай кстати помогал,
Критиков убрать с пути Калмана,
Тайного колхозного врага.

Прикрываясь дружеской личиной,
Ласково он людям руку жал,
Но и каждому спокойно в спину
Засадил бы лезвие ножа.

Кое-кто и знал его затеи —
Чем живет и дышит чем Калман,
Запуская с каждым днем смелее
Лапу в их общественный карман.

Что ж, Калман наперечет их знает:
Этот верховодит беднотой,
Этот жалобы куда-то направляет,
Но и за него стоят горой!

Да к тому ж, то не простые люди,
Занимают важные посты.
Что ж, пусть едут следователи, судьи —
Он сумеет встретить, угостить.

А они, наверное, развяжут
Карабаю и другим язык...
Есть дружок у председателя! Он кражи
Только так и раскрывать привык.

Хорошо критиковать на воле,
А пастух, конечно, не орел,—

Посидит недельки две и боле
И любой подпишет протокол.

7

По дороге цокают копыта.
Солнце поднялось над головой.
Плотной пылью все следы покрыты,
Разберись, куда ведет какой?

В знойный полдень утомились кони...
Слышится ленивый разговор:
"Ох, и зря задумана погоня.
Сходит все Калману до сих пор".

"Не сойдет! Лишь нужно братья смело!—
Твердо заявляет Бекмурат.—
Вот бы разобраться в этом деле:
Он тогда у нас попляшет, гад!"

Гикнул Бекмурат, присвистнул даже,
Крикнул весело своим друзьям:
"По рукам-ногам его мы свяжем!
Долго ли его бояться нам?.."

Кони упираются сердито,
Опускаясь с каменной гряды,
И по камням цокают копыта,
Пылью замечаются следы.

8

У начальника политотдела.
Как всегда, с утра полно людей.
Все пришли с большим и важным делом,—
Разобраться надо поскорей.

И начальник молча хмурит брови,
 Слушает тяжелые слова.
 Возмущенье, горечь в каждом слове:
 "Кто ему такие дал права?"

"Говорят, Калман заботлив, сдержан,
 Но ведь это лишь для простака,
 А на самом деле крепко держит
 Всех колхозников в своих руках".

"Если кто осмелится перечить,
 Он с пути любого уберет!"
 "Улыбнется ласково при встрече —
 В три погибели потом согнет".

"Жить в колхозе невозможно стало!..
 "Жить с Калманом больше нету сил!..
 "Грабит нас, а все жадюге мало! "
 "Весь колхоз почти что растащил!"

"Спорить с ним никак нельзя — опасно!
 Подчиняйся, будь его рабом,
 Будто он хозяин полновластный—
 Все ему на свете нипочем..."

И сказал начальник веско, прямо:
 "Будем здесь немедленно решать.
 Просмотрели — виноваты сами,
 Нам теперь ошибку исправлять".

Похвалил погоню Бекмурата:
 "Вот с таким народом хоть куда!
 Комсомольцы — молодцы ребята,
 От таких не скрыться никуда!

Думаю, отыщутся и воры,
Их заметит острый, зоркий глаз...
Говорят, Калман нашел опору.
У кого? У нас или у вас?

Партия широкий путь открыла,
Верит ей весь трудовой народ,
И врага любого эта сила
Навсегда с лица земли сметет!"

9

Потянулись зыбкие болота,
Глухо зашуршали камыши,
Обливаясь липким грязным потом,
Комсомольцы осторожно шли.

И, казалось, нет конца и края
Длинному, тяжелому пути.
В бездорожье, наугад шагая,
Разве можно что-нибудь найти?

Недовольно, тихо ржали кони,
Шли устало вдаль на поводу...
Можно ли вернуться из погони,
Так, ни с чем?

В ауле ждут.

"Скот и воры — это не иголка,
Не вернемся мы без них назад.
Каждый кустик мы обыщем с толком",—
Говорит джигитам Бекмурат.
Между скал тяжелых и безлюдных
Показалась рощица вдали.
Значит, здесь... Найти теперь нетрудно.
"Дальше ведь уйти бы не могли".

Ночь подкралась робкими шагами,
 Вышла осторожно на простор.
 Рассыпая искры за ветвями,
 Вспыхнул неожиданно костер.

Комсомольцы подобрались ближе.
 Вон те двое — дремлют у костра.
 Быстро огляделись: "Видишь?" — "Вижу!"
 Бекмурат кивнул друзьям: "Пора!"

У бандитов ноги, руки ноют,
 Голова свинцово - тяжела.
 Вскрикнув, так и не поднялись двое —
 Кто-то крепко их к земле прижал.

10

Председатель к начполитотдела,
 На лице прикрыв улыбкой страх,
 Не пошел спокойно, подлетел он,
 На пути споткнувшись второпях.

"Что там нового в политотделе?
 Как начальник здравствует-живет?"
 "Хорошо живу. Давай о деле,
 Председатель, собирай народ!"

" Так нельзя... Начальник обижает,
 Да куда ж дела уйдут от них?
 Можно побеседовать за чаем..."
 Тут Калман осекся и притих.

Острым взглядом сразу он заметил,
 Что сверкнули холодно глаза.
 Ясно — быть за все теперь в ответе...

Это надвигается гроза!

Вкрадчиво, пугливо, осторожно,
Он вопрос начальнику задал:
"На меня клеветают"— "Все возможно..." —
"За мои же добрые дела!

Но начальник разве не рассудит?
Может разобраться он во всем".
"Это лучше будут делать люди
К ним мы, председатель, и пойдём".

Очень скоро собрались бригады,
Заняли колхозники места.
Всех окинув злым, свинцовым взглядом,
Тучный, бледный председатель встал.

А минуты этой словно ждали,
Сразу поднялись десятки рук:
Шум, как будто в ясный день поймали
Давнего врага с поличным вдруг.

Что ж, Калман! Тебе дается слово,
От тебя колхоз признанья ждет.
Очень строго, как никто, сурово
Будет спрашивать тебя народ.

Справедливый суд и самый строгий...
Топот за окном все рос и рос...
Пыль столбом клубится над дорогой —
Комсомольцы возвращаются в колхоз...

Вновь пришла весна на землю нашу,
Разбросала яркие цветы.

Что на свете радостнее, краше
Молодой, весенней красоты!

Да и не в цветах, конечно, дело,
Радость в том, что мы сильны всегда.
Как бы враг ни прятался умело,
Мы раскроем черные дела.

Если только Родина прикажет,
Грудью встретим недруга в бою.
Грозно встанет наш народ отважный
За свободу и за честь свою.

Если враг ползком по тропкам тайным
Проберется в наш любимый край.
Все равно его раскроем сами,
Как он тонко, хитро ни играй.

Мы врага в любом увидим лице...
И идет уверенно вперед
Верный нашей Партии великой
Славный, героический народ.

МЫРЗАГАЛИ ДАРИБАЕВ

(1907—1942)

Мырзагали Дарибаев — поэт, прозаик и драматург, один из зачинателей современной каракалпакской литературы.

В своей поэме "Айымжамал" М. Дарибаев изобразил жизнь сельской молодежи, борющейся с остатками кулачества. В поэме "Айпара" рассказывается о тяжелой женской доле в дореволюционной Каракалпакии. В 1939 г. писатель написал поэму "На

границе" — драматический рассказ о событиях на озере Хасан, о героизме защитников Родины. М. Дарибаевым созданы также поэмы "Калжан" и "Оборона Кунграда".

Первая пьеса М. Дарибаева на историческую тему "Коклен-батыр" (1938) принесла ему заслуженный успех. Вскоре он создает пьесу "Мечта", рассказывающую об освободительной борьбе каракалпакского народа против власти хивинского хана в середине прошлого столетия. В последние годы жизни драматург написал пьесу "Новые люди"— о героях социалистической стройки. За заслуги в развитии национального театра М. Дарибаеву было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Каракалпакской АССР.

Наиболее значительным прозаическим произведением М. Дарибаева является незаконченный роман "Одна из тысяч".

М. Дарибаеву принадлежат переводы многих стихов Пушкина, Лермонтова, Низами. Он перевел на родной язык поэму Байрона "Чайльд Гарольд".

Мырзагали Дарибаев погиб в 1942 г. во время авиационной катастрофы.

В САДУ

Листья зеленые
Ярче шелков,
Ветер играет ветвями...

В саду

Слышится шум молодых голосов:
Солнце, и ветер, и люди в саду.

Говор, и гомон,

И смех без конца,
 Радость весны наполняет сердца,
 Хмурого здесь не увидишь лица,
 Сколько веселья весною в саду!

Бродит по жилам
 Тревожная кровь,
 Черным каракулем вскинута бровь.
 Юноше голову кружит любовь —
 Девушки рядом гуляют в саду.

Трубки еще
 Не держал он в зубах,
 Вижу раскрытую книгу в руках...
 Свежими розами воздух пропах —
 Девушки ходят, смеются в саду!

Смуглой подруге
 Смущенной рукой
 Розу подносит наш юный герой,—
 Вспыхнуло сердце счастливой мечтой...
 Как хорошо им сегодня в саду!

Слово за словом —
 И дружба видна,
 Будет их дружба чиста и верна,—
 Об руку ходят любовь и весна,
 В этом счастливом, цветущем саду!

В КОЛХОЗЕ

Белый хлопок увязан во вьюки,—
 Поскорей не завод отправляй!
 А колхозниц проворные руки
 До дождей уберут урожай.

Всюду хлопка высокие горы,
Всюду стройная песня звенит,
У походных чайхан разговоры
И костров золотые огни.

В поле радио, книги, газеты,
Дутаристы, певцы, плясуны.
За работою в поле поэты —
Песнопевцы счастливой страны.

Врач на поле колхозное едет,
Возит письма туда почтальон,
И о каждой колхозной победе
Сообщает в район телефон.

Кызыл - Кумов пески изменились,
Оживила пустыню вода,
Сколько пастбищ в песках появилось,
И какие большие стада!

Под Ургою озера широки,
Берега в камышовой тени.
Под Ургою озера глубоки,
Полным неводом рыбу тяни.

В рощах тута веселые птицы
Воспевают счастливые дни.
Шелководы у нас — мастерицы,
Как работать умеют они!

Тонкой нитью растянется кокон,
Будут девушки рады шелкам:
Лента красная в девичий локон,
Голубой парашют — в облака.

Раньше в шелк только баи рядились,—
 Тунеядцам черед отошел,
 Для себя мы в колхозе взрастили
 И машинами выткали шелк.

Из него наше красное знамя,
 Гордо реет оно над страной,
 Эта жизнь отвоевана нами
 У врагов недешевой ценой.

Наша мощь — всенародное братство,
 Люди спаяны дружбой навек,
 И дороже любого богатства
 В нашей юной стране — человек.

АЙПАРА

(Из поэмы)

Старая мать Айпара рассказывает дочери о горестных днях своей юности. Это случилось давно — еще в годы ханской власти. Пятнадцать лет было Айпаре, когда на их родной аул внезапно напал отряд грабителей басмачей, и девочку вместе с другими пленниками увели в рабство.

И вот потянулись тоскливые дни,
 Сменяясь такими же точно ночами,
 И только бессильные слезы одни
 Тогда мне надежными были друзьями.

Бежать?.. Но врагов обмануть нелегко,
 К тому же дорога одной не под силу,
 И думала я: от родных далеко
 Сойти суждено мне девчонкой в могилу.

А как безгранично любила я жизнь!
 И все-таки смерть показалась спасеньем,
 Когда мне хозяин сказал:
 —Подчинись!
 Желанье мое — это бога веленье!

Припав к сапогам запыленным его,
 В слезах я молила:
 —Не надо! Не надо!..
 А он понимать не хотел ничего
 И шел на меня опьяневшей громадой.

—Ой, дядя! — кричала я, землю скребя.—
 Я девочка, к маме пустите скорее!..
 —Затем и схватил я в набеге тебя,
 Что девочки в жизни всего мне милее!

И он рассмеялся..
 А сердце во мне
 Казалось, совсем онемело от муки.
 Как будто пылала я в адском огне,
 К врагу протянув умоляюще руки.

Внезапно он выхватил острый клинок: —
 Упорствовать, значит, решила? Ну, что же!
 Ты хочешь, чтоб кровь твою выпил песок?
 Подумай, ведь жизнь возвратиться не может!..

Не помню, откуда решимость взялась;
 Рванулась вперед я стрелой из лука,
 И в землю воткнулся клинок, заискрясь...

Все это случилось мгновенно, без звука.

По-волчьи хозяин взглянул на меня,
И сразу разбойничьим страшным ударом
В глазах потушил он сияние дня,
Как будто слепил их расплавленным варом.
Потом по земле он меня волочил,
Кричал, угрожая расправой суровой,
И снова, и снова, грозя, колотил,
Но я не слыхала ни боли, ни слова.

Не знаю прошло сколько тягостных дней
Пока я сумела на улицу выйти.
Мне солнце тогда показалось светлей,
Чем раньше, до всех этих страшных событий.

На жизненном это бывает пути,
И радостно, если, не сдавшись невзгоде,
Встает человек, обреченный почти,
И новые силы для жизни находит.

Но я проклинала по-прежнему край,
Куда, словно в петлю, судьба затянула...
Вдруг вижу, парнишка идет — Карабай,
Ближайший сосед по родному аулу.

С волнением к нему я навстречу пошла,
И он, оглянувшись, пожал мою руку:
— Ты стала не той, что когда-то была,—
Попали сюда мы на смертную муку!..

И сам он, казалось, держался с трудом:
В глазах не сверкали веселые искры,
В них слезы горели печальным огнем,
А силы душевные таяли быстро.

— Что делать, что делать?..— шептал Карабай.—
 Как слабый костер, мы погаснем в неволе..
 А мне бы хотелось увидеть свой край
 И вместе с отцом поработать на поле!

Послушай, давай убежим, Айпара,
 Быть может, судьба к нам жестокой не будет?..
 И с плеч моих словно свалилась гора,
 Решили мы:
 Пусть нас дорога рассудит!

Решили мы завтра бежать, лишь зайдет
 Горячее солнце, и звезды зажгутся,
 Когда потемнеет ночной небосвод,
 И люди глубокому сну предадутся.

* * *

Я так никогда не ждала темноты!
 И вот она хлынула легкой прохладой.
 И месяц глядел на меня с высоты,
 Как будто шептал: — Волноваться не надо!..

А сердце стучало тревожно в груди,
 И мысли одна за дрзгою летели,
 Кто знает, что встретится мне впереди,—
 Смерть рядом и очень далеко до цели.

Где друг мой? Беда не случилась ли с ним?
 Минуты тянулись в немом ожиданье.
 Собаки докучливым лаем своим
 Пугали глухое ночное молчанье.

Я думала: знать, нам бежать не судьба,
 И стало так горько, что руки упали.
 Вдруг слышу шаги: — Это ты, Карабай? —
 Пошли,— прошептал он,— пока не поймали.

Мы двинулись в ночь, словно в черный провал
(Луна осветила и где-то пропала),
В лицо ветерок нам прохладой дышал,
И слышалась жуткая песня шакала.

Мы часто теряли дорогу.
Тогда Нам кто-то шептал, что не будет спасенья,
В глаза беспощадно глядела беда
И злобно смеялась над нашим волнением.

Но снова вела нас дорога вперед,
И страхи на время опять отступали.
Казалось, аллах нас, несчастных, ведет,
Что нету аллаха, тогда мы не знали.

И вот перечнями джингиловый лес,
Он голые ветви раскинул уныло,
Как будто здесь осень спустилась с небес,
Хотя до нее далеко еще было.

И снова волнений настала пора. —
О лесе мы слышали разные толки. —
Давай-ка по палке возьмем, Айпара,
Они пригодятся — здесь водятся волки.

Мы шли, озираясь,
Неспешно вставал
Рассвет, разливая багровые краски,
И лес был похож на гигантский коралл,
Который ты можешь найти только в сказке.

Опять обжигал нас неистовый зной.
И голод и жажда нещадно томили.
Две черствых лепешки несли мы с собой
И вот по куску от одной отломили.

— Нам нужно беречь их,— сказал Карабай,—
 Не скоро увидим просторы родные,
 Попробуй дорогу домой разузнай,
 Когда пред тобой лишь колючки степные.

Уже вечерело. И снова вдали
 Джингиловый лес багровел величаво.
 Казалось мне: там, притаившись в пыли,
 Нас ждет с нетерпением волчья орава.

Как быстро сгустилась угрюмая тьма,
 И скоро глухою застыла стеною,
 А мысли стремились в родные дома,
 Как будто мы видели их пред собою.

Сгоняла усталость струя ветерка,
 Но вдруг в беспросветной таинственной дали
 Зеленые вспыхнули два огонька
 И следом за нами стремглав побежали.

—Смотри, Айпара!..
 Мы замедлили шаг,
 И два огонька заметались на месте.
 —Да это же волк!.. И от страха душа,
 Казалось, во мне никогда не воскреснет.

А волк заскулил, и мгновенно тогда
 Еще налетели зеленые искры.
 —Вот нас, Айпара, и настигла беда,
 —Теперь от волков не отделаться быстро!..

И мы побежали, а звери рысцой
 С пронзительным воем невидимо мчались,
 Стараясь загнать нас в стальное кольцо,
 И время от времени злобно рычали.

Когда мне казалось — погибель близка,
В джингиловый куст, пересохший за годы,
Метнул Карабай огонек с коробка,
И дрогнули ночи тяжелые своды.

Звериная стая замолкла. И свет
Пронзительных глаз заметался в испуге
И снова, как блеск отдаленных планет,
Застыл перед нами в магическом круге.

—Давай, Айпара, отбиваться!— и взял
—Лепешку бесценную друг по несчастью,
На части проворно ее разломал,
И крикнул:— Накормим звериные пасти!..

Он в каждый кусочек влагал, как рубин,
Пылающий уголь и потчевал стаю,
И волк извивался уже не один,
В беспамятстве землю сухую глотая.

Тут стал Карабай, не щадя своих рук,
Швырять головешки... Запахло паленым...
Отчаянья волчьего яростный звук
Летел в темноту, словно ветер по кронам.

Но вот долгожданный рассвет запылал,
Звезду за звездой в небесах задувая.
Услышали мы; кто-то степью скакал...
Я молча взглянула в глаза Карабая.

Нас волки теперь не пугали,— они
Ушли, унося обожженные глотки...
Наверно, погоня, заметив огни,
Настигла, и ждут нас разбойничьи плетки?

Совсем не успев ничего предпринять,
 Увидели: кони несутся галопом...
 Мы так и остались на месте стоять,
 Объятые страха гнетущим ознобом.

— Вы кто? — скакуна осадив на бегу,
 Спросил человек — Заблудились во мраке?..
 Я вспомнить без слез этот миг не могу,
 То были охотники каракалпаки.

Мы им рассказали, откуда идем
 И все, что в плену испытали суровом.
 Они, накормив нас, коротким путем
 Направили к дому с приветливым словом.

ДАЛИ НАЗБЕРГЕНОВ

(1913—1942)

Дали Назбергенов выпустил три поэтических сборника (1936, 1940, 1942 гг.). В сборнике "Мы победим", посвященном героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков, поэт покачал единство фронта и тыла, воспел высокие моральные качества советских людей. На эту же тему им была написана поэма "Два богатыря".

Перу поэта принадлежат также поэмы "Сирота" (1933), "Тамара" (1935), "Счастливая мать" (1938) и другие.

Результатом многих лет работы в газете явились многочисленные статьи и очерки Д. Назбергенова.

Издательство "Каракалпакия" дважды (в 1952 и в 1955 г.) выпускало однотомники избранных произведений поэта. Отдельные произведения Д. Назбергенова публиковались на русском и узбекском языках.

МОЙ КОЛХОЗНЫЙ АУЛ

Окружен полями и садами,
Хорошеет мой родной аул.
Вон над клубом шелковое знамя,
Ветер налетевший развернул.

В клубе днем собрание проводили,
Обсудили не один вопрос,
А сейчас экран соорудили —
Передвижка прибыла в колхоз.

В новом зданье двухэтажной школы,
Что стоит, красуясь на виду,
Смолк на время шум и гам веселый —
Там сейчас экзамены идут.

Разных книг в библиотеке много,
Вечером полно народу в ней,
И повсюду тонет тьма былого
В свете электрических огней.

Только поздней ночью станет тихо,
И тогда молчанья не тревожь,
А сейчас баян играет лихо,
И поет задорно молодежь.

Наш аул — уже почти что город,
Так теперь он строен и красив.

Рядом пруд раскинулся, в котором
Водятся большие караси.

Дальше глянешь — хлопковое поле
Утопает в розовых цветах...
Нет на свете лучше нашей доли,
Выкованной в битвах и трудах!

САУЛЕ

Спелый хлопок белеет вокруг.
Сбор его — это праздник полей,
Даже самых проворных подруг
Обгоняешь ты, Сауле.

Хоть в бригаде звено не одно,
И повсюду работа кипит,
Но твое, как и прежде, звено —
Впереди других, Сауле.

Ни пушинки теперь не теряй —
И пушинка добыта трудом!
Небывало большой урожай
Собираешь ты, Сауле.

Посмотри, в высоту и в длину
Вырастают хирманы кругом.
Белым золотом нашу страну
Одаряешь ты, Сауле.

Труд нелегок, но сердце поет,
Каждый миг у тебя на счету,
И красуется фото твое
На почетной доске, Сауле.

Ты проходишь стройна, молода,

Капли пота на смуглом челе...
 Говорят, что Героем Труда
 Скоро станешь ты, Сауле!

ПЕСНЯ, БУДЬ ТАКОЮ!

Песнь моя, над всей землей пари
 И моих собратьев озари
 Светом пламенеющей зари,—
 Песня, песня, вечно будь такою!

А того, кто сердцем зачерствел,
 Оживи для вдохновенных дел,
 Созиданье — светлый наш удел,
 Песня, песня, вечно будь такою!

Пусть умолкнет враг, оцепенев,
 Слыша твой ликующий напев,
 Твой правдивый, справедливый гнев,—
 Песня, песня, вечно будь такою!

Радуйся, учи, работай, строй,
 Земли подымай, каналы рой,
 Если втуне клад лежит — открой,
 Песня, песня, вечно будь такою!

Ничего мне для тебя не жаль,
 Лишь бы ты летела смело вдаль,
 Мир ковала, выплавляла сталь,
 Песня, песня, вечно будь такою!

АМЕТ ШАМУРАТОВ

(1912—1953)

Амет Шамуратов прожил короткую, но плодотворную жизнь. Перу писателя принадлежат четыре

сборника стихов, поэмы "Айшолпан-Палман" и "Бахытлы заман". Заметным вкладом в развитие каракалпакской детской литературы явились повести А. Шамуратова "В старой школе" и "Мои встречи с тиграми".

В соавторстве с драматургом Ж. Аймурзаевым им была создана пьеса "Дочь Арала", он начал работу над пьесой "Кырк кыз" по мотивам известного каракалпакского народного эпоса "Сорок девушек". После его смерти эту пьесу завершил писатель И. Юсупов.

В 1954 году в издательстве "Каракалпакия" были изданы "Избранные произведения" Амета Шамуратова. В 1956 г. вышел сборник его стихов "Люблю" в переводе на узбекский язык.

А. Шамуратовым переведен ряд произведений Пушкина, Некрасова и других русских поэтов.

За заслуги в развитии каракалпакского искусства и литературы Амет Шамуратов был награжден орденом "Знак почета", ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Каракалпакской АССР.

СЛОВО СТАРИКА

Разве в пору юности был я человеком?
 День и ночь трудился я на богатеев.
 Снились мне в пустынях голубые реки,
 Наяву — голодный я стонал от жажды.
 Отличить не мог я черного от белого,
 Жизнь меня носила, словно буря лодку.
 Пастухи ночами пели песни смелые,
 И тогда о счастье стал я грезить робко.
 Но однажды грянула радость неожиданно,
 В первый раз, как птицы, бедняки, воспрянули
 На степном просторе праздник был невиданный,

В ясном небе вспыхнуло знамя Революции.
 С той поры зарею светит наша доля
 И нужда умчалась, словно злая туча.
 Над моим аулом, над родимым полем
 Реет вечным утром—Ленинское знамя.
 Русский брат в подмогу протянул нам руку,
 С той поры сбываются все мои надежды.
 Полюбил под старость книги и науку,
 И мою работу люди прославляют.
 Над Нукусом светлым — воздух свежий, чистый,
 С новым хлопком едут быстрые машины..
 К счастью указали путь нам коммунисты —
 Это счастье вечно будет вместе с нами.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

В полях колхозных без конца и края,
 Гуляет ветер, листьями играя,
 И хлопок юный что-то шепчет нежно,
 Тебя, моя любимая, встречая.

Глядит на солнце в этот ранний час он,
 Пушистым ожерельем опоясан,
 А белый пух в коробочках раскрытых,
 Как вата, чист, как золото, прекрасен.

И за него тебя мы уважаем,
 Искусным хлопководом называем.
 Герой труда, ты на полях колхозных
 Нас радуешь обильным урожаем.

Твое богатство не окинуть взором,
 Ты все покрыла праздничным убором.
 С тобою рядом узкою тропинкой,
 Легко шагать по утренним просторам.

Взгляни, рассвет встречая соловьиный,
 Твои друзья уже идут равниной.
 Прими, отчизна, урожай богатый,—
 Гудя, выходят на поля машины!

* * *

Ранним утром, я вышел на берег реки.
 Белый хлопок созрел, и поля широки.
 Гул труда на полях. Ярко солнце встает,
 И любимая с песней машину ведет.

Я машу ей рукой. Поздравляю подруг,
 И они собрались, словно розы вокруг.
 Посмотрел я на них, заиграла душа,
 А Жамал, что скрывать, как никто хороша!

Новый фартук на ней нежной ваты белей,
 Обжигают глаза из-под черных бровей.
 И сказала она: "Мы управимся в срок.
 Это знамя назад не получишь, дружок!..."

Рассмеялись подруги ее от души.
 До чего ж озорны! До чего ж хороши!
 "Не печалься, дружок. До свиданья, джигит!.."
 В голосах их задорных насмешка звенит.

А глаза, как огонь из-под черных бровей:
 "Не поспеешь, джигит, за бригадой моей!.."
 Посмотрел я вокруг и упрямо сказал:
 "Что ж, посмотрим, Жамал..."
 Что ж, поспорим, Жамал!.."

КАПРИЗНАЯ РЕКА

Мы помним капризы разбойной реки,
Ее проклинали отцы-старики.
Зимою ей путь преграждали заторы,—
Аму затопляла степные просторы.
Весна наступала, и гибли труды:
Сгорали посевы в песках без воды.

Когда созревал на полях урожай,
Аму бушевала, лилась через край
И в буйстве жестоком, сильна и горда,
Смывала селения и города.
Уж хлопок белеет — снимать его скоро,
И вдруг разливались безбрежно озера,
И гибли посевы, деревья и скот,
Без пищи и крова скитался народ.
Подобно змее, изогнувшись дугой,
Аму уходила дорогой другой,
А прежнее русло пески заносили,
И люди без крова в пустыне бродили,
Тянулись на запад, не зная куда,
И шла по пятам их лихая беда...

Сто лет изнуренный народ кочевал,
Тяжелую долю свою проклинал.
Батрачили люди у жадного бая,
Под солнцем палящим свой пот проливая,
И снова тащились степными песками
С надорванной силой, пустыми руками,
И нас называли "бездомное племя".
Да будь оно проклято, старое время!

* * *

Сегодня припомнишь прошедшие дни,—

Тяжелым кошмаром предстанут они.
 За землю и воду сражались тираны,
 А ндм доставались лишь беды и раны,
 И тщетно о счастье мечтали народы,—
 То были воистину черные годы.

Когда проходила Хорезмом война —
 В развалинах мрачных лежала страна,
 И люди бежали от дикой орды,
 Покинув жилища, оставив сады.

В палящей пустыне они погибали,
 И воду в арыках пески засыпали.
 Лишь изредка через сухие барханы
 Тянулись в далекий Хорезм караваны.

* * *

Дарья бушевала кипучею страстью,
 Народу неся за несчастьем несчастье:
 Губила посевы, аулы смывала,
 Могучее русло капризно меняла,

И люди томились под бременем страха,
 Надеясь на добрую волю аллаха.
 За годами шли, словно нищие, годы,
 Напрасно аллаха молили народы.

* * *

Бурлила Аму ненасытной волной:
 "Никто не сравнится по силе со мной!"
 Но ей мы сказали: "Ты буйство умерь!
 Не те времена — покоришься теперь!"

Пусть волны твои и кипят, и бурлят,—

Советские люди тебя победят!
Сильны мы, едины, в дерзанье упрямы,
Прорыли каналы, сроднив океаны,
И скоро, смилив твои буйные воды,
Отсюда на Каспий пойдут пароходы!"

НАУРУЗ ЖАПАКОВ

(Родился и 1914 г.)

Первый поэтический сборник Науруза Жапакова "Солнце" вышел в 1940 году. Н. Жапаков — автор семи сборников стихов, изданных на каракалпакском, узбекском и русском языках. Основные стихи поэта представлены в сборниках "Великому русскому народу" (Нукус, 1954) и "На берегах Аму" (Ленинград, 1960).

В соавторстве с кинодраматургом М. Мелкумовым им написан сценарий художественного фильма "Рыбаки Арала".

Н. Жапаков работает и в области литературоведения. За исследование на тему "Жизненный путь и творчество Аяпбергена Мусаева" ему присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

За активное участие в хозяйственном и культурном строительстве Н. Жапаков награжден двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, двумя орденами "Знак почета".

АМУ-ДАРЬЯ

Стою на берегу Аму-Дарьи...
Какая красота и ширь какая!
Бегут валы гремучие твои,
Как жеребята в табуне, играя.

Вон там волна взбегает на волну,
Иль то игру в кокмар⁵⁰ ведут на тое?
Водовороты роют глубину,
Кипя, как чаши, пеною густою.

⁵⁰ К о к м а р — козлодранье (народное состязание).

Как смех девичий, плеск бегучих вод,
Как нежный смех — журчанье струй целебных...
Стремятся волны, словно хоровод
Красавиц в древних повестях волшебных.

Бросает в дрожь, как песня "Дембермес",
Прибоя твоего напевный голос,
А под ночной луной твой шум и плеск,
Как спелой нивы шелестящий колос.

Издревле, может быть, родней всего
Душе твой шум немолчный, беспокойный.
Ты — благодать народа моего,
Душа живая ты равнины знойной.

В пустыне желтой ясным летним днем
Как птичья стая, рябь твоя порхает.
Кто глянет на тебя — каким огнем
В зрачках янтарный отсвет твой блистает!

Аму-Дарья, для нас как солнце ты!
Как жизни цвет и блеск без солнца стынет —
Ни жизни без тебя, ни красоты,
И без тебя бы край мой стал пустыней.

Подобной меду, сладостной водой
Извечно ты питаешь нашу землю.
О мать Аму, я, вскормленный тобой,
Твои объятья радостно приемлю!

В деяниях великого труда
Служи щедрей отчизне год за годом.
...Люблю смотреть, как движутся суда
По золотым твоим тяжелым водам.

Гость, приходи, на хлопок наш взгляни!
 Зайди в сады — их сладость знаменита!
 Благоуханье дынь из Бируни
 В дни сентября по всей земле разлито.

Я счастлив видеть вновь тебя, Аму!
 Пой песню мне! Живой водой мне брызни!..
 Даешь ты силу сердцу моему,
 И веру в счастье, и надежду в жизни.

Как Волга льется в древнюю Хвалынь,
 Так ты в Арал впадаешь, мы — соседи.
 Моя Аму, вослед за Волгой хлынь!
 Вы — две сестры. Ваш путь один — к Победе.

ТРУД

Люблю я труд. Он всех начал начало,
 Ему не изменю я никогда!
 Не знаю, что бы с человеком стало,
 Когда б на свете не было труда!..

Труд для меня — искусство и оружие,
 Цветок и наливающийся плод.
 В труде есть все, что человеку нужно,
 В моей душе он розою цветет.

Труд — зоркий глаз и верный друг в дороге,
 С ним я силен, бесстрашен с ним везде,
 Он мой советчик и наставник строгий,
 Как в зеркале, я отражен в труде!

Труд — наша мощь, побед великих знамя,

Труд — нашей мирной Родины оплот,
Он к славе нас ведет, шагая с нами,
И сердце к новым подвигам зовет!

СОЛОВЬИ

Солнце вновь распахнуло объятия свои,
Темной ночи рассеялся мрак.
Поутру прилетели в наш сад соловьи,
Это — счастья и радости знак.

На раскрывшихся розах уселись они,
Чтобы песней сердца волновать,
Прославляя лучистые светлые дни,
Теплых звездных ночей благодать.

Отзвенела весна, расцветают сады,
Как невеста — земля, и безоблачна высь,
Под лучами горячими зреют плоды...
Не из тех ли лучей соловьи родились?

ЯБЛОКО

Созрело яблоко в саду —
Наверно, сладкое на вкус.
К нему поближе подойду —
И все равно не дотянусь.

Оно в густой тени ветвей
Пленяет красотой взор.
И сердце из груди моей,
Как птица, рвется на простор.

Вот так и ты, любовь моя,
Как яблоко в тени густой:

Тебя обнять не смею я,
Хотя стремлюсь к тебе душой.

Хочу, чтоб слить и ты могла
С моей мечтой свою мечту
И чтоб любовь у нас была
Всегда как яблоня в цвету.

ЦВЕТОК

На берегу реки Аму
Он радостно цветет,
И сердце тянется к нему
Уже не первый год.

Цветку не страшен летний зной,
Не страшен холод зим,
И расцветаю я душой,
Когда встречаюсь с ним.

Он украшает жизнь мою,
Он с каждым днем милей,
Я от него не утаю
Мечты, любви своей.

Цвети, цветок любимый мой,
Моя невеста-друг,—
Не бойся ни жары степной,
Ни холода разлук!

УЧИТЕСЬ, ДЕТИ!

В просторной школе
Свет горит,
Учитель умный

Говорит:
 "Зима стучится
 В дверь — пора,
 Пора учиться,
 Детвора!"
 Под наше знамя
 Соберись,
 Дружней за знания
 Борись.
 Старье закрыто
 На замок,
 Чтобы никто
 Открыть не мог.
 А новый свет
 Горит, лучист!
 Препятствий нет —
 Садись, учись.
 В работу школа вас
 Берет,
 Культура масс
 Идет вперед.
 Трудом добудешь
 Клад любой,
 Строитель будешь
 Боевой!"
 Так в школе шумной
 Свет горит —
 Учитель умный
 Говорит.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

На встречу с тобою, бессмертным поэтом.
 По дальней дороге пришел я с приветом,—
 Прими мой сердечный привет!
 Волненья души в этот час я не скрою,—

Вот, словно живой, ты стоишь предо мною,
Любимый мой с детства поэт!

Могучий, рожден ты народом могучим,
Ты песней бессмертною с ним неразлучен,
В сердцах твоя песня живет.
Со всеми народами нашей державы
Поет эту песню немеркнущей славы
И в наших аулах народ.

И прежде, в дни горькой неволи постылой,
Знал имя твое, твою гордую силу
Народ, погруженный во мрак...
Но только не мог он прочесть твои строки —
Голодный, униженный ханом жестоким,
Неграмотный каракалпак.

А ныне в оазисах самых далеких
Твои золотые, певучие строки
Как ясные звезды зажглись.
Творенья твои донесли в наши дали
И нашим бесценным сокровищем стали
И с речью народа слились.
Поэт, ты как друг к нам пришел из России
В сады молодые, в просторы степные,
К Аму — многоструйной реке.
Навек породнился ты с солнечным краем
И ныне поэмы твои мы читаем
На нашем родном языке!

БАЙНИЯЗ КАИПНАЗАРОВ

(Родился в 1916 г.)

Имя поэта Байнияза Каипназарова стало известно читателям в годы второй пятилетки, когда его стихи

начали все чаще появляться на страницах газет и альманахов. В 1940 г. поэт выпустил первую книгу.

Байнияз Каипназаров — автор девяти сборников стихотворений, среди них "Служу народу" (1947), "Золотая осень" (1950), "Зеленый дуб" (1956), "Красная роза" (1958). На узбекском языке издан сборник Б. Каипназарова "Звуки Арала" (1959). Им написаны также баллада "Два солдата", поэмы "Палванбек", "Две ласточки", "В одном колхозе".

После окончания Литературного института имени М. Горького поэт плодотворно работает и над переводами. Он перевел на родной язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Т. Шевченко. В его переводе издана поэма Е. Долматовского "Созвездие", "Кашмирская легенда" Шарафа Рашидова.

ЧЕЛОВЕК

Там, где землю извечным пленом
 Душат медленные пески,
 Человек

пошел в наступленье,
 Приказал пустыне: "Пусти!"
 Солнце жгло его: "Не посмеете!",
 Ветер яростно кожу сек,
 И пески

по несметной смете
 Отпускали ему песок.
 Но под тем беспощадным светом,
 Ткань сжигающим добела,
 Крепче солнца,

песка

и ветра

Человечья воля была.

И над царством песков постылым,

МАТЬ

Извечна матери любовь и постоянна,
 Своей отзывчивости к ней мы не таим.
 Прими цветы из цветников всей жизни, мама,
 Тебя спешу поздравить
 С праздником твоим.
 В словах к тебе не опасюсь повторений,—
 В который раз мы на поклон к тебе пришли.
 От всех сердец к тебе —
 поток благодарений,
 И волны почестей — со всех концов земли.
 Мы в эти дни дела свои итожим,
 Как рада ты за дочерей и сыновей.
 Всем, чем сильны,
 всем, что умеем,
 всем, что можем,
 Обязаны мы доброте твоей.
 Для всех для нас, тобой рожденных и счастливых,
 Нет никого родней тебя, родная мать.
 Весь мир земной в его лучистых переливах,
 В глазах твоих мы начинаем понимать.
 И молоком твоим захлебываясь радостно,
 Лбом упираясь в ласковую грудь,
 Мы —
 твои будущие горести и празднества —
 По жизни начинали верный путь.
 На все года твоя любовь нас окрыляла,
 Все в сборе мы перед тобой сейчас стоим.
 Цветов всей жизни для родимой будет мало,
 Тебя спешим поздравить
 С праздником твоим.

ЗНАКОМАЯ РОЗА

Любовь моя первая, белый цветок,
 Раскрывшийся в юности дальней!
 Сколько меж нами дорог и тревог,
 Событий и расстояний?

Нас разлучила судьба с тобой —
 Ни глаз, ни руки, ни вести...
 Но годы и годы я жил тоской,
 Памятью о невесте.

Любовь моя первая, роза моя,
 Прекрасна ты поздним цветеньем!
 Я радуюсь встрече, но с ревностью я
 Слежу за твоим измененьем.

Ты стала пышна, лепестковый наряд
 Стал чуть желтоватым, небрежным...
 И все же знакомый пьянит аромат —
 Как видно, остался он прежним!

ГОРЬКОМУ

Буревестник, быстрокрылый сокол,
 Ты в борьбе всегда бесстрашным был,
 Над ее бушующим потоком
 С гордой песней высоко парил.

И услышав твой призыв к народу,
 Разгорелись смелые сердца
 И клялись за правду и свободу
 С тьмой и злом сражаться до конца

Ты звездой вечно молодою
 Будешь в поколениях сиять.
 Как друзья, всегда в пути со мною —
 "Буревестник", "Детство", "В людях", "Мать".

Мне они открыли тайны жизни.
Вывели на путь меня большой.
Ты — певец и воин коммунизма,
Я всегда советуюсь с тобой.

ДУБ

Сорок третий... Окопы... Ненастье...
Третий год с ненавистным врагом
За отчизну, за мирное счастье
Мы смертельную схватку ведем

Снова враг, не считаясь с уроном,
Атакует десятками рот,
Но, живые, мы тверже бетона,
Наши помыслы — только вперед!

Словно воин, стоял в отдаленье
Дуб, истерзанный шквалом огня,
Он глядел на фашистов с презреньем,
Вековое молчанье храня.

Врывшись в землю корнями, ни шагу
Отступить не желал он назад.
В нем — присущая русским отвага,
В нем — упорство советских солдат.

Он стоял величаво и гордо,
Он бороться решил до конца...
Мы стояли не менее твердо
Под неистовым градом свинца.

Но горячая капля металла
На исходе осеннего дня

Суковатую ветвь искромсала
И настигла под дубом меня.

Медсестра — белокурая Зоя —
Оттащила меня в медсанбат...
Но остался, не вышел из строя
Старый дуб — непреклонный солдат.

* * *

Отгремела гроза боевая,
Снова степи весной расцвели...
Как-то, место боев проезжая,
Я увидел гиганта вдали.

Не узнал я сначала героя:
Пышнокудрый, разросшийся вширь,
Красовался он буйной листвою,
Будто не был в боях богатырь.

Но рубцы от свинца и картечи,
Чуть заплывшие свежей корой,
Мне напомнили сразу о встрече
С молодой белокурой сестрой.

И внезапно воскресло былое:
Жаркий бой откатившихся лет...
"Где теперь ты, отважная Зоя?
Где сыскать твой затерянный след?.."

И весенний откликнулся ветер:
"Боевая подруга — жива!.."
"Не забыла!.." — кивнули мне ветви,
"Встречи ждет!.." — прошептала трава.

ЖОЛДАС СЕИТНАЗАРОВ

(Родился в 1918 г.)

Жолдас Сеитназаров — автор четырех сборников стихов — в том числе "Ерназар" (1948), "Мужество" (1953), "Бдительность" (1958), а также поэм "Великий Октябрь", "Калжан", "Бдительность".

В 1959 г. издана повесть Ж. Сеитназарова "На дальнем пастбище", посвященная прославленным мастерам каракулеводства. Писатель опубликовал много стихов, очерков и рассказов о хлопкоробах Каракалпакии. Жолдас Сеитназаров пишет также стихи и рассказы для детей. Вышла его книжка "Маленькие друзья".

Ж. Сеитназаров окончил Высшие литературные курсы в Москве. Отдельные произведения поэта неоднократно печатались в переводе на русский язык.

ВЕСНА И Я

Пришла весна, проснулась жизнь в оттаявшей земле,
Сажать я вышел новый сад в передрагсветной мгле.
Разносят ветры над землей весенний, звонкий зов,
В руках я саженцы принес плодовых деревцов.
Весна потоки разлила животворящих сил,
Любовно землю я взрыхлил и воду в сад пустил,
И дружно саженцы растут, шумя все веселей,
И к небу тянут сотни рук — доверчивых ветвей.
С весной — сообщницей моей — я вырастил цветы,
Чтоб стало больше на земле надежд и красоты,
И вот лучистою зарей среди густых ветвей
Запел, защелкал в первый раз волшебник-соловей.
Весна и я! У нас в руках — источники чудес:
Растет мой сад, цветет мой сад под синевой небес,
И буду я вознагражден за все мои труды,

Когда народу передам созревшие плоды.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

(Б а с н я)

Был солнечный полдень,
Когда из гнилого дупла
Летучая вылезла мышь — на прогулку пошла,
Но сразу же, ярким сиянием ослеплена,
Беспомощно вскрикнув, свалилась на землю она.
Свалилась, ушиблась —
В пыли придорожной лежит,
В тоске озираясь, от боли и злобы дрожит.
Заметил несчастную голубь,
Над ней закружил,
Окликнул приветливо, помощь свою предложил.
Не только слепа,
Но к тому же спесива и зла
Летучая мышь от рождения, видно, была.
"Отстань от меня! —
Закричала летучая мышь. —
Мне помощь твоя не нужна, ты со мною хитришь!
Я слышала:
Всюду тебя воспевают народ
И символом дружбы тебя называет народ,
Но тот, кто летает не ночью, а лишь среди дня,
Такой похвалы не достоин...
Отстань от меня!"
Обиделся голубь:
"Недаром живешь ты в дупле!
Народ ошибаться не может в своей похвале,
А ты не гордись,
Что умеешь летать в темноте,
Кто света боится, тому не парить в высоте!
Ослепла ты, верно, от гордости, злобы и лжи,
Ты дружбы не ценишь?
Тогда на земле и лежи!

Как видно, напрасно, тебе предложил я помочь!"—
 Так голубь сказал —
 И умчался стремительно прочь...
 Весь мир проклиная,
 Не в силах подняться с земли,
 Летучая мышь продолжала валяться в пыли.

Коль друга не ценишь,
 К тому же его оскорбишь,
 Беспомощным станешь, как эта летучая мышь.

Я — ЧЕРНЯВЫЙ ПАРЕНЕК

Я — чернявый паренек,
 Уж таков я от рожденья,
 Смуглый с головы до ног,
 Но не чувствую смущенья.

Хоть лицом и темен я,
 Зубы весело сверкают,
 И меня в цеху не зря
 Лучшим токарем считают.

Ветер чуб мой черный вьет,
 Сердце молодости радо,
 Сила в мускулах поет,—
 Что еще парнишке надо?

У КАРАГАЧА

Это дерево взрастила
 Девушка Аим,
 Ей ухаживать три года
 Довелось за ним,
 Чтобы он окреп и вырос,

Великаном стал,
К небесам высоким гордо
Голову поднял.

Красоты от глаз не скроешь,
Как ее ни прячь,
Каждый день Аим приходит
В тень под карагач.
Ей листва, желая счастья,
Тихо шелестит,
А вдали стоит, любуясь
Девушкой, джигит.

Нет, ни с кем Аим сегодня
Встречи не ждала
И спокойно утром в поле
На работу шла.
Карагач, ее завидя,
Ветками махал,
А за деревом укрывшись,
Ждал ее Камал.

Был и сам джигит не меньше.
Чем Аим, смущен,
И в любви своей горячей
Ей признался он.
Пылкой радости не скроешь,
Как ее ни прячь,
Но пока их тайну знает
Только карагач.

КНИГА

Книга отражает бытие,
Каждой строчкой человека учит.

Смело черпай знания из нее,
Чтобы в жизни стать творцом могучим.

МАТЬ

В бороде отца седые пряди,
В материнских косах — серебро,
Но ее глаза, на сына глядя,
Излучают нежность и добро.

И глядит она с такой любовью,
Так заботлив и тревожен взор,
Так болеет за судьбу сыновью,
Будто я ребенок до сих пор!

Увидав, как мать меня целует,
Дочь соседа бросила шутя:
"Вашу нежность что-то не пойму я...
Разве он у вас еще дитя?"

"Не шути, соседка дорогая,
Мать родная даст ответ верней!.."
Так я понял: даже вырастая,
Дети мы для наших матерей.

Вечер... Задержавшись по дороге,
Мне пришлось с работы запоздать,
И в тревоге, стоя на пороге,
Ждет меня, как маленького, мать.

МОЙ ЗАЙЧОНОК

(Из книги для детей)

Шустрый маленький зайчонок
Весь дрожит,

Тени собственной боится —
Прочь бежит.

Вот он скачет по лужайке
Хвост — пушок,
Вот игриво спинку выгнул
И вприскок.

Го устанет, в травку ляжет.
Как дитя,
То скакать начнет, играя
И шутя.

То торчком поставит уши
Для красы,
Как иголочки, тонки
Его усы.

Шубки — хлопок белоснежный
У зайчат,
Глазки быстрые, живые,
Но косят.

Чуть тревога — притаится
И замрет,
А потом поспешно в норку
Прошмыгнет.

Но ко мне уже привык он:
Целый год
У моей ограды в норке
Он живет.

Каждый день его встречаю,
С ним дружу,

Каждый день ему морковку
Приношу.

АБИТАЙ ТУРУМБЕТОВ

(Родился в 1912 г.)

Писательская деятельность А. Турумбетова началась в годы войны, когда им было написано много стихов, очерков, рассказов, публиковавшихся во фронтовых газетах.

Первый сборник стихов А. Турумбетова "Звени, мой голос!" вышел в 1954 году в Нукусе, второй сборник—в 1959 году. "Моя республика" — так озаглавлен сборник стихов А. Турумбетова, изданный на узбекском языке в Ташкенте.

В своих стихах поэт славит героические дела наших современников.

НА УБОРКЕ

Хлопок в бунтах — словно белые горы,
Если посмотришь на них издали.
Поле — как море.
Рокочут моторы,
В хлопковой пене плывут корабли.

Это — машины.
Они собирают
Белое золото с наших полей.
Руки мелькают, улыбки сверкают,
С умной машиной и труд веселей.

Вот за рулем загорелый и сильный
Юноша виден — водитель Ачил,
А управлять этой сложной машиной
Русский товарищ его научил.

Тут бы вручную трудов на неделю,

А для машины лишь на три часа.
 Рады колхозники.
 Что ж, в самом деле,
 Как не сказать: "Наяву чудеса!"

ЗУЛЕЙХА

Работой заслужила ты почет,
 Опережаешь всех из года в год.
 Два ордена вручил тебе народ,
 Моя сестра любимая Зулейха!

Ты в поле рано утром выходи,
 В работе всех подруг опереди,
 И к Родине любовь неся в груди,
 Ты хлопок собирай, моя Зулейха!

Чтоб в путь идти к счастливым временам
 И чтобы дать отпор любым врагам,
 Отчизне нужен хлопка каждый грамм,—
 Так собирай его, моя Зулейха!

Из года в год растет наш урожай,
 Колхозные богатства умножай,
 От брата своего не отставай —
 Как на заводе он, трудись, Зулейха!

За мир, за жизнь, за счастье наших дней
 Умения и сил ты не жалея,
 Для необъятной Родины своей,
 Ты хлопок собирай, моя Зулейха!

* * *

На листке бумаги белой
 Вывожу рукой несмелой

Милой девушки портрет,
И встает она с портрета
В чистом пламени рассвета,
Словно полевой букет.

Над селеньем дымка тает,
Лист бумаги оживает,
Слышу голос дорогой,
Реют длинные ресницы,
Взгляд приветливо лучится,
Брови черные — дугой.

Я глазам своим не верю:
Чем волненье я измеряю,
Как узнаю: сон иль явь?..
Мне с листка бумаги белой
Улыбается несмело
Радость юная моя!

ХОЖАБЕК СЕЙМОВ

(Родился в 1917 г.)

Хожабек Сеитов начал печататься в 1940 году. В первый сборник, озаглавленный "Вперед, к победе!" (1944), вошли в основном стихи военных лет.

За послевоенные годы вышло еще восемь стихотворных сборников Х. Сеитова на каракалпакском, узбекском и русском языках. Лучшие стихи поэта, переведенные на русский язык, собраны в книгах "На берегу Аму-Дарьи" (Нукус, 1957), "Виноградная лоза" (Ленинград, 1960).

Хожабек Сеитов написал поэму "Сын партизана", в которой воспевается георическая борьба корейского народа против американских захватчиков. В "Балладе о

сыне негра" писатель гневно выступает против расовой дискриминации.

Х. Сеитов — автор сборника рассказов "Люди нашего аула" (1954) и романа "Трудное счастье" (Ташкент, 1959), который переведен также на русский язык.

Писатель Хожабек Сеитов награжден орденом "Знак почета".

ОКТЯБРЬСКИЕ ЗОРИ

Когда с октябрьскою зарею
Над истрадавшейся землею
Свободы ураган подул,
У очага, ночной порою,
Я в первый раз на мир взглянул.

Отец рассказывал потом,
Как мать с улыбкой прошептала
— Счастливый сын!—
И в юрте стало
Светлей, чем в небе голубом.

В степи, шумя, бродила осень,
А надо мной, в родных глазах,
Слились две радости, отбросив
Перед грядущим темный страх.

О счастье мать мне напевала,
И звуки нежные лились...
В мгновенья эти начинала
Она свою вторую жизнь.

НУКУС

Кто раньше знал тебя?
Сказать я не берусь.

Затерян был в песках,
Когда-то наш Нукус.
Встречая зной пустынь
Подставив грудь ветрам,
Хотел ты равным стать
Известным городам.

А жгучий ветер пел: —
Ты нас не покоришь!..
Вовек мечту свою
Ты в явь не воплотишь!..

Заветных дум твоих
Заметив смелый взлет,
Москва взяла тебя
И повела вперед.

Отбросив навсегда
Черту былых границ,
Ты встал в почетный ряд
Своих сестер-столиц.

Вода пошла в пески,
И с каждой струей
Все радостней шумят
Деревья над тобой.

Растут твои сады,
И выстроившись в ряд,
Высокие дома,
Приветливо глядят.

А мимо них, гудя,
Степным ветрам под стать,
Несет поток машин

Асфальтовая гладь.

Ты мною был любим
И прежде, но сейчас
Ты стал дороже мне,
Наверно, в сотни раз.

И если день один
Не вижу я с тобой,
Мне кажется, что год
Промчался надо мной.

Я — твой росток, твой сын,
Я так же, как и все,
Тружусь, чтоб вечно цвести
Твоей родной красе!

УТРО

Из домика, где прямо в степь шагая,
Столбы большие выстроились в ряд,
Где, свежие листочки поедая,
Живет почти неслышно шелкопряд,

С серпом в руке, зари весенней краше,
Проворная выходит Айжамал,
И майский ветер теплый, как барашек,
К ее щеке доверчиво припал.

Лежат поля в сверкающем рассвете.
Идут навстречу солнцу трактора.
Они хотят, чтобы на землях этих
Высокая шумела джугара.

И смотрит на весеннюю равнину
С восторженной улыбкой Айжамал:
Да это ведь Аяп ведет машину...
Увидел ли? Смеется... Увидал!
А рядом с ним, над облачком пылинок
Трепещет вымпел, огонька красней.
Он соткан, может быть, из шелковинок,
Что шелкопряды отдавали ей.

Идут подружки шумною толпою.
Их платьев шелк горит издалека.
И Айжамал кивает головою:
Мои, быть может, светятся шелка.

Так хорошо у ней на сердце стало!
Вот и тутовник высится копной.
Минута —
И под лезвием металла
Спадают ветви, шелестя листвою.

ГНЕДОЙ КОНЬ

Среди других мой конь гнедой
Не будет незамеченным.
Его купать водил я в зной,
Скребницей чистил вечером.

Зерно на осень припасал,
Косил траву зеленую,
Его от холода спасал
И укрывал попоною.

Широким шагом конь идет,
Густая грива зыблется.
Копытом в камень попадет —

И сразу искры сыплются.

Грудь широка — не обхватить,
Сторожко уши прядают.
Когда во всю псмчится прыть,
От ветра тразы падают.

Он быстроног. Его догнать
И птица не осмелится,
Умеет он барьеры брать —
Легко над ними стелется.

А если встретимся с бедой.
Его я кликну первого,
Ведь для джигита конь такой
Дороже друга верного.

ДЕВУШКА ЦВЕТОК МНЕ ПОДАРИЛА

Я прочитал свое стихотворенье,
Весь пыл души вложив в дыханье строк,
И девушка Алия-Жан с волнением
В подарок мне преподнесла цветок.

Своей ладонью девичьей несмело
К моей руке притронулась она,
И вдруг рука мужская ослабела,
И я подумал: как любовь сильна!

А девушка держала стебель гибкий
И, от меня не пряча глаз своих,
Два слова прошептала мне с улыбкой,—
Я никогда не позабуду их.

С цветком благоухающим и ярким
Она мне сердце отдала свое,
И я сказал, взволнованный подарком,
А что — спросите сами у нее.

ИЗ ЦИКЛА "СВЕТЛЫЙ ГОРОД"

1

ВСТРЕЧА С НЕВОЙ

Оттуда я, где над землею
Почти бессменна синева.
И вот стою перед тобою,
В веках воспетая Нева.

Ты величава, гордо, вольно,
В своих гранитных берегах,
Несешь сверкающие волны
В суровой Балтики размах.

Я пред тобой готов склониться...
В кипенье судеб и страстей,
Скажи, кто не хотел напиться
Воды живительной твоей?

Но только друг, с теплом во взоре,
К тебе устами припадал.
Кто шел с мечом к тебе, тот вскоре
Здесь от меча и погибал.

И над тобой, под свист металла,
Победным утром Октября.
Впервые в мире запылала
Свободы радостной заря.

...Горит искристою красою
Звонящих волн крутая рать,
И мне, я этого не скрою,
Биенье сердца не унять.

Я здесь бы прожил сто столетий,
Внимая плеску твоему,
Когда бы не было на свете
В песках петляющей Аму.

Но мне обычай дружбы ведом,—
Он в каждом сызмальства живет:
Тот, кто воды твоей отведал,
Где б ни был он — к тебе придет!

2

МАРСОВО ПОЛЕ

Горя огоньками цветов,
С ветрами балтийскими споря,
Лежит в окруженье садов
Огромное Марсово поле.

А в центре — высокой стеной
Воздвиглись гранитные плиты.
Под ними, на вечный покой,
Герои народа укрыты.

Свобода их в битву вела,
Чтоб кончить с бедой вековою,
И царского сбили орла,
Они трудовую рукою.

Стою я, молчанье храня,
Объятый волнением строгим,

А с камня глядят на меня
О славе поющие строки.

3 У БРОНЕВИКА

Нева. Гранитные ступени,
Сработанные я века...
И кажется — товарищ
Ленин Сейчас сойдет с броневика.
Походкой быстрой через город
Пройдет до Смольного.
И вот
Могучий, гневный бас "Авроры"
Народ к восстанью позовет. ...
И вновь походы, наступленья,
И радость мирной тишины...
Передо мной в одно мгновенье
Пронесся путь родной страны.
Растет в груди моей волненье,—
Из далей коммунизм встает...
С броневика товарищ Ленин
Зовет на штурм его высот.

МАРЬЯМ КАСИМОВА

(Родилась в 1917 г.)

В 1956 году издательство в Нукусе выпустило книгу "Мои стихи"— первый сборник Марьям Касымовой. Через год вышел из печати второй сборник поэтессы, в который вошла ее поэма "Строители". Сборник "Песни

зари" издан в 1958 году на узбекском языке в Ташкенте.

М. Касымова перевела на каракалпакский язык отдельные стихи М. Лермонтова, Т. Шевченко, С. Маршака, а также ряд произведений современных узбекских писателей.

С НАМИ ОН!

Ленин никогда не умирал,
Он родней нам, ближе год от года.
Как ковшом не вычерпать Арал,
Так бессильна смерть перед народом,
А Ильич у каждого в груди,
В каждом сердце,
В думе сокровенной.
С нами он,
Куда ни погляди,
Близкий, человечный, неизменный.
С нами он!
И помогает нам
Мудрыми советами своими.
И несет на знамени страна
Солнечное ленинское имя.
С нами он,
И жизнь его светла,
Путь его и радостен, и труден.
Самые великие дела
Называют ленинскими людьми.
Ленин жив!
Я верю всей душой:
С нами жить ему века — не годы.
Нет,
морей не вычерпать ковшом!
Да,

бессильна смерть перед народом!

ПИСЬМО ПОГРАНИЧНИКУ

Там, где вьется граница тесьмой,
 То поток рассекая, то кряж...
 Из родного аула письмо
 Получил пограничник Бабаш.
 Получил, почерк милой узнал,
 И вздохнул, и припомнил тогда:
 Кыз-Кеткен — полноводный канал,
 Серебром отливают джида.
 Серебро... Звезд пленительный свет
 Свел на нет полуночную тьму...
 Вскрыл боец осторожно конверт, —
 Что же пишет родная ему?
 И увидел знакомый портрет
 На газетном чуть смятом листе,
 Подпись четкая:
 "Мастер побед" —
 Гимн ее трудовой красоте.
 И солдат засмеялся легко,
 Стала ласковой глаз его сталь,
 Пишет милая: "Ты далеко.
 Но любви не страшна эта даль.
 Будь спокоен... Страну береги,
 Как беречь поклялась я любовь,
 Чтобы злейшие наши враги
 На страну не обрушились вновь.
 Верю, атомной бомбе не выть,
 Наши судьбы на части не рвать.
 Будем хлопок рекордный растить
 И веселые свадьбы справлять!.."
 И солдат тихо молвил тогда: —
 Мы границы одели в броню.

Если все же нагрянет беда —
Уничтожим ее на корню!

ПОЭТ

(А. С. Пушкину)

Нанизывал слова ты, словно жемчуг,
Прославил музу вольную свою,
Ты воспевал желанную свободу,
Хоть жил изгнанником в родном краю.
Страдальцем был, а звал к добою и счастью,
Провидел ты их будущий восход,
Вот почему и славу, и бессмертье
Тебе с любовью даровал народ.
Твой голос не смогли под спудом спрятать —
Стал слышен каждому твой смех и стон,
И ссыльные стихи твои читали
Друг другу под глухой кандалный звон.
Стихи твои свободу воспевали.
Они во мгле сверкали горячи,
Как будто в каждой строчке отражались
Победные рассветные лучи.
Они понятней были для России
И убедительнее всех речей,
Обрушивая молнии и громы
На головы чиновных палачей.
Погиб ты, но стихи твои бессмертны —
Их радость, их пленительная грусть...
И в городе любом, в любом селенье
Их знают и поныне наизусть.

ТЛЕУБЕРГЕН ЖУМАМУРАТОВ

(Родился в 1915 г.)

Тлеуберген Жумамуратов — народный поэт Каракалпакии. Изданы его сборники стихов "Любовь сердца" (1956 г.), "Мои современники" (1960), "Звезды эпохи" (1963), "Избранные стихи" (1967). Тлеуберген Жумамуратов — автор повести в стихах "Дружба" (1958) и комедии "Шутки девушек". Им написаны также две книги рассказов и очерков. Сборник стихотворений Т. Жумамуратова издан и на узбекском языке (1963).

Тлеуберген Жумамуратов известен и как поэт-сатирик. Его стихотворения "Сон "Маспамбета", "Драка с шубой", "Председатель - самокритик", "Скромный Алламурат" и другие произведения, разоблачающие бюрократов и подхалимов, стяжателей и пьяниц, пользуются в Каракалпакии большой популярностью. Дети любят его поэму "Два олененка".

Жумамуратов плодотворно работает как переводчик. Им переведены на родной язык многие четверостишия Омара Хайяма, стихи Расула Гамзатова, узбекских и казахских поэтов.

Отдельные стихи и рассказы Т. Жумамуратова переведены на русский, казахский, татарский языки.

ИЗ ЛИРИКИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мир — необъятный океан. Немало бурь и бед
 Мне в нем изведать довелось, — а берега все нет!
 Но вот большого рубежа достиг я по пути:
 Перешагнул через порог пятидесяти лет.

Увы, не все друзья смогли дожить до этих дней —

В пути погибли, не успев достичь мечты своей...
 Зато теперь, когда к луне уже взлетаем мы,
 Такой чудесной стала жизнь, что жаль расстаться с
 ней!

Хочу я, чтоб мой каждый день был прочным
 кирпичом,
 Ведь строим будущее мы — огромный, светлый дом.
 "Итак, мне ровно пятьдесят!" — сегодня говорю,
 Как будто цифру вижу я на знаке путевом.

Конечно, счастлив, кто взойдет на этот перевал —
 Услышишь много в этот день торжественных похвал.
 Полвека с честью провожу, а завтра — снова в путь:
 В шестой десяток я шагну, где раньше не бывал.
 Печаль и радость — близнецы. И вижу все ясней,
 Что каждый из прожитых мной неповторимых дней
 Как будто вырывает гвоздь из тела моего,—
 Все меньше, чувствую, во мне становится гвоздей.

Когда вперед бросаю взор — на будущий простор,
 Когда я вижу вдалеке громады новых гор,
 Невольно с юностью хочу года свои сравнить,
 Как будто с прошлым завожу безмолвный разговор.

Вернуться бы хотелось мне к мальчишеским годам,
 Но нет, на молодость в обмен я старость не отдам!
 Такие беды мне пришлось с младенчества познать,
 Какие в пору пережить лишь дряхлым старикам.

Я бережно считаю дни — любой из них мне жаль.
 Бездонна память, все хранит: и радость, и печаль.
 Хочу я смело оглядеть широкий, вольный мир,
 Но пыль зловещая встает, затмив степную даль.

За шиворот схватила смерть несчастного отца,
 У ложа я его сидел до самого конца,
 И вот отец уже в земле... Так с отроческих лет
 Осиротел я,— стал похож на жалкого птенца.

В отчаянье согнулась мать, как сломанный цветок,
 Не просыхает вдовьих слез горючий ручеек...
 Еще шестнадцати мне нет, а без отца живу,—
 Шестнадцать лет, шестнадцать звезд затоптаны в
 песок.

Мать стала сохнуть — будто тлел огонь в ее груди,
 Окутал нашу юрту мрак,— что ждет нас впереди?..
 В ненастной тьме, под свист пурги, в слезах молилась
 мать

"Лишь об одном прошу, аллах,— сыночка пощади!.."
 Не мог в те годы я понять, как тяжело ей одной,
 Трудилась за двоих она и летом, и зимой.
 "Наверно, кости у тебя стальными были, мать!"—
 Так, вспоминая жизнь ее, я думаю порой.

Бывало, только улыбнусь — и счастлива она,
 А захвораю — как стрелой, тревогой пронзена,
 На людях сдержанна, строга, скрывает скорбь свою,
 Но слезы льет, едва опять останется одна.

Щедра была ее душа — щедрей, чем у иных,
 И если б не она, друзья, не быть бы мне в живых,
 Тащился по сугробам я и трясся у костра,
 А ноги были в волдырях и в язвах кровяных.

Все я познал: тоску и боль, обиды жгучий яд,
 Легко погибнуть мог бы я, жестокой бурей смят,
 Но двери предо мной раскрыл, отца мне заменил
 По мудрой воле Ильича открытый интернат.

Там я увидел в первый раз, что значит коммунист,
 Мир для меня до той поры был сумрачен и мглист,
 А он мне книгу в руки дал, врата наук раскрыл,
 И сразу стала даль светла, а разум — смел и чист.

Как вешний ветер, жизнь неслась,— я крепнул и
мужал,
 Джигитом закаленным стал, отцом семейства стал,
 Упорно шел вперед,— и вот возник передо мной
 Моих пятидесяти лет высокий перевал.

Неуловимо, словно сон, уходит время вспять,
 Идут года,— вторично их уже не повидать...
 Случались горестные дни, но и такие дни,
 Что половину жизни всей не жаль за них отдать.

Когда я вижу, как детей целует мать с утра,
 Как весело у светлых школ резвится детвора,
 Припоминаю я свою сиротскую судьбу
 И радуюсь: пришла в мой край счастливая пора!

Я рос несчастным сиротой... А ныне мой народ
 Меня давно своим певцом с почтением зовет.
 О светлый, справедливый век! О Родина моя,—
 Счастливым домом стала ты, где больше нет сирот!

Когда бы не был я, как сын, родной страной любим,
 Могла ли ввысь моя судьба взлететь орлом степным?
 Лишь об одном жалею я: до этих славных дней,
 Увы, дожить не довелось родителям моим.

Спасибо Партии, чей свет всегда во мне горит,—
 В объятьях родины моей никто не позабыт!

И даже умерший давно великий наш Бердах
Шагает с нами в светлый мир, могуч и знаменит.

Хочу, чтоб принял мой народ все, что в тиши творю,
Из глубины моей души его благодарю,
Его вниманье и хвала даруют крылья мне,
И я на них еще не раз высоко воспарю.

Глашатаем народным став, хочу страну воспеть,
Где людям больше не грозят ни кандалы, ни плеть.
Народ — безбрежный океан, и средь могучих волн
Быть каплей чистой я хочу, чтоб радостно блестеть.

Прекрасен лебедь, если он по озеру плывет,
Прекрасен старец, если он смог заслужить почет,
Но я хлеб-соль родной страны еще не оправдал,
Мой долг огромный перед ней день ото дня растет.

Любовь народа, что в меня вдохнула столько сил,
Я с материнским молоком и то бы не сравнил, —
Так много радости людской струится в сердце мне,
Что сохраню и к ста годам свой вдохновенный пыл.

Пусть даже тысячу годов прожить мне суждено,
Но жить без сверстников своих не стану все равно, —
Какая радость в мире жить без дорогих друзей?
Уж лучше мне в могилу лечь с друзьями заодно!

Да, если в этом мире жить, то лишь среди друзей,
С детьми и внуками, с женой любимой своей.
Я с поколением моим расстаться не хочу —
Хочу увидеть вместе с ним зарю грядущих дней.

О наша Партия — исток свободы и весны!

Высоко крылья вознеслись родной моей страны!
О наша Партия — исток немеркнущих идей,
Вся жизнь моя и все труды тобой озарены!

Мне пятьдесят... Но разве я устал иль изнемог?
Ведь ива до ста лет живет,— и я бы тоже смог!
Трудов немало впереди, горит задор в груди,
Нет, рано мне еще стареть и подводить итог.

НА БЕРЕГУ АРАЛА

Когда пески и камни плавит зной,
Его смягчает водная прохлада.
Пылает небо огненной рекой,
Впадая в море искристым каскадом.

Рокочет катер где-то вдалеке,
Мотора гул все больше нарастает,
Вот утонул он в заводском гудке,
И легкий пар в лазурном небе тает.

Арал кипит, на берег волны шлет,
Они клокочут, пенясь и бушуя,
И в тон им ветер, как дутар, поет,
Доносит песню вечно молодую.

Вот лодок хлопотливая семья
Толкается, к причалу приставая,—
Они полны уловом по края,
Блестит и бьется рыба в них живая.

Хоть волны беспокойные кипят,
Мальчишки озорные не уймутся,
По пояс в пене плещутся, визжат,
Играют в салки, прыгают, смеются.

Белеет парус в дымке голубой,
Плывя, как лебедь по озерной глади,
У ног моих беснуется прибой,
А я стою, замороженно глядя.

Вдали рыбачки весело поют,
Им вторит птичий хор и шум рогоза,
Они как будто славу воздают
Прибрежному рыбацкому колхозу.

Вот у причала грузный пароход
Натужно просигналил отправленье,
На борт по трапу заспешил народ,
Последние прощанья и волненья.

Моторки юркие снуют, спешат,
Вот на одной из них моя подруга.
В сетях ее, гляжу, улов богат...
Узнали и окликнули друг друга.

"Не хочешь ли помочь?— она кричит.—
Садись, поэт, иль робость одолела?"
Я быстро поборол и страх, и стыд.
И прыгнул в лодку весело и смело.

Стрелой несется катер, а волна
Стучит в борта, бушует и грохочет.
Мне стало страшно, но гляжу — она
Задорно и залиvisto хохочет.

ТРАКТОР И КЕТМЕНЬ

На поле конь стальной трудился целый день,
А следом, как тугой, натянутый ремень,

Ложилась борозда...
Как вдруг заметил трактор:
В кустах валяется заржавленный кетмень.

"Откуда ты, старик?"
В ответ кетмень: "Ну что ж,
И вправду я теперь на старика похож...
Но много сотен лет служил я верно людям,
А ты моих заслуг, наглец, не признаешь!.."

"Эх, чем ты хвастаешь?—
Стальной мотор гудит.—
Что толку от твоих завистливых обид?
Конечно, долго ты мозолил руки людям,
Но труд ручной людьми теперь забыт!"

И трактор двинулся — гремя, исчез вдали,
А сломанный кетмень валяется в пыли...
С утра до вечера
Гудят стальные кони,
И обновляется старинный лик земли.

ОДНОЙ КРАСАВИЦЕ

Ты была пышна, как роза,
В дни расцвета красоты,
Горделиво, словно пава,
Охорашивалась ты.
"Красота — мой дар бесценный,
Я для счастья родилась!"
Так, наверно, ты мечтала,
Гордо в зеркало глядясь.
Свой весенний лик считал
Ты сокровищем таким,
Что лишь нехотя давала

Людам любоваться им.
Как серебряный бубенчик,
Твой лукавый смех звенел,
Вдоль реки с тобой гулял я
И от счастья робко млел...
Сколько лет прошло, ты знаешь,
Но напрасно слез не лей!..
Стала ива на побережье
С той поры грустней, старей.
Местом наших встреч когда-то
Было это деревцо,
Чуть увижу — сразу вспомню
Прежнее твое лицо.
Помню: сумерки сгустились,
Над рекой луна блестит,
Сердце я тебе навстречу
Протянул, как верный щит.
Чуть мерцая, улыбалась
Нам лучистая звезда.
"Мой любимый!" — так шептала
Ты мне ласково тогда...

Помню праздник я в Майпозе,
Был тогда я смел и юн,
Но на буйном козлодранье
Вдруг споткнулся мой скакун.
Наземь, прямо под копыта,
Рухнул я на всем скаку...
Приз в тот день не мне достался,
А другому смельчаку.
Думал я на состязанье
Всех джигитов превзойти
И к тебе с козлиной шкурой
Победителем прийти.

Вместо этого в постели
Я валялся много дней,
И боролась жизнь со смертью
Над подушкой моей.
А едва в себя пришел я —
Вновь увидел мир земной,
Твой родной, желанный образ
Снова встал передо мной.
Вспомнил я твой нежный шепот,
Прежней страстью запылал
И на трех листках почтовых
Пылкое письмо послал.
Но увы! — как будто в воду
Канули мои листки...
Дни тянулись... Я извелся
От мучительной тоски.
И лишь после у знакомых
Разузнал я наконец:
Стал твоим законным мужем
Молодой джигит-певец.
Словно сразу крепко стиснул
Сердце мне стальной капкан!
Плакал я — не мог поверить
В твой бессовестный обман.
Порвались цветные нити —
Уж не свяжешь их опять...
Только зло умела, видно,
Ты влюбленным причинять!
Только зло... Такой капризной
Суеверной ты была,
Что за оборотня злого
Ночью мужа приняла.
Убежала с громким криком...
Вот, наверно, жалкий вид
В эту ночь имел несчастный

Незадачливый джигит!

Жизнь была сильнее смерти:
Стал я крепнуть с каждым днем,
Выздоровел, сил набрался,
Новым зашагал путем.
Но тоска сжимала душу
Будто петлею тугой
И назло тебе женился
Я на девушке другой...
"Все красавице прощайте,
Красота не знает зла!" —
С этим древним изреченьем,
Видно, ты по жизни шла.
Четырех мужей сменила,
Дерзких прихотей полна.
И в конце концов осталась
Будто куст в степи — одна.
Ты себе не знала равных
В годы юности своей,
Время шло, краса увяла, —
Где ж плоды осенних дней?
Нет ни дочери, ни сына,
Чтобы их ласкать, растить,
Нет призванья, чтобы людям
Радость, пользу приносить.
Долго ты цвела, гордилась,
Но весне пришел конец...
Где же подлинное счастье?
Где созвучье двух сердец?
На запутанных тропинках
Счастья не сыскала ты,
Разнеслась, как пух по ветру,
Прелесть прежней красоты.
Мне ль искать тебе супруга?

Чем смогу теперь помочь?
Лишь вздохну: "Прощай, бедняжка!"
Да пойду печально прочь.
И помыслию с тайной грустью:
"Ведь была еще вчера
Всех красивей, горделивей,
Да прошла твоя пора!.."
В одиночестве старея,
Ты бредешь из года в год,
И "мамашею" при встрече
Детвора тебя зовет.
Пусть почетно это слово,
Но, не поднимая глаз,
Ты как будто от удара
Вздрагиваешь всякий раз.
Как Аму-Дарья не может
Вспять, к Памиру, повернуть,
Так и волны дней бегущих
Не погнать в обратный путь.
Где вы, годы молодые,
Дни любви, цветы весны?
Лишь струитесь перед взором,
Будто радужные сны.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Когда красавица твой ослепила взор,
Все терпишь от нее — мученье, боль, позор,
Но каждый, кто в себе любовь убить посмеет,
Бродячим мертвецом становится с тех пор.

2

Мерзавца подлый нрав захочешь ты узнать —
 Хоть ненадолго власть ему попробуй дать:
 Нос тотчас задерет, зазнайство — насморк схватит,
 Чтоб вылечить, "укол" придется прописать.

3

Ты молодость свою не подвигом добыл,—
 Любой из стариков младенцем тоже был.
 Что ж юностью своей кичишься перед старцем —
 Или о собственном ты будущем забыл?

4

Мне скажут: ты глупец,— что ж, значит, я глупец,
 Мне скажут: ты мудрец,— что ж, значит, я мудрец.
 Твой строгий суд, народ, приму без возражений,
 Когда свой труд и жизнь закончу наконец.

ИЗ ЦИКЛА "СТРОФЫ"

1

Знай, если в жизни ты до солнца вознесешься,
 Неверный друг, как тень,— повсюду за тобой.
 А тучи набегут — исчезнет он.

Споткнешься —

Он в яму поспешит столкнуть тебя ногой.

А верный друг тебя и в горе не оставит,
 Пусть даже много лет ты не видал его,
 С тобой разделит груз, от горьких дум избавит,
 Ведь настоящий друг — часть сердца твоего.

Пуškai ты поражен страданьем иль недугом,
 Пуškai на голову твою падет беда,

Но другом преданным, великодушным другом
Не будешь ты покинут никогда.

2

Один сказал:

—Что нам милей, чем солнце в небесах?

Другой сказал:

—А что нежней, чем розы на кустах?

Отвечу им:

—Всего милей лицо возлюбленной твоей,
Пусть даже будут у нее веснушки на щеках.

3

Нежно девушка глядит,
(Видно, нравится джигит)
И, не выдержав, вздохнула,
Так, потупясь, говорит:
"Тайну мне открой, джигит,
Кто в душе твоей царит?
Коль вопрос мой неуместен,
На меня не будь сердит!"

"Мой совет понять сумей:
Позабудь меня скорей,
Дома ждет меня подруга —
Та, что жизни мне милей!"

4

Длись, жизнь, не гасни, жизнь! Есть у меня мечта:
Жить до восьмидесяти, девяноста, ста!
Пусть дряхлым стану я,— душою не состарюсь,
И радость жизни в ней останется чиста.

5

Лежит недвижно мотылек —
 Бедняжке больше не летать:
 Себе он крылышки обжег,
 Стремясь огонь поцеловать.

Когда б разумнее была,
 Его бы не сожгла свеча!
 Так и любовь бывает зла
 И смертоносно горяча.

Переступил я твой порог,
 Ты смотришь, ласково дразня...
 Ты — мой огонь, я — мотылек,
 Смотри же, не сожги меня!

6

А если тот, кого считал я мудрым,
 Окажется глупцом,— что делать мне?
 А если тот, кого считал я другом,
 Окажется лжецом,— что делать мне?

И если то, что молодо блестело,
 Окажется старьем,— что делать мне?
 И если то, что золотом горело,
 Окажется гнильем,— что делать мне?

И если тот, кто слабым был, несмелым,
 Геройство совершит,— что делать мне?
 А тот, кого считал я неумелым,
 Прекрасное творит,— что делать мне?

И если то, что в жизни я замыслил,

Окажется пустым,— что делать мне?
 И если то, что к глупости причислил,
 Окажется святым,— что делать мне?..

Ведь силу можно по труду проверить,
 А цели — по поступкам разгадать,
 Но я — не ясновидец, чтобы двери
 Чужих сердец свободно отворять!

7

Под солнцем ты растешь и крепнешь с детских лет,
 Оно тебе дает и силу, и расцвет,
 А после высосет все, что дало когда-то,
 И посох ты берешь, уже согбен и сед.

Ты деву лживую, как солнце, полюбил,
 Она тебе дает прилив надежд и сил,
 А после отберет все, что дала когда-то,
 И станет прахом страсть, и свет тебе не мил!

8

Нет большей подлости, чем обнажить оружие,
 Нет большей радости, чем подарить цветы!
 Кто первым поднял меч, тому же будет хуже,
 Зато нетленен след от щедрой доброты.

И если ближнему ты причинишь мученье,
 Потом мучительно всю жизнь расплаты ждешь...
 Чтоб справедливо жить, одно лишь изречение
 Запомни: "Что посеешь — то пожнешь!"

9

"Добро пожаловать!" — мне старость знак дает,
 Таких, как знал отец, не буду знать невзгод,

И все-таки скажу: мы юности не ценим,
Пока ее весна в душе не отцветет.

10

Все люди спят давно... Настойчивый искатель,
Лишь ты, мой друг поэт, всю ночь гранишь слова.
В стремленьи к новизне ты столько сил истратил,
Что ранним инеем покрылась голова.
Гляжу на этот труд — бессонный, вдохновенный,
Тебя, усталого, как сына, жалко мне,
Зато твой смелый ум владеет всей вселенной,
Как спутник, день и ночь летящий в вышине!

БАБАШ ИСМАИЛОВ

(Родился в 1926 г.)

Первый поэтический сборник Бабаши Исмаилова "Расцветай, моя республика!" был издан в Нукусе в 1954 году. Через несколько лет вышла его книга "Вилы в бок"— сборник сатирических и юмористических стихов. Поэт разоблачает и высмеивает пережитки прошлого, бюрократизм, подхалимство и прочие недостатки, еще встречающиеся в нашей жизни.

Б. Исмаилов занимается также литературоведением и критикой. Его перу принадлежит книга "Кунхожа"— описание жизни и творчества классика каракалпакской поэзии XIX века, за которую ему присуждена степень кандидата филологических наук. Им написано несколько учебников по литературе, статьи о проблемах современной каракалпакской поэзии и прозы.

Поэт перевел на каракалпакский язык поэму А. Твардовского "За далью даль", поэму Мирзо

Турсун-заде "Хасан-арбакеш", сборник стихов Максима Рыльского и др.

БУМАЖНЫЙ УРОЖАЙ

Председатель в правленье колхоза
Просмотрел годовой отчет.
"Ну — дела! — сказал он с угрозой. —
Эй, сюда, секретарь, счетовод!

Я с восхода тружусь до захода,
Я с весны не расправил спины.
Где ж колхозные наши доходы,
Как в отчете они учтены?

Безобразье, халатность, беспечность!
Что молчите? Правленье собрать!"
Собрались... Председатель, конечно,
На правленье опять бушевать:

"Вот, товарищи, дело какое.
Полон рот у нас важных забот,
А вот эти голубчики — двое —
Безответственный сдали отчет.

От одних заседаний, собраний
Днем и ночью трещит голова,
Много вложено сил и стараний,
А концы-то мы сводим едва!

Не припомнится мне и недели,
Чтобы сводку не сдал звеньевой,
Бригадиры не спали, не ели —
Все писали отчет годовой..."

Друг за дружкою члены правленья
Счетовода корят и корят:
—Я же сам составлял решенье!
—Я подписывал этот наряд!

"Я устраивал сходки, летучки,
Мне пришлось этот год попотеть.
Счетовода ленивого штучки
Сколько времени будем терпеть?"

Секретарь наш не лучше, как видно:
Я сто планов одних огласил,
Он же,— как ему только не стыдно,—
Даже в книгу их не заносил.

Мы трудились в любую погоду,
И — напрасно, выходит, теперь?"
Секретарь подмигнул счетоводу —
Встали оба и вышли за дверь.

А минуту спустя появились,
Изгибаясь под грудой бумаг,
С ношей тяжелой едва дотащились,
Все на стол председательский — бряк!

"Не у нас бы искать недостатки!..
Мы уверим вас сей же момент:
Протоколы, отчеты — в порядке,
Не пропал ни один документ.

В тридцати этих папках подшиты
Все бумажные ваши дела.
Отчего же на нас вы сердиты?—
Не в конторе промашка была.

Урожайный был год на отчеты,
 На собрания — большой урожай.
 Перед вами — итоги работы.
 Принимай, председатель, читай!.."

ПУСТЫЕ ФРАЗЫ

Бил в грудь кулаком он, гремел на собрание:
 "Нам критика, братцы, как воздух, нужна.
 Стихи мои плохи, за все замечанья
 Спасибо, друзья, признаю их сполна".

Все были довольны, уверены были:
 Серьезные выводы сделал поэт,
 А через полгода журнал мы открыли —
 Стихи... Ничего-то в них нового нет.

Все прежние рифмы, и ритмы, и формы,
 Сравнения затасканы, мысль — не нова.
 Халтура — его постоянная норма,
 Чего ж покаянные стоят слова?

Но полно! Уместно ли здесь удивленье?
 Работать над словом поэт не привык.
 От сердца — хорошее стихотворенье,
 А фразы пустые — болтает язык.

НЕВЕЖА

Товарищ пригласил нас на обед.
 Была на то серьезная причина.
 Секрет?— О нет, какой же тут секрет!
 Женил хозяин собственного сына.

Радужно нас хозяин угощал,

И было нам в гостях легко и просто:
Шутили, пели, громко смех звучал,
Провозглашались дружеские тосты.

В разгар веселья новый гость вошел,
Проществовал он к жениху с невестой,
Не поклонившись, молча сел за стол.
Ну что ж, как говорится, честь и место.

Все гости ели, он один не ел"
Толстяк... Диета у него, наверно...
Все гости пели, он один не пел.
Чурбак!.. Смотрел на нас высокомерно.

Почтенный Даулим тогда спросил
Хозяина — мы рядом с ним сидели:
—Кого ж это ты в гости пригласил?
—Знакомый сына он... Зампредартели...

Сегодня свадьба — звали и его,
А не позвать ведь неудобно как-то...
—Зачем же чванством портить торжество?
—Гость со своим, видать, понятием такта.

Такие есть... С простыми посидеть,
Поговорить да выпить — не рискуют.
А уж смеяться или песни петь —
Нельзя им вольность проявлять такую!

Зато вокруг того, кто старше их,
Иной из них уж так-то резво пляшет...

И только Даулим почтенный стих,
Глядь, новый (Гость рукой с порога машет —

Известный всей округе человек.
 Молчун надутый тут же встрепенулся,
 Бочком, бочком для встречи взял разбег,
 Весь подтянулся, сладко улыбнулся,

Преобразился — весел стал и прост:
 И рюмку выпил, и налил соседу,
 И остроумный сочиняет тост,
 И в общую включается беседу.

Хозяин, я и старый Даулим
 Переглянулись, молча вопрошая:
 "Да что же это вдруг случилось с ним?
 И он ли это?— Разница большая".

И Даулим сказал: — А гусь хорош!
 Пример, как говорится, самый свежий...
 Поешь, как все. Как все, ты ешь и пьешь,
 Но звание тебе одно — невежа.

НЕДОВОЛЬСТВО МАСС

Пухлый том возьмите, почитайте —
 Тотчас вас обступит сотня лиц.
 "Вы вниманья нам не уделяйте,—
 Хором просят лица со страниц.—

Мы скучны, невзрачны мы и хрупки,
 Наша роль здесь, право, не важна:
 Нам не надо совершать поступки,
 Автор дал нам только имена.

Пробегите первые страницы —
 С персонажем встретитесь иным:
 Бодр и весел, взор его искрится,

Он шагает — следуйте за ним.

Человек он правильный, растущий,
В меру осторожен, в меру смел;

С первых фраз—среди людей он, в гуще,
Был сначала даже отстающим
И — для убедительности пущей —
Недостатки мелкие имел.

Но подбит итог соревнования:
Отставанье— в прошлом навсегда,
И с шестой главы он носит званье:
Только он один — Герой Труда.

Любит — сильно, ненавидит — люто,
А смеется громко, от души,
Начеку он каждую минуту,
Сам спешит, но скажет: "Не спеши!"

Он помощник, он руководитель,
Он борец за правду и прогресс;
Собственных ошибок исправитель,
Только один он имеет вес.

А едва он выйдет на трибуну,
Сразу ясно — все предвидит он!
Самый мудрый он и вечно юный,
Мы же для героя просто — фон.

Автор пригласит нас на собрание,
Чтоб его герой сказал нам речь.
Нет, не стоим мы его вниманья,
Лишь годны для проводов и встреч.

От начала и до эпилога
 С ним безликой массой держим путь.
 Автор! У героя есть дорога,
 Будет ли у нас когда-нибудь?"

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

(Родился в 1929 г.)

Первое стихотворение Ибрагима Юсупова "Моя родина" было напечатано в 1946 г. С тех пор на родном языке опубликованы сборники его стихов "Лирика счастья", "Путнику Востока", "Думы", "Семь перевалов", "Степные грезы". Три книги его стихотворений изданы на узбекском языке. В Москве, в издательстве "Советский писатель", вышли два сборника избранных стихов и поэм И. Юсупова— "Песня горного ручья" (1960) и "Меридианы сердца" (1966).

И. Юсупов — автор поэм "Товарищ учитель" — о зарождении и росте национальной интеллигенции, "Там, где цветет акация"— о преобразователях природы, "Судьба актрисы"—о зарождении сценического искусства в родном краю, "Степные грезы"— покорителях пустыни, "Правда о ковровщице"— о жизни и революционной борьбе братского туркменского народа, "Сказ старого фонтана"— по мотивам легенды о Бахчисарайском фонтане и др.

И. Юсупов — автор многих статей, нескольких учебников по литературе. Издан сборник его рассказов "Осень у старого тутта".

В переводе И. Юсупова вышли отдельными книгами поэмы "Владимир Ильич Ленин" В. Маяковского и "Мцыри" Лермонтова. Он познакомил каракалпакских читателей с сонетами Шекспира, стихотворениями Пушкина, Гете, Байрона, Шиллера,

Гейне, Мицкевича, Омара Хайяма, Хафиза, Шевченко, Ахундова, Важа Пшавелы. Им переведен также ряд произведений современных русских и узбекских поэтов.

На сцене Каракалпакского музыкально-драматического театра идет его пьеса "Сорок девушек" ("Кырк кыз"), написанная в соавторстве с А. Шамуратовым по мотивам одноименного эпоса, и лирическая драма "Судьба актрисы".

Отдельные произведения И. Юсупова были опубликованы в переводе на казахский, украинский, белорусский, грузинский, латышский, марийский языки.

И. Юсупову присвоено звание заслуженного деятеля искусств Каракалпакской АССР.

РОДИНА

Ты мне ветками тала казалась сначала,
 Как зеленая ветвь, вырос я среди них,
 И свирель из коры твоей тонко звучала —
 Отголосок наивных раздумий моих.
 "Я зеленая ветвь! Сок земли гкивотворный
 Я впитала!" — звенела свирель над рекой,
 И поддакивал песенке ремез проворный,
 И гнездо себе строил, трудясь день-деньской.
 "Кто умелее — бог или птица?" — сказала
 Мать однажды, любуясь чудесным гнездом,
 И тебя, моя Родина, сердце узнало
 На лице материнском, родном и простом.
 По росистой тропе я бежал рано-рано
 И, сорвав одуванчик, брал в рот стебелек,
 Чтоб конец его вился, как рожки барана,
 "Стань бараном!" — я пел и глотал горький сок.

И скакал мне навстречу ягненок веселый,
 "Пют-пют-пют!" — перепелки кричали с полей...
 А потом стала Родина белою школой,
 Зазвенел кокольчик среди тополей.
 Я ловил ястребов, и, не зная покоя,
 За мечтой молодой по равнинам скакал
 Ты была, моя Родина, теплой рекою,
 И в коробочке хлопка твой лик возникал.
 Ты светила в улыбке девчонки смешливой —
 Как она улыбалась, стройна и юна!
 (А в ауле была она самой красивой,
 До сих пор почему-то мне снится она).
 А когда пастухи возвращались со стадом,
 Ты печальною песней плыла в тишине.
 И легендой, рассказанной сторожем старым
 В шалаше, на бахче, ты осталась во мне...
 Я во всем узнавал тебя —
 В тающем клине
 Улетающих птиц над осенней страной,
 В крике коростеля на пустынной равнине,
 В громком зове фазана из рощи ночной.
 Я любил забираться на стены весною
 И следить, как пылает камыш у воды,
 И лежали дороги твои предо мною,
 Расходясь от аула лучами звезды.
 О, во всем узнавал я тебя и гордился,
 Как прекрасна ты, Родина! Как ты сильна!
 Сколько б я ни любил землю ту, где родился,
 Но отдельно от Родины —
 Что мне она?
 Если звезды Кремля поднялись негасимо
 Со страниц букваря над моею судьбой,
 Если Ленин и Пушкин родились в России, —
 Я навеки, о Родина, связан с тобой!
 Без России великой, без буквы заглавной

Слово "Родина" мне никогда не понять —
 К ней, бескрайней, и многоязыкой, и славной,
 Обращаюсь: Великая Родина-мать!
 Заблужусь я в горах или в чаще таежной,
 Постучусь ли в ярангу средь вечного льда,
 Даст мне пищу и станет защитой надежной
 Чувство Родины, данное мне навсегда.
 Как могу я ходить по цветущим долинам,
 О тебе забывая, в родимом краю?
 Только тот может истинным быть гражданином,
 Кто вместит в своем сердце всю землю твою!
 С караваном ракет унесусь ли я к звездам,
 На планете ли дальней оставлю свой след,
 Но вернусь к тебе, Родина, рано иль поздно:
 Я ведь ветка твоя!
 Без тебя меня нет.

КАННЫ В НУКУСЕ

Из-за заборов деревянных,
 С газонов светлых площадей
 Глядят цветы Востока — канны —
 С улыбкой доброй на людей.
 На них мы смотрим, как на чудо,
 Поэт и пахарь, я и ты:
 Любовь трудящегося люда,
 О канны, алые цветы!
 Девчонки-модницы, пижоны
 От шумной улицы вдали
 И те затихнут удивленно:
 Какие канны расцвели!
 Да, здесь, в степи, сожженной зноем,
 Днем погружалось все во мглу,
 И пыль ложилась толстым слоем
 На свежевывытом полу!

Давно уж нет степи безводной,
Покрытой жестким янтаком⁵¹,
Она по воле всенародной
Прекрасным стала цветником.
Вы, канны, говорите гордо,
Что время лучшее пришло,
Вы у дверей аэропорта
Гостей встречаете тепло.
Две женщины домой вернулись,
Медали на груди горят.
Цветами крупными любуясь,
Они на площади стоят.
На сессии, в Кремлевском зале,
Две дочери Аму-Дарьи
Не раз, наверно, вспоминали
Про канны милые свои...
Конечно, прав народ, считая
С давным-давно минувших лет:
Кровь белой курицы густая —
Вот самый чистый в мире цвет.
Как пламя средь ночного мрака,
Вы, канны, яростно ярки,
Любимый цвет каракалпака
Окрасил ваши лепестки!
Днем ходят канны, как фазаны.
Веселый водят хоровод.
О, взять бы в руки кисть Сарьяна!
Художники, смешной народ,
Цветы, поблекшие в стаканах,
Изображая на холстах,
Вы забываете о каннах —
Народных праздничных цветах!
Я б холст большой на площадь вынес

⁵¹ Верблюжья колючка.

И рисовал бы только их
 На фоне города, что вырос
 Цветком среди равнин пустых!..
 Уносит осень цвет за цветом —
 Зеленый, белый, голубой,
 Цветы другие вслед за летом
 Уходят, не вступая в бой.
 Все пожелтеет, но бессонно
 Лишь канны — гордые сердца —
 Стоят, как знамя гарнизона,
 Что не сдается до конца.
 Шагайте, канны, перед нами
 Колонной юной боевой,
 Как дети с красными флажками
 По первомайской мостовой!
 А здесь вы горделиво встали:
 У пьедестала Ильича
 Торжественно затрепетали
 Куски живого кумача.
 В простом пальто, раздутом ветром,
 Он улыбался с высоты,
 Когда пришли к нему с приветом
 Востока алые цветы...

САКСАУЛ

Что за странные толпы видны в раскаленной дали?
 В небо руки кривые с угрозой они вознесли.
 К ним с дороги сверни: это стражи пустынь — саксаулы
 Над горбами барханов вздымаются в жгучей пыли.

В седине и рубцах, сколько лет им, не знают они,
 Положи их в костер — антрацитом пылают они.
 Будто стойкий отряд массагетов — кочевников
 древних,

Жизни крайний рубеж от песков охраняют они.

В зной и стужу растет саксаул на сыпучей гряде,
Право жить на земле добывает он в тяжком труде:
Как бурильщики скважин, упорные, твердые корни
Прах бездушный сверлят, пробираясь к соленой воде.

Безымянный, на страже стоит в одиночестве он,
Если в схватке погибнет, не требует почестей он,
Но куда живет, будет молча с пустыней сражаться,
Как верблюд, терпелив и, как сказочный воин, силен.

На суровой земле прорастают его семена,
Вслед за ним в наступленье идет на пустыню весна,
А когда он в огне умирает — не зря умирает:
Жар упрямой души отдает человеку сполна.

ФАЗАН

Бродил я степью заснеженной,
Ступал по свежей белизне,
И вдруг, как громом пораженный,
Остановился я.
И мне
Явила степь — художник чудный —
Картину на холсте своем,
И было оторваться трудно
От красок, пышущих огнем:
Незащищенно и открыто
Лежал фазан в тени куста,
Как позабытая палитра,
Где дерзко смешаны цвета!
Цвели оттенки красок сочных,
Живую силую полны,
Как будто радуги кусочек

Упал на землю с вышины.
Фазан, прижавший шею к телу,
Крылом головку укрывал,
Но хвост-изменник то и дело:
"Я здесь!" — владельца выдавал.
И я подумал:
Так, бывает,
Девчонка юная, в цвету,
Одеждой тщетно прикрывает
Свою хмельную красоту.
Взлетела птица — глазу больно!
Над степью взмыл комок огня...
Я побежал за ней невольно,
Но мчались, обогнав меня,
Лихие всадники за псами,
Псы взвыли, увидав ее,
Охотник с красными глазами
Уже прижал к плечу ружье!
И — выстрел...
И кусты сомкнулись
Над птицей с раненым крылом.
И люди в заросли метнулись,
Спеша к добыче напролом.
Но, не желая покориться,
Пытаясь выжечь смерть дотла,
Как пламя трепетала птица,
Сопротивлялась и жила!
И я подумал, птицу славя,
Что нужно пламенно мечтать,
Любить, как пламя,
Жить, как пламя,
И, пламенея, умирать!

ЧЕРНЫЙ ТАЛ

1

Там, где шумит арык, растешь ты, черный тал,
По берегам живой стеной кустарник встал.

Твой каждый куст и каждый листик мне сродни —
Родился я под этим небом в их тени.

Не раз, подвесив колыбель к твоим ветвям,
Меня качала мать, и ты склонялся к нам.

Когда шумел ты возле юрты — шум ветвей
Звучал в душе, как сказки матери моей.

В густой листве шныряющие воробьи
Мне озорство и живость отдали свои.

К земле в раздумье ветви тонкие клоня,
Учил ты вдумчивости, строгости меня.

Здесь я узнал любовь; на этих берегах
Являлись мне не раз и Пушкин, и Бердах⁵².

Здесь над водой, что с тихим лепетом лилась,
Любовь к земле отцов в те годы родилась...

То ты примолкнешь, точно сказочник седой,
То расшумишься, беспокойный, молодой.

Мне не забыть твоих речей, мой черный тал.

⁵² Бердах — классик каракалпакской литературы, современник Т. Г. Шевченжо, живший в Приаралье.

"О, будь поэтом!" — не однажды ты шептал.

Когда пришло мне время из дому уйти,
Ты провожал, желал мне доброго пути.

2

Осталось детство там, где песни пел арык,
Я вырос и окреп, как молодой тальник.

Открылась мне такая даль, такой простор:
Леса над Волгой и стена Кавказских гор.

Я видел море, кипарисы, много дней
Я наслаждался тенью пальмовых аллей.

Но я всегда в своих мечтах летел к тебе,
Я полон дум о молодой твоей судьбе.
А ты себе шумишь, подставив солнцу грудь,
Зовешь прохожих в знойный полдень отдохнуть.

Вокруг тебя текут счастливой жизни дни,
И мой родной аул растет в твоей тени...

О берег мой, мечта моя, цветы, шуми листвою,
Я преданный твой сын, певец, мечтатель твой!

РУБЛИ

Проходишь... Платье цвета искр. А вся — как из кремня!
 Уходишь. Холоден твой взор. Не слушаешь меня...
 И только легкий ветерок от платья твоего...
 Нет, это вихрь! Он мир зажег! И я — в кольце огня.

* * *

Любому зеркалу тебя не отразить сполна.
 Что внешность — чайка над волной. А ты — сама волна!
 Вся стать твоя — не суть твоя!.. Любимая, послушай:
 Вот сердце. Погляди в него. Узнай себя до дна.

* * *

Ты можешь сам сто раз забыть о том, что ты поэт,
 Но шла в сердца твоя строка — и ты живешь, поэт!
 Но если ты хоть раз забыл, что звался человеком,
 Ты лгал! Ты лжешь своей строке, ты трижды — не
 поэт!

* * *

Когда б сама Аму-Дарья застыла хоть на миг...
 О, ей бы в русло в тот же миг болотный врос тростник!
 Вот так... Не остывай, поэт: за каждый час покоя
 Такою тиной занесет, что не найдешь родник!

* * *

Привил я скромный черенок к узлу больших ветвей,
 Я древа Пушкина — росток! Бердах в крови моей.
 И незабвенный Навои в моем сердцебиенье.
 О ветер всех земных дорог, обвей меня, обвей!

СТЕПНЫЕ ГРЕЗЫ

(Отрывки из поэмы)

1

Тропой песчаной вездеход проехал,
Как будто к неизведанной звезде.
В пустой степи не раздаётся эхо,
Мотора рокот гаснет в пустоте.

Геологи!
Разведчики пустыни
И робинзоны островов степных!
Отныне
Сохранил бы, как святыни,
Я их костры,
Места ночевок их.

Я, как Алеко по следам цыганки,
Готов за ними следовать всегда.
Обозначает место их стоянки
Над буровую новая звезда.

Романтика!
Поэзия!
Но ближе —
Немало прозы в трудном их быту.
Худой шофер пустую флягу лижет,
Вода кипит в моторе на ходу.

Грохочет бочка в кузове пустая,
Романтику не услаждая слух.
И солнце в небе мечется, пылая,
Как брошенный в тандыр

Большой петух.

Сказала хрипло девушка шоферу,
Его легонько хлопнув по плечу:
"Пока ты время дашь остыть мотору,
Колодец я в пустыне поищу".

Пустынный Демон молвил Суховею:
"Вода кипит.
Не тронутся они.
В моторе воду высуши скорее,
А девушку подальше замани".

Пошла русоволосая Мария,
Ведром порожним звякая в тиши.
Ее глаза —
Озера голубые —
Блестели, как степные миражи.

На горизонте грезилась криница,
Она бежала радостно туда.
Но горизонта зыбкая граница
Отодвигалась,
А за ней — вода.

Вот обронила туфель...
Сбила ногу...
Упала...
Поднялась...
И снова в путь...
А Суховой дорогу понемногу
Ей удлинял,
Манил:
"Еще чуть-чуть!.."

Нашептывал с лукавством человека:
"Увидишь океана жемчуга,
Насытишься плодами геурека,
На грудь приколешь майского жука.

Коврами маков я пески покрою,
Пережевая синевою вод.
Подругой и владычицей степною
Тебя пустынный Демон назовет..."

Мария распростерлась бездыханно
На раскалившейся сковороде,
Как лепесток увядшего тюльпана,
С единственной мечтою о воде.

"Воды!" — звенело в зной ведро пустое.
"Воды!" — шептали губы...
Но — увы!
Жестокий Суховой рукой сухою
Сорвал, смеясь, косынку с головы.

Он золотые волосы колышет,
Рассматривает, как они сплелись,
Чтобы потом с листвою маялыша,
Отчаянно свистя, умчаться ввысь.

И распростертой на песке Мария
Осталась неподвижна до зари.
А кто-то ей шептал слова глухие:
"Захочешь выпить,
Сердце подари..."

За голосом плыла воды прохлада,
И виделась,

Подобная ладье,
Лодчонка молодого азиата,
Качающаяся в Аму-Дарье.

Черноволосый,
Мускулистый,
Рослый,
К себе Марию в лодку пригласил.
Как искры,
Высекали капли весла,
Дробили волны от избытка сил.

Джигит смеялся широко и щедро
И прыгнул за борт,
Девушку маня.
Ладони человека или ветра
Ее коснулись, горячей огня.

И, поднимая водяные глыбы
(Река была чиста и холодна),
Они вдвоем,
Как две огромных рыбы,
Ныряли
И не доставали дна.

Черноволосый говорил с любовью:
"Мы сделаемся все твоей родней,
Пустыня — Свекром,
Засуха — Свекровью
И братом огнекрылым — Суховой.

Ну, а когда ты будешь нашей веры.
То Бог пустыни, —
Мой родной отец. —
Хранившиеся с мезозойской эры

Тебе подарит клады наконец".

Пытался он обнять ее сильнее.
 Мария громко закричала:
 "Прочь!.." И увидала:
 В небесах, над нею,
 Единственной звездой мерцала ночь.

Когда песчинки барабанят дробью
 О камень,
 Под барханами, внизу,
 Роняет у гранитного надгробья
 Родник артезианскую слезу.

Над камнем загораются тюльпаны,
 Склоняется белесый маялыш.
 И облаков печальных караваны
 Плынут в сухую, выжженную тишь.

Над камнем,
 Под которым спит Мария,
 Взвивается порошею песок,
 Горит звезда,
 Как будто бы Россия
 Зажгла над ней бессмертья огонек.

От предков унаследовала смелость,
 Явилась не за славою сюда.
 И в азиатском небе загорелась
 Негаснущая русская звезда.

2

Сдавайся, Бог пустыни!
 Верный довод
 Для прекращения всех бесчинств и зол,

Что я на бастион твой
Газопровод
Тяжелой артиллерией навел.

Преобразилась степь в ладонях грубых —
Ее рабочий люд к рукам прибрал.
И на гигантских, словно жерла, трубах
Белеет надпись:
"Бухара — Урал".

В пустыне путь немислимый открылся,
Чью неприступность прежде и не тронь.
Недаром Человеку покорился
В стальных оковах голубой огонь.

Отныне он в мартенах не потухнет,
В гигантских домнах,
Озарит зенит...
Да что мартены, домны!..
В каждой кухне,
Обрадовав хозяйку, загудит.

Пустынный край теперь очеловечен,
Уста не сохнут,
Вольно дышит грудь.
Теперь Устюрт, как небо, бесконечен,
И газопровод —
Это Млечный Путь.

*

Такая тишина в краю пустынном
В полуденные знойные часы,
Что слышен трепет струнок паутины,
Прозрачный шелест крыльев стрекозы.

Молчат кусты.
Особая краса в них,
Когда вокруг барханов желтизна.
Песчаный вихрь, как сумасшедший всадник,
Промчится вдруг,
И— снова тишина...

В степную даль смотрю благоговейно,
Восторженно, не отрывая глаз.
Я степь люблю,
Как Гейне— берег Рейна,
Берне — поле ячменя.
Хафиз — Шираз.

От солнца горизонт белее снега
И вышка словно восклицанья знак.
Вдруг огненный язык взметнулся в небо
Над буровой,
Как будто яркий флаг.

То засинел он над песчаной далью,
То заблестел на солнце, как кинжал,
То шелковой заколыхался шалью,
А то фонтаном брызги разбросал.

Пустыня под ногами задрожала,
Не удержался на ногах я сам.
Видать, не пожалели аммонала,
Чтоб с нею нас подбросить к небесам.

Когда равнины накренилась плоскость,
Подумал я:
Вот— атом, это он.
Или корабль сейчас запущен в космос,
Или открыт учебный полигон?

И тишина вторично раскололась:
 Скрип тормозов почти над головой...
 И тут услышал я знакомый голос:
 "Поэт!
 Здорово!
 Едем к буровой!"

А может, это голубое пламя
 Ты воспоешь хоть маленьким стишком?..
 Предупреждаю: шутки между нами
 Здесь приняты — таков степей закон.

И русский парень с темной бородою
 И мой земляк смеялись от души.
 Объединясь с моей степной мечтою,
 Они просили оба:
 "Напиши!"

Я напишу,
 Когда слова такие
 В душе рождаются. Верю, напишу
 И о степи родной, и о России,
 Клянусь — пока живу, пока дышу.

Я напишу,
 Как в зной или морозы
 Идут друзья в снега или пески.
 Я напишу...
 И вдруг степные грезы
 Нахлынули:

Ползут грузовики
 По жизни рядом и до смерти рядом,
 Дружнее и верней, чем с братом брат.

И в их кабинах Николай с Азатом...
Они о чем-то издали кричат.

Я не услышал,
Но навстречу вышел,
Туда, где ослепительная синь,
Где пламя над одной из дальних вышек,
Где детством пахнет пряная полынь.

Полынь!..
К мечте шагаю ранней ранью,
Туда, к необозримости степей,
Где у меня назначено свиданье
С любовью неизменной моей.

ТАЖЕТДИН СЕЙТЖАНОВ

(Родился в 1924 г.)

Тажетдин Сейтжанов начал печататься с 1946 года на страницах газет и альманахов. Его первый сборник стихов "Слово гражданина" был издан в Нукусе в 1955 году. В последующие годы Т. Сейтжанов опубликовал поэтические сборники "Зиба", "Крылатая молодость", "Слово перед зеркалом".

Много сил писатель отдает драматургии. На Сцене национального музыкально-драматического театра в Каракалпакии идут его пьесы "Извилистые тропы", "Черноокая красавица" и "Беспокойные волны".

Тажетдин Сейтжанов перевел на каракалпакский язык поэмы Некрасова "Кому на Руси жить хорошо", "Русские женщины", стихи Тараса Шевченко, а также современных русских и узбекских поэтов.

ЛЕНИН В МОЕЙ ЖИЗНИ

I

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ

Тридцатые годы. На стройке страна.
Успехов, побед вереница.
Надежда в бедняцкой душе зажжена,
И светятся радостью лица.

Отец мой, дехканин, однажды сказал:
"Нам Ленин велел учиться".
Подросток, тогда я уже понимал,
Что счастье само к нам стучится.

Да, грамотных не было в нашем селе.
Зажав в кулаке подношенье,
Я помню, отец отправлялся к мулле,
Чтоб тот написал прошенье.

О чем?— Я узнал это годы спустя,
Муллы вспоминая уменье,
Сто раз повторял мне отец, не шутя:
"Великая сила — ученье!

Нам Ленин учиться сынок, приказал,
Завет Ильича драгоценен,
Мечтал он, чтоб каждый грамотным стал..."
Так вот он какой — Ленин!

И знаниям, о коих отец мой мечтал,
Открыл я и слух мой и зренье.
Я школьной дорогой тогда зашагал
В прекрасное царство ученья.

И буквы, и цифры я скоро постиг,
А все предо мною вставали
Из новых и новых прочитанных книг
Манящие дальние дали.

Шло время. Когда-то мечтал паренек
Отцу написать заявленье.
Теперь без улыбки я вспомнить не мог
Наивного детства стремленье.

В былые года хлопотал мой старик,
Не веря в батрацкое счастье,
О том, чтоб по бедности новый сошник
Ему предоставили власти.

А сын его — грамотный человек,
И почерк у сына отменен.
Он иишет в тетради: "Славься вовек,
Владимир Ильич Ленин!"

II ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Год тридцать восьмой. Белоснежный февраль.
В нем помню прекрасный день я
И позабуду его едва ль —
Так помним лишь день рожденья.

Да, был я героем этого дня,
Взволнованный, гордый, веселый.
Щеки пылали — как от огня,
Сердце — стук-стук, что копыто коня,
Все разговоры — лишь про меня,
Вступил я в ряды комсомола.

Как будто на крыльях летел я к луне,
Как будто шагал через горы...
Я чувствовал: выпало счастье мне
Народу служить опорой.

Джайхун укрощаю, пишу труды,
В моря обращаю болота,
В пустыне бесплодной сажаю сады —
Кипит у меня работа.

Я смелый мечтатель, я горный орел!..
А мать мне:— Сынок, ты не болен?
Скажи-ка, да что ты такого нашел
В этом своем комсомоле?

Отец как ударит ладонью об стол: —
Совсем уж ты темная, что ли?
Ведь это же Ленинский комсомол,
И сын твой теперь — в комсомоле.

III ПОРТРЕТ

Стоял сорок пятый решающий год.
На запад шагнула война.
Встречала нас, быстро идущих вперед,
Февральских дождей пелена.

Впервые на край немецкой земли
Ступила моя нога.
Во Франкфурте Одер мы перешли,
Накрыли в окопах врага.

Четыре года на передовой
Меня закалили в огне.
Был бой рукопашный, жестокий бой —
Навеки он памятен мне.

Свистели пули. Работал штык.
Сверкал обнаженный кинжал.
Скрежет железа. Раненых крик.
От взрывов воздух дрожал.

Гранаты все до одной разметав,
Я прыгнул к врагам в окоп.
Один из фашистов, меня подмяв,
Уже мне нацелился в лоб.
Я вырвался, долго боролся с ним
И — цели своей достиг,
Но только хотел схватиться с другим —
В бедро мне вонзился штык.

Мгновенно сработал мой пистолет.
Я выскочил, захромал,
Пополз, оставляя кровавый след,
И — третьего увидал.

Быстрым движеньем — затвор назад.
"Сейчас угощу, бандит!.." —
А немец внезапно вскричал:
"Камрад! Ко мне по траншее бежит.

"Ленин! Камрад!.." — кричит на бегу,
Карман свой рвет впопыхах.
Хочу я выстрелить по врагу —
И дрожь у меня в руках.

Вижу, как бросил солдат автомат,

Как вспыхнул в глазах его свет.
"Ленин,— кричит, подбегая,— камрад!..
В руке — Ильича портрет.

Я понял — и палец со спуска убрал,
А немец, молод, речист,
По-своему быстро залопотал.
Да, этот, видать, не фашист

И взял я портрет у него из рук,
И немцу ладонь пожал,
Так мудрый учитель, великий друг
В бою меня поддержал.

Солдат добровольно мне сдался в плен.
Из моря сплошного огня,
Приникнув к земле, не сгибая колен,
Он полз впереди меня.

Я в штаб батальона немца привел.
Он там о себе доложил,
Что в Лейпциге детство свое провел,
Где Ленин когда-то жил;

Что был ему близок ленинский путь,
Величье ленинских дел,
Что не был с нацизмом связан ничуть,
Шинель по приказу надел.

Рискуя, портрет он с собой носил.
И Ленин — жизнь ему спас...

Прилив небывалых, могучих сил
И я ощутил в тот час.

IV
ЛУЧШИЙ В ЖИЗНИ

Дожил я до лучшего в жизни дня.
Земля позабыла о снеге,
Деревья давали побеги.
Был праздник большой у меня.

Солнце сверкало — как никогда,
И ветер пел, не смолкая,
Искрилась, журчала, неслась вода,
Веселою пеной вскипая.

Ласков был рокот толпы людской,
Радостен смех ребячий,
И воздух, казалось мне, был другой,
Иль сам я дышал иначе?

Иль сам я, волнующий миг пережив,
На мир глядел по-иному?
Все пело вокруг. Весенний мотив,
Ликуя, нес меня к дому.

Спокойные улицы Кегейли,
Прозрачная синь Жилуана...
Куда же вы, думы, меня привели?
О чем я пою неустанно?

Все думы, все чувства мои — о тебе,
О светлой моей отчизне,
Себя посвящаю труду и борьбе
Во имя грядущей жизни!

А память меня возвращает в райком.
Чуть строг секретарь и спокоен.
Сказал он — душу наполнил теплом:
"Ты быть коммунистом достоин".

Слова, с неожиданной силой звуча,
Становятся строчкой песни:
"Я — в партии, в партии Ильича!"
Что может быть в жизни чудесней!

Я стал коммунистом. Спасибо вам,
Меня воспитавшие годы.
Все силы мои без остатка отдам
На благо родного народа.

Высокую нес я на сердце мечту.
И, словно вобрав мои мысли,
Две ласточки, взмыли стрелой в высоту
И в небе весеннем повисли.

Дожил я до лучшего в жизни дня.
Земля позабыла о снеге,
Деревья давали побеги.
Был праздник большой у меня.

* * *

Я никогда еще не ждал,
Как в этот год, весны прихода.
И вот теплом дохнул Арал.
Зазеленела вновь природа.

Любой травинке был я рад
Ты знаешь почему, родная,
Об этом ветры говорят,

Простор Кырк-Кыза оглашая.

Песков безжизненный покой
 Цветущей сделался долиной,—
 Под смуглою твоей рукой
 Преобразился край пустынный,

Придет пора шуметь ветрам
 Листвой хлопчатника веселой,
 Придет пора цвести садам,
 Где будет наш стоять поселок.

Свое ты слово сдержишь в срок:
 За телеграммой пылкой следом
 Ты хлопка мне пришлешь цветок —
 Как знак любви и знак победы.

РОЗА

Махровая роза в саду расцвела,
 Пьянит меня тонкий ее аромат.
 Тайком в этот сад прихожу из села,
 Когда над рекою пылает закат.

Дильбар молодая взрастила ее,
 Дильбар, что к себе приковала меня,
 Дилбар, черноглазое счастье мое!—
 Без мысли о ней не проходит и дня.

Я знаю, что роза цветет неспроста,
 Причину Дильбар утаить не могла,—
 Махровая роза кивает с куста,
 Как знак, что и наша любовь расцвела.

Придя на свиданье вечерней порой,

Цветком восхищаясь в молчанье стою,
И сад, пламенея, ждет вместе со мной
Дильбар — чернобровую радость мою.

ХОЖАМУРАТ ТУРУМБЕТОВ

(1922—1968)

Первый сборник стихов Х. Турумбетова "Гулистан" был издан в Каракалпакии в 1954 г. В 1956 г. поэт закончил Литературный институт имени Горького.

Хожамурат Турумбетов — автор шести поэтических сборников. Четыре из них изданы на родном языке. Сборник "Весна долгожданная" (1957) издан на русском языке в Москве, в издательстве "Советский писатель". Сборник "Братский привет" (1958)— на узбекском языке в Ташкенте. Кроме того, вышли отдельными книгами поэма "Два друга" и повесть в стихах "Заря". В 1960 г. поэт опубликовал поэму "Вечно живой", посвященную В. И. Ленину.

За последнее время в журнале "Аму-Дарья" опубликованы две новые поэмы Х. Турумбетова — "Майские цветы" и "Вдова солдата". Одноактная пьеса Х. Турумбетова "Счастливая девушка" вышла отдельной книжкой в московском издательстве "Искусство". Х. Турумбетовым переведены стихи ряда современных русских и узбекских поэтов.

ТРОПИНКА

Протопанная от моих дверей,
Тропинка узкая видна в тумане.
И привлекла она мое вниманье,
И мыслями унесся я по ней.

Тропинка, продолжаясь в оком,

Встречается с дорогою веселой.
По ней бывало убегал я в школу
Под мышкой с милым сердцу букварем.

Когда мою цветущую страну
Фашисты заливали нашей кровью,
Исполнясь ненавистью и любовью,
Тропою той ушел я на войну.

С победою вернулся я домой,
Со мною вместе возвратились братья,
Нас ждали материнские объятия
На этой тропке, сызмала родной.

Когда же снова я собрался в путь,
Чтоб получить в Москве образование,
Шел с чемоданом я тропинкой ранней,
Старающейся в травы увильнуть.

Тропинка та останется моей,
Она— мое сердечное владенье.
Чего желал в минуты вдохновенья,
Все отыскал я, проходя по ней.

ЦВЕТОК

Долгожданное твое письмо я
Перечел раз десять или двадцать.
Только имя где твое родное?
Ты же позабыла подписаться.

Но цветок, что ты в конверт вложила,
Годы детства воскресив сначала,
О тебе мне все поведал живо —
Подпись мне бы меньше рассказала.

ЖУРАВЛИ

На юг перелетают журавли,
Вот над аулом пронеслись моим
И снова тонут в голубой дали,
Высь прорезая строем боевым.

И над осенней желтизной степей
Все громче их курлыканье звучит.
Мне кажется: минутою поздней
Их криками наполнится зенит.

Как будто вспомнив прежнюю любовь,
Вдруг поворачивают на лету.
Остановившись, я подумал вновь:
"Какую вы покинули мечту?"

Мне показалось: эти журавли
Догадываются, что я их друг.
Вот почему курлыкающий клин
Вновь над аулом пишет полукруг.

АХ, СЕРДЦЕ, СЕРДЦЕ...

Я девушке признался, что влюблен,
Но мне она ответа не дает;
Так ириса весеннего бутон
До срока лепестки не развернет.

Она еще мне не сказала "да",
Она пока не говорила "нет".
Быть может, мне придется ждать года...
Но глаз ее не позабуду, нет.

Ах, сердце, сердце, на тебя дивлюсь —

Лишь к ней одной стремишь все мысли ты.
Я знаю: радость побеждает грусть,
Бутоны превращаются в цветы.

ХОРОШАЯ КНИГА

За окном огни зажгутся скоро —
В нашем парке, в зелени сквозной...
Только не дает мне выйти в город
Книга, что лежит передо мной.

Желтая луна плывет над парком,
Звезды, над платанами висят:
Фарами поблескивая ярко,
Резвые полуторки спешат.

Запевают за окном девчата,
В песне той и радость есть, и грусть,
И гармонь зовет, зовет куда-то,
Почему ж я дома остаюсь?

Это и тебе, мой друг, знакомо:
Хоть гулять и просится душа,
Ни за что ты не уйдешь из дому,
Если книга вправду хороша!

НАДЯ

Воскресный день. Сегодня в общежитье
Весенним солнцем воздух разогрет.
В дверь постучали. Я сказал:
— Войдите! —
И девушка вошла, в руках букет.

Сама весна пришла в цветном наряде,
С ребяческим, задорным блеском глаз.

Читатель мой, вы не знакомы с Надей?
 Что ж, не беда, я познакомлю вас.

Студентка Надя — уроженка Дона
 (От Дона далеко Узбекистан!),
 Но здесь ее по-нашему, влюбленно
 Подруги называют Надяхан.

Мы оба учимся, и редки встречи,
 Но рад сегодня я увидеть вновь
 И две косы, упавшие на плечи,
 И весело приподнятую бровь.

Здороваемся. Девушка смеется: —
 Сидишь ты дома, скучен и сердит.
 Пойдем на свежий воздух!—
 Сердце бьется

И вслед за ней на улицу летит.
 Идем по шумным улицам Ташкента,
 В руках цветы и улицы в цвету,
 И наша песнь, подхваченная кем-то,
 Как птица, набирает высоту.

Нас как друзей встречает зелень парка
 И щелканье пернатого певца.
 Цветы на клумбах вспыхивают ярко,
 Нам весело кивают без конца.

Арыков чуть лепечущие воды,
 И теплый ветер, и полдневный час,
 И музыка, гремящая поодаль,—
 Все радуется, все поет для нас.

Шумят деревья шелестом бессонным,
 Идем мы, под ногой скрипит песок,
 И дует ветер родины в лицо нам,

Тревожный ветер будущих дорог.

ВОДА

Как чистая кровь, что от сердца течет
В любой уголок человеческого тела,
Так наша Аму без конца, без передела
Дарует нам радость живительных вод.

Дает она воду каналам большим,
А те отдают ее малым арыкам,
И песнь о ее бескорыстье великом
Встает из моей благодарной души.

Смеющейся девушкой молодой
Струится вода по полям опаленным.
Земля напитается свежей водой,
Покроется пышным нарядом зеленым.
Вода наливает на ветках плоды,
Вода раскрывает тугие бутоны,
Джигит у арыка с подругой влюбленной
Играет в серебряных брызгах воды.

Как рады воде наши милые дети!
Они у арыков резвятся всегда.
Ты знаешь, я самый счастливый на свете,
Когда предо мною сверкает вода...

Стихи мои, были б вы так благодатны
И так жизненосны, как воды Аму,
То я не завидовал бы никому
И было бы счастье мое необъятно!

ТВОИ ГЛАЗА

Ненаглядная, души моей магнит!

Взор сияющий волшебницы родной
Что он ищет, что беззвучно говорит?
Каждый миг твои глаза передо мной.

Ты со мною воду к яблоням вела,
Белый хлопок собирала в желтый зной;
Не всегда со мною рядом ты была,
Но глаза твои, всегда со мной,

А когда я ранен в грозном был бою
И до смерти оставалось полчаса,
Мне казалось: кровь текущего мою
Останавливали ясные глаза...

Я учусь, я в сердце родины живу,
Дни твои — на берегу Аму-Дарьи,
Но по-прежнему как будто наяву
Передо мною день и ночь глаза твои.

По субботам посещаю я кино,
И учеба мне милей день ото дня.
Пусть вдали ты, я уверен — все равно
Глаз внимательных не сводишь ты с меня.

А когда приходят вечер и досуг
И дневные умолкают голоса,
Через тридцать земель, я знаю, друг,
Берегут мой крепкий сон твои глаза!

Ах ты, девушка с глазами звезд ясней,
Расстоянья не страшны сегодня нам!
Ты ответь мне, дорогая, поскорей:
Что им нужно от меня, твоим глазам?..

ДНЕПР

Днепр извечно голубой!
 Как мою Аму-Дарью
 Берегу я облик твой,
 О тебе в стихах пою.

Нас от зноя ты спасал,
 Кровь смывал с горячих ран,
 Нам в сраженье помогал,
 Непреклонный ветеран.

СРАВНЕНИЕ

Товарищ мой однажды похвалялся,
 Что схожа милая его с луной,
 А я его сравненью удивлялся,
 Мой вывод совершенно был иной.

—Вот,— говорю я,— погляди на небо:
 С красою солнца как сравнить луну?
 И девушку ни полюбил я где бы —
 Ее лишь с солнцем и сравню одну...

Сверкнул товарищ на меня глазами
 И головой упрямо покачал:
 —Ты не сердись, но, говоря меж нами,
 Ты нежных чувств, должно быть, не встречал!

—Луна скромнее, может, и нежнее,
 Но ярче солнца нету ничего...
 —А мне приятней любоваться ею,
 Не обжигая сердца своего!

Я ТВОЙ СЫН

Если даже сизый сокол

Ввысь бескрайнюю взовьется —
 Как бы ни был он высоко,
 Вновь на землю он вернется.
 Так и я: где только не был,
 Из любой дали и края
 Под твое спешу я небо —
 О земля моя родная!

ГАЛЫМ СЕИТНАЗАРОВ

(Родился в 1927 г.)

Впервые сборник стихов Г. Сеитназарова "Первая тетрадь" был выпущен издательством "Каракалпакия" в 1960 году. В следующем году поэт издал сборник "Мужество", в который вошли новые стихи и поэма того же названия.

Недавно Г. Сеитназаров закончил поэму "Шалаш в Разливе", посвященную В. И. Ленину.

Г. Сеитназаров — автор лирических рассказов и написанных по свежим следам событий очерков. Рассказы и очерки Г. Сеитназарова составили книгу "Кызылкумские новеллы" (1962).

Стихи Галыма Сеитназарова печатались на русском, узбекском, казахском языках.

ЛЕНИН

Страна моя жила под рабским гнетом,
 Двойное бремя на нее легло.
 Власть баев для царя была оплотом
 И на народе вымещала зло.
 От непосильных мук стонали села,
 Был каждый день мучительно жесток.
 Когда душили нас и тьма и голод,
 Кто пламя революции зажег?
 Когда неравенство народ сковало,

Когда дышать не стало больше сил,
 Когда страна моя в цепях стонала,
 Кто цепи эти рабские разбил?
 Великий Ленин — буревестник счастья,—
 Не он ли в битву наш народ повел?
 И мы восстали против царской власти,
 Порвали путы вековечных зол.
 Ильич нам дал желанную свободу,
 Ворота к счастью смело распахнул,
 Путь светозарный указал народу,
 И полной грудью труженик вздохнул.
 Мы стали строить нашу жизнь сначала,
 Решимости и мужества полны,
 Так ярко солнце правды засияло,
 Что стали дни грядущие видны.
 Наш Ленин — это разум всенародный,
 Наш Ленин — это счастье всех людей.
 Нам светит, словно факел путеводный,
 Нетленный стяг его святых идей.
 Под этим стягом мы шагаем твердо,
 Под этим светлым стягом наш народ,
 От всех границ отбросив вражьи орды,
 Кует и пашет, строит и поет!

РЫБАК

Спокойно дремлет море —
 Не тратит силы зря,
 Блестит над щедрым морем
 Осенняя заря.

Сияет день погожий
 Над рябью сонных волн.
 С утра далеко в море
 Ушел рыбацкий челн.

Но море— вероломно:
Внезапно хмурым стал
Под налетевшей тучей
Встревоженный Арал.

Свистят порывы ветра,
Густую мглу клубя,
Бурлит Арал сердитый —
Выходит из себя.

Но пусть крепчает буря —
Рыбак поспорит с ней,
Он смел, он оправдает
Доверие друзей.

Осенний ветер воеет,
Как тысячи собак,
Но зорек и спокоен
Испытанный рыбак.

Упрямо роя волны,
Все дальше челн плывет,
А ветер одичалый
Свирепо в мачту бьет.

Но радостно джигиту:
По самые края
Серебряною рыбой,
Полна его ладья.

Его не испугает
Бушующий Арал,
Он счастлив, что доверье

Людское оправдал.

Плыви, рыбак отважный,
Среди бурливых вод,
Тебя за труд упорный
Благодарит народ.

НО Я ОСТАНУСЬ ВЕРЕН ЕЙ...

"Люблю тебя",— шепнула ты,
На грудь мне голову склонила,
Мне сердце счастьем озарила,
Вдохнула пылкие мечты.
Всю ночь не мог я глаз сомкнуть:
С тобою в призрачные дали
Мечты и думы улетали —
В неведомый, счастливый путь.
Не в силах дома усидеть,
Подался в степь я, непоседа.
С самим собой ведя беседу,
Я принимался громко петь...
Под вечер снова ждал тебя
На том же, на заветном месте,
Где были счастливы мы вместе,
Стыдясь, робея и любя.
Ходил, вздыхая, не спеша,
Казалось, проходила вечность.
Прощал я девичью беспечность:
"Тонка у девушки душа".
Во тьме я хмуро шел домой,—
Ты не сдержала обещанье,—
Пил горечь разочарованья.
Мучительно страдал душой...
С тех пор не видел я тебя.
И пусть ты не слеожала слова.

Ту ночь я вспоминаю снова
 И снова мучаюсь, любя.
 Нет ревности в душе моей,—
 Пусть ни заботы, ни ненастье
 Не омрачат девичье счастье...
 Но я останусь верен ей—
 Любви утраченной моей.

НЕ ПРОЩАЙ

Не прощай и не гляди в глаза с мольбой,
 Если зватьсь отказался он отцом,
 Не кляни себя, склонясь перед судьбой,
 Если подлым оказался он лжецом.

Кто запятнанной твою считает честь?
 Нет, душа твоя, как горный снег, чиста!
 У тебя большое будущее есть,
 И призванье, и заветная мечта.

Сердце чистое обмануто теперь,
 Но судьбу свою за, это не кляни,
 В силу, в юность, в правоту свою поверь,
 Оставайся твердой в горестные дни.

Не прощай и не гляди в глаза с мольбой:
 Если предал он тебя — его забудь!
 Не жалея о прошлых днях... Перед тобой
 Расстилается широкий светлый путь.

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Уж полночь, в доме тишина,
Недолго до рассвета,
Мятежных дум душа полна
И нет на них ответа.
Бывало мысли разделять
Привык я с другом вместе,
Зачем теперь стихи писать,
Коль некому прочесть - их?..
А ночь молчит, мечты летят
И тают в сизом мраке.
Стихи упорно не хотят
Довериться бумаге.
Но нет успеха без трудов:
Сражайся со словами,
Гори, мечтай — в конце концов
Стихи польются сами!..
Рекою слов я стать хочу
И чувствую при этом:
Мне это бремя по плечу —
Нелегкий труд поэта.
Твори, пиши из года в год
Упорно и правдиво,—
Народ стихи твои прочтет,
Оценит справедливо.
Я выстрадать свой стих готов
Без жалобы и вздоха, —
Великих требует стихов
Великая эпоха!

Когда над Родиной взметнулось пламя,
Всех нас, кому отчизна дорога,
Объединило Ленинское знамя,
И мы разбили лютого врага!
Наш Ленин—это мир на всей планете,
Наш Ленин — это Родины оплот.

Его сынов луна с почетом встретит,
Когда ее достигнет наш пилот.

МАТЕН СЕИТНИЯЗОВ

(Родился в 1934 г.)

Литературную деятельность М. Сеитниязов начал как детский писатель — издал четыре сборника стихов для детей.

В 1961 году был издан сборник его лирических стихотворений — "Волнующие думы". В стихах последних лет поэт добивается слияния лирики и публицистики. Им написан цикл стихов о Владимире Ильиче Ленине и поэма "Двадцать два", посвященная комсомольцам, погибшим от рук басмачей.

Писатель много путешествует. Опубликованы его путевые очерки и циклы стихов о Венгрии, Германской Демократической Республике, Индии, Пакистане, о строителях газопровода Бухара-Урал.

Стихи Матена Сеитниязова печатались на русском, узбекском, казахском языках. В его переводе изданы на каракалпакском языке "Цыганы" Пушкина, "Девушка и смерть" М. Горького, отрывки из поэмы Шота Руставели, а также повесть известной советской писательницы Л. Бать "Сад жизни", посвященная судьбе и творчеству Алишера Навои.

Я ВИДЕТЬ МИР ХОЧУ, КАК НА СВОЕЙ ЛАДОНИ

Люблю я мир любовью чуткой, страстной,
С восторгом воздухом земным дышу,
Всю щедрость жизни—формы, звуки, краски

Увидеть, ощутить, познать спешу,—
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Пусть оглушен и ослеплен им буду,
Хочу весь мир к себе приблизить я,
Чтоб правду жизни различать повсюду,—
Проникнуть глубже в тайны бытия,—
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Весь образ мира охватить бы разом —
Да, вот о чем дерзаю я мечтать!
Не потому, что слишком горд мой разум,
И не затем, чтоб равным богу стать,
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Не существует бог — тиран надменный,
Что свыше правит небом и землей.
Я — человек, наследник всей вселенной,
И чтоб смелей идти к мечте большой,
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Есть мудрецы, чей разум зоркий, чистый
Способен всю вселенную вместить,
Есть подлецы, что в бешеной корысти
Весь шар земной готовы проглотить,—
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Да, оттого, что я со всеми вместе
Всю тяжесть века на плечах держу,
Судьбой людей, их совестью и честью,
Как собственной судьбою, дорожу,—
Я видеть мир хочу, как на своей ладони!

МОЯ ТЕМПЕРАТУРА

Пока спокоен стук в твоей груди,
В здоровом теле равновесье есть:
Не веришь — на термометр погляди,
Температура — тридцать шесть и шесть.

Я родился и рос в краю степном,
Под небом Средней Азии моей,
Но и в саваннах, пышущих огнем,
У африканца тело не теплей.

У ненца в снежной тундре все равно
Температура тоже такова,—
Уж так природой определено,
Нет в этом никакого колдовства.

Температура — тридцать шесть и шесть,
На первый взгляд, не слишком высока:
Не запаяешь и простую жечь,
Не вскипятишь и литра кипятка.

И все же делать вывод не спеши —
Хоть в чайнике и не кипит вода,
От жара человеческой души
Кипят моря, и плавится руда.

Моя температура горячей
Кузнечных горнов, доменных печей:
Душевный холод может растопить,
Сердца людей спаять и раскалить.

Пока на градуснике — тридцать шесть,
Я переполнен силой огневой,
Моих дерзаний и трудов не счесть,

Я — всемогущ, я мыслю, я — живой!

ИЗ ЦИКЛА "ПУСТЫНЯ"

1

Как будто с привязи сорвавшийся челнок,
В пустыне я брожу, от зноя изнемог,
Куда ни кину взор — песок, сплошной песок.

Лучи, как стрелы, жгут... Пылает синева...
Тоска пронзает грудь... И лишь едва-едва
Сочится сквозь песок иссохшая трава.

От жажды горло жжет, струится липкий пот,
Порою ящерица шустрая мелькнет,
Невольно думаешь: как здесь она живет?

Величествен Устюрт! Над ним струится мгла,
Он ветром огненным облизан догола,
И чудится: вот-вот сожжет меня дотла!..

2

Но веть поэзия своя и у пустыни:
Безлюдье дикое невольно вдаль влечет,
А огненный песок под небом бледно-синим,
Как море желтое, в глазах моих течет.

Весной то там то сям в песках цветы пестреют,
Томятся жаждою, дождя тоскливо ждут,
Но хищные лучи день ото дня острее,
Порывы знойные все беспощадней жгут...

Здесь цепкий саксаул я на бугре увидел:
За жизнь он борется уже не первый год.

Раскинул руки он, как верный покровитель,
И нежные цветы от зноя бережет.

БУРИЛЬЩИКИ

Вышли в степь бурильщики трудиться —
Что-то ищут в древней глубине.
Я гляжу на вышек вереницы.
И невольно мысль приходит мне:

Будто в дни былые наши предки
Здесь свои надежды погребли,
А теперь герои семилетки
Добывают их из-под земли.

САПОГИ НАПОЛЕОНА

В музее я ботфорты увидал —
Носил их император знаменитый.
Изящный вид, добротный материал —
Да, сапоги на совесть были сшиты!

Чтоб ноги императора в пути
Беречь от стужи, сырости и пыли,
Длинней обычных — до бедра почти —
Сверкающие голенища были.

Заметил я, что каблуки ботфорт
Высокими по-женски сделал мастер,
Вполне понятно: был властитель горд,
Да низок ростом на свое несчастье.

Казалось, что совсем новы, крепки
Надменные, блестящие ботфорты,
И лишь высокие их каблуки,

Как старые песты, порядком стерты.

При виде этих стертых каблуков
Я ощутил насмешливую гордость:
Средь русских перелесков и лугов
И каблуки, и спесь пришельцев стерлась.

Самоуверен был Наполеон —
Не знал о трудностях дорог российских:
Пришел на каблуках высоких он,
А убежать пришлось — на низких!

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Я следы войны увидел —
Зорко глянул ей в лицо.
Сердце дрогнуло тревожно,
Гневом жарким налилось,
Словно вокруг меня смыкалось
Вражье, злобное кольцо,
Словно смолкшее сраженье
С новой силой началось.

Сердца тяжкие удары
Распирают грудь мою...
Нарастает гул зловещий,
Шквал огня меня настиг...
Потрясенный, оглушенный,
Неподвижно я стою —
Кулаки до боли стиснул
И закрыл глаза на миг.

В этот миг слепящий, жгучий
Вихрь войны я увидал...
Толпы беженцев... Разрывы...

Кровли мирные в огне...
Молодую мать с ребенком
На бегу сразил металл...
Крик отчаянья донесся,
Плач младенца слышен мне.

К ним на помощь я рванулся
Сквозь слепящий вихрь огня,
Чтоб прижать к груди ребенка,
Мать от гибели спасти...
Но не смог... Удар внезапный
Грянул, с ног свалил меня,
И на землю, задыхаясь,
Я упал на полпути.

Нет! Так просто, так покорно
Я из жизни не уйду —
Оглушить меня не сможет
Смертоносная гроза.
Нет! С войной — убийцей подлой —
Счеты я еще сведу,
И пока бороться в силах,
Не хочу смежать глаза!

Пусть громады туч зловещих
Не затмят наш небосвод,
Пусть с беспомощным ребенком
Мать не мечется в огне...
Я следы войны увидел:
Время скоро их сотрет,
Но вовеки не остынет.
Наша ненависть к войне.

* * *

Не боялся я жестоких холодов,
Но боюсь, когда со мной ты холодна,

Не горел среди пылающих песков,
Но горю, когда ты нежности полна.

В дни успехов никогда не ликовал,
А когда смеешься ты — ликую я,
В дни печалей никогда не тосковал,
А когда тоскуешь ты — тоскую я.

Не пленялся я лукавой красотой,
Но пленен я простотой твоею был,
Не напился родниковую водой —
Лишь из губ твоих я жажду утолил.

* * *

Два вестника с утра пришли в наш дом —
Через порог переступили вместе,
Одновременно принесли в наш дом
Две разных вести, две неожиданных вести.

Одна — о том, что стал мой брат отцом,
Другая — что скончался дед почтенный,
На праздник к брату весело пойдём,
На похороны — скорбно и смиренно.

* * *

Ты растешь недосыгаемым цветком
Над ущельем, на вершине голубой,
Ты цветешь неувядаемым цветком,—
Кто счастливец будет, избранным тобой?

Знаю, многие к тебе стремятся ввысь,
С гладких выступов срываясь и скользя,
Были дерзкими, а все ж не добрались —
Недостойному достичь тебя нельзя.

Возмечтал к тебе приблизиться и я,
 Но когда твоей вершины я достиг,
 На ветру ты покачнулась, — лишь края
 Лепестков твоих погладил я на миг.

Опьянел я от любви, лишился сил,
 С высоты сорвался в гибельный провал,
 Дно ущелья кровью сердца оросил,
 Но не сдался — лишь отчаяннее стал.

И, быть может, снова в пропасть я сорвусь,
 Сердце пылкое о камни раздробя...
 Радость глаз моих, к тебе одной стремлюсь,
 Но сумею ли подняться до тебя?

* * *

Мимо бурной, пенистой реки
 Шли по горным кручам мы с тобой,
 Шли через кусты и тростники,
 Шли в лесу дремучем мы с тобой.

Скалы мрачные пугали нас,
 Но беспечны были мы с тобой,
 Вдалеке от посторонних глаз
 Целый день бродили мы с тобой.

В небо туча грозно поднялась,
 Но не испугались мы с тобой,
 Будто дети, за руки держась,
 Пели и смеялись мы с тобой.

Молния сверкнула, грянул гром,
 И бежать пустились мы с тобой,
 Вымокли под проливным дождем —
 Лишь развеселились мы с тобой...

Ночь прошла, и золотой рассвет
 У реки встречали мы с тобой,
 Где мы были до утра — секрет,
 Только не скучали мы с тобой.

Всем, о чем мечталось нам давно,
 Горячо делились мы с тобой,
 Не осталось тайн,— а все равно
 Не наговорились мы с тобой.

ИЗ ЦИКЛА "ДУМЫ ОБ АМУ-ДАРЬЕ"

1

МОЯ АМУ-ДАРЬЯ

Когда я в мир явился — ты текла,
 Я вырос — ты по-прежнему светла,
 Уйду из жизни — будешь течь упорно,
 Аму-Дарья моя, Аму-Дарья!

Но не хочу бесследно умереть —
 Хочу для будущего жить и петь,
 Не ведает мой взор другого мира,
 Аму-Дарья моя. Аму-Дарья!

Ты — символ жизни, вечная река,
 С тобою вера в жизнь моя крепка,
 Твой верный сын, тебя пою и славлю,
 Аму-Дарья моя, Аму-Дарья!

2

КОГДА ПРИХОЖУ Я К ТВОИМ БЕРЕГАМ

Когда ни приду я к твоим берегам,
 Дивлюсь на твое полноводье и ширь,—

За тысячи рек я тебя не отдам,
Любимая наша река-богатырь!

Готов что ни день я к тебе приходить,
Всегда на побережье с волнением стою,
Готов без конца за волнами следить,
Любуясь на силу живую твою.

Красива ты утром — в лучах золотых,
Красива под вечер — в закатном огне,
Стою на побережье, и в глубях твоих
Истоки бессмертные чудятся мне.

В тебе — и могущество, и красота,
Нет слов, чтоб величье твое передать!
Зимою и летом — свежда и чиста,
И неистошима твоя благодать.

Прости, если слов подыскать я не смог,
Достойных могучей твоей красоты,—
Внимаешь ты звону восторженных строк,
Но смысл этих строк понимаешь ли ты?

Рождаеть ты новые думы во мне,
Мудрее ты многих прочитанных книг...
Зачем вдохновенье искать в вышине,
Когда на земле — его щедрый родник!

ДАУЛЕН АЙТМУРАТОВ

(Родился в 1933 г.)

Свой творческий путь Д. Айтмуратов начал с сатирических стихов и басен. Первая книга поэта,

Хочу на Земле утвердить правоту новизны
И петь для людей я хочу задушевно и звонко!

Прекрасно дитя — мне бы в душу его заглянуть,
Но как заглянуть, если мальчик подвижен, как ртуть!
Скажу красоте: "Не беги, постоянно будь,
Хочу я смотреть, как ты блещешь и властно, и
тонко!"

Не следует лгать, потому что людская душа
Лишь правдой святой, лишь своей чистотой хороша.
Я к правде стремлюсь, только ею, бессмертной,
дыша,
И верить друзьям я хочу с простодушьем ребенка!

Я так человека ценю, что, взойдя на Казбек,
Скажу мирозданию: "Завидуй мне, я — человек!"
Чтоб душу людскую согреть, что близка мне навек,
Хочу я пылать горячо, как слеза жеребенка!

ОДИНОКАЯ БАШНЯ

Высокий, голый холм передо мной,
На круче башня старая видна:
Как дряхлый памятник поры былой,
Стоит она, безмолвна и мрачна.

Как будто странник на холме застыл,
Проделавший далекий, тяжкий путь,
Отчаялся он, выбился из сил —
Ему и шагу больше не шагнуть.

Осталась эта башня с тех времен,
Когда в давно ушедшие года
Среди угрюмых кочевых племен
Царили вероломство и вражда.

Но та эпоха навсегда ушла —
 Не возвратятся дни жестоких смут...
 В аулах наших дружба расцвела,
 Свободны люди, и свободен труд.

Что ж старой башне делать в наши дни?
 Лишь одиноко доживать свой век...
 Так без друзей, без внуков, без родни
 Злопамятный стареет человек.

ПЕСНЯ ГОРНОЙ ВЕРШИНЫ

Я стою на вершине горы... Надо мной
 Мчатся тучи куда-то, клубясь на лету...
 Я с вершины простор озираю земной,
 И волненье растет — словно сам я расту.

А внизу, в синей дымке, долины видны,
 И мерцает морская безбрежная гладь...
 Пусть обрывы страшны и ущелья мрачны,
 Счастлив я — и не в силах восторга унять.

Устремиться я к цели высокой готов,
 Пламенеет мой взор, погружаясь в простор,
 А вокруг, будто гребни застывших валов,
 Громоздятся громады причудливых гор.

Как величие мира волнует меня,
 Как мечтаю высоты судьбы покорить!
 Буду зорче и пламенней с этого дня —
 Только доброе в жизни хочу я творить.

Я стою на вершине — весь мир предо мной!
 Мчатся тучи куда-то, клубясь на лету...

Я с вершины простор озираю земной,
И растет мой восторг — словно сам я расту.

МЕЧТА

Как хотел бы я словами
Море звуков передать —
Все струение и пенье
Золотых, весенних дней!
И взволнованный, не в силах
С этой мыслью совладать,
Я брожу, напевы жизни
Различая все ясней.

Начинает мне казаться,
Что сбылись мои мечты,
Что в словах моих запела
И заискрилась весна,
Что в разливе трав душистых
Где рассыпались цветы,
Мне красавица внимает,
Ясноглаза и стройна.

Вздроснула от слов певучих,
Застыдилась и молчит,
Но, зардевшись, продолжает
Песнь весеннюю впивать...
Что чудесней, чем любимой
Радостно-смущенный вид?
Что еще способно душу
Так счастливо взволновать?

Прихожу в себя... Но втайне
Повстречаться жажду вновь
С той высокой, ясноглазой,
В золотистом блеске дня,—

В ней восторг я пробудил бы
 И ответную любовь,
 Чтоб моей подругой стала,
 Ясным солнцем для меня!

ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ ПРЕКРАСНОМ ЕСТЬ!

Хочу я склониться счастливец влюбленным
 Пред этим миром сине-зеленым, —
 Ведь все в этом мире можно найти:
 И счастье, и труд, и большие пути.
 Суровые будни, победные той,
 Свершенья, казавшиеся мечтою,
 И мужество, и трудовая честь —
 Все в этом мире прекрасном есть!
 Есть в нем святая любовь к отчизне,
 Красавицы есть — украшение жизни,
 Слепящее солнце над головой,
 Тепло и сиянье души живой.
 Есть и борьба, и гнев, и призывность,
 И детская трогательная наивность,
 Мечта, пламенеющая в груди,
 И цель — негасимая цель впереди.
 Есть и молчанье пустыни бесплодной,
 И буйство Аму-Дарьи полноводной,
 Чьи воды живящие пересекли
 Иссохшую грудь раскаленной земли.
 Есть и могучей весны дыханье,
 И моря торжественное колыханье,
 Влекущие душу громады гор,
 Раздолье степей, зеркала озер.
 Есть и подобное тайне манящей
 Лицо возлюбленной, сладко спящей,
 Взор материнский, заветы отца,
 Любовь, окрыляющая сердца!..
 Вот и склоняюсь счастливец влюбленным

Пред этим миром сине-зеленым:
 Счастье, и труд, и большие пути —
 Все в этом мире смогу найти!

СВETИСЬ, ЛЮБИМАЯ, СВETИСЬ!

Светись, любимая, светись!
 Блистай весенней красотой,
 Чтоб взволновалась грудь моя
 Счастливой, пылкою мечтой.
 Засмейся, подойди ко мне,
 Полна лукавства и огня,
 Чудесней музыки любой
 Твой звонкий голос для меня.

Смутись, любимая, смутись,
 Когда тебя окликну я,
 К твоей улыбке никогда,
 Наверно, не привыкну я!
 Не опускай смущенных глаз —
 В лицо стыдливо погляди,
 И сердце радостно замрет
 В моей взволнованной груди.

Дай полюбуюсь на тебя —
 Сейчас никто не видит нас,
 Хочу, чтоб дрогнула душа
 Под стрелами лучистых глаз.
 Влюблен я в этот гибкий стан,
 В походку легкую влюблен,—
 С тобою стала жизнь моя
 Похожа на счастливый сон!

Светись, любимая, светись,
 Ко мне поближе подойди,
 Чтоб ярче вспыхнула любовь,

В моей восторженной груди,
 Засмейся звонко, рядом сядь,
 Полна лукавства и огня,
 И пусть веселый голос твой
 Почаще радует меня.

РОДИНА

Всходящее солнце, весенних небес бирюза
 Сиянием радости мне наполняют глаза,
 Решимость мне дали потоки, бегущие с гор,
 Сегодняшним днем ненасытно любитесь взор,
 И мне улыбается юность, к вершинам зовет,
 Родина!

Озера твои золотятся в рассветном огне,
 Чудесные воспоминанья рождает во мне
 Твой светлый простор... Я на горной вершине стою,
 И ветер весенний врывается в душу мою.
 Гляжу с высоты: цветником необъятным цветет
 Родина!

В грядущие дни устремляю я радостный взгляд:
 За городом город растет — и красив, и богат,
 Повсюду сады, новостройки, плотины видны,
 А девы и юноши — статны, красивы, сильны,
 По светлым аллеям счастливая юность идет,
 Родина!

Чем дальше, тем большего станет желать человек,
 Мечтам и стремленьям пределов не будет вовек,
 Исчезнут в сердцах равнодушие, зависть и ложь,
 К планетам загадочным лучших сынов ты пошлешь
 И с гордостью будешь взирать на их дерзкий полет,
 Родина!

Под утренним солнцем сверкают озера твои,
 Волнуют и в путь увлекают просторы твои,
 Весенние ветры врываются в душу мою,
 В сиянье рассвета на горной вершине стою
 И ширью твоею люблюсь с орлиных высот,
 Родина!

Мне чудится: в море, в просторе его голубом,
 Навстречу вселенной ты гордым плывешь
 кораблем,
 Величие мира воочью представилось мне,
 Как будто на крыльях мечты я парю в вышине,
 И грудь взволновалась — тебе славословье поет,
 Родина!

МИНИАТЮРЫ

1

Двушка станет юной супругой,
 Потом превратится в мать,
 Но роза, что ей подарил любимый,
 Так и не сможет увянуть.

2

Бывает так человек велик,
 Что за его спиной
 Спрятаться сможет и клеветник,
 И негодяй любой.

3

Слепому дано увидеть только одно:
 Правду.

4

Сотни раз ударь, даже много тысяч,
 Но из тряпки искры не высечь.

5

Тому, кто низок душой,
Не упасть с высоты большой.

6

Если бессовестного человека
Бессовестным вовремя не назовешь,
Успеет вылезти он вперед —
Бессовестным сам тебя назовет,
Ведь для бессовестного человека
Слаще всего клевета и ложь.

БАСНИ**БУРДЮК**

Однажды старичок бахвал
Расхвастался перед соседом:
—Я не из тех, которым мир неведом.
Где только в молодости я не побывал!
На край земли ходил неоднократно,
В самом Ургенче был! Тебе понятно?
Сосед
В ответ:
—Что в этом толку, друг,
Коль даже скромности ты не привез оттуда?
В Ургенче ведь бывал и старый мой бурдюк,
Привязанный к горбу верблюда.

ЕРШ И КАМБАЛА

Играя как-то в глуби водоема,
Ерш заметил Камбалу на дне.

—Ты что, кума,
 Сидишь все время дома,
 Не видишь света, прячась в глубине?
 —Эх, кум!
 Худое время наступило...
 Вот, помню, в годы юные мои
 Сомам усами ландыши служили,
 В их плавниках свистели соловьи.
 Сазан тогда был рыбою святою,
 А я
 Не всякому такая честь! —
 Была у бога стелькой под пятою!
 Затей всех и чудес не перечеть!..
 — Что ж, вспоминай о прошлом, лежебока,
 А мне и наше время по плечу!
 Чтоб стелькой стал я под пятой пророка?
 Ну нет, шалишь!
 Быть плоским не хочу!

ЗАМОК И ВОР

Однажды ночью темною,
 Нахален и хитер,
 К воротам склада крадучись
 Пробрался жадный вор.
 Большой замок увидел он
 И стал его ломать —
 То ковырять отмычкойю,
 То ломом поддевать.
 Всю ночь с замком промучился —
 Взломать его не смог
 И в злобе проклял мастера,
 Что выдумал замок.
 Тогда замок не вытерпел
 И молвил наконец:

"Не мастера искусного —
 Себя ругай, подлец!
 Ведь если б в мире не было
 Таких, как ты, воров,
 Никто бы не придумывал
 Таких, как я, замков!"

ЖОЛДАСБАЙ ДИЛЬМУРАТОВ

(Родился в 1928 г.)

Свой творческий путь Жолдасбай Дильмуратов начал как детский писатель. Первая его книга вышла в 1954 году. В последующие годы он издает поэтические сборники "Цветок жизни" (1958) и "Караман" (1961).

Ж. Дильмуратов — автор поэм "Встреча", "Хороший друг" и др.

Некоторые произведения Ж. Дильмуратова публиковались на русском и узбекском языках.

КАРАМАН

Когда наш новый сад обрадовал аул
 И белоснежный цвет весною расплеснул,
 Зазеленел и ты, могучий караман⁵³,
 Свидетель многих лет, несущий караул.

Ты ветви распростер, как мощи торжество,
 Доносишь гул ветров до слуха моего.
 И где б я ни гостил, всегда спешил к тебе,
 И не было душе отрадней ничего.

⁵³ К а р а м а н — порода деревьев с большой раскидистой кроной.

Ты — символ красоты окрестностей родных,
 Поэзия царит среди ветвей густых,
 И юности моей ты тайну бережешь —
 Признания в любви невозвратимый миг.

Играло детство тут, под доброю листвою,
 Следы не заросли забвения травой...
 Как вспомню о тебе, бывшее вижу вновь,
 И над былым встает могучий образ твой.

ВОСПОМИНАНИЕ О КАНАЛЕ КЕГЕЙЛИ

Вкус воды твоей медвяной на губах несую.
 Дышит силой непокорной буйная волна.
 Берега твои дарили мне цветов красу —
 Алая и голубая, шла в аул весна.
 Юношей в твоих долинах часто я бродил,
 Плавал по зеркальной глади ласковой воды,
 И в садах, что свежей влагой щедро ты вспоил,
 В золотую осень с веток я срывал плоды.
 Отошла за детством юность, мой покинув кров,
 Вдохновением все чаще наполнялась грудь —
 И тогда, сливая с плеском голос мерных строф,
 Ты открыл мне день грядущий — песенный мой путь.

АРАЛЬСКАЯ РЫБА

Если наш народ гордится хлопком столько лет,
 То и про тебя сегодня знает белый свет,—
 Ведь глубинным, тучным стаям просто счета нет,
 От души даем народу дар Аральских вод.
 Серебристой, золотистой чешуей играй,
 Карпами и осетрами славься, вольный край.
 Наша рыба всем желанна — только выбирай.

Людям трудовым в угоду — дар Аральских вод.
 К берегу ладья подплыла, и трепещет в ней
 Груда рыбы серебристой средь густых сетей.
 Восхвалять я не устану до скончанья дней —
 В ясный час и в непогоду—дар Аральских вод.
 Ты вкуснее, чем осенний ароматный плод:
 Кто отведал, благодарен будет морю тот.
 Ты гуляй, плещись на волнах, рыба всех пород,
 Умножайся год от году, дар Аральских вод!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАВКАЗ

Светлые твои озера зеркалом блестят,
 И слепит цветов нагорных праздничный наряд,
 Солнечны твои долины, и густы леса,—
 Здравствуй, край снегов вершинных, каменных
 громад!

Низвергаются потоки с величавых гор,
 Торопясь по руслам-жилам на степной простор,
 И на яркие долины, тучи разорвав,
 С высоты Эльбрус кидает восхищенный взор.
 Здесь всегда звучнее бились гордые сердца —
 Те, что жемчуг слов рождали волею певца.
 Даже время пощадило гениев следы,
 Чье сроднилось вдохновенье с мыслью мудреца.
 Летопись событий давних вижу я вокруг,
 Память каждую приметку называет вслух,
 А когда я по тропинке на Машук всходил,
 Лермонтов возник нежданно, как второй Машук.
 Дивные его творенья средь людей живут,
 И поэзии вершиной все его зовут.
 Он как жемчуг драгоценный в недрах гор твоих —
 Дух стихов его могучих ощутил я тут.
 А пока я поднимался склоном Машука,
 Изумлялся я громадам гор издадека,

И как будто материнским, сладким молоком,
 Жажду сердца утолил я влагой родника.
 В скольких строках вдохновенных ты, Кавказ, воспет,
 Ты и мне вливаешь в душу вдохновенья свет.
 Ты опять меня заставил взяться за перо,
 Чтоб остался в скромных строках нашей встречи след.
 Шумный бег реки Ольховки по изломам скал
 Слушал я, когда спускался в сумрачный Провал.
 Никогда не позабыть мне вечера с тобой —
 Те часы, когда на юге август догорал.
 Каждый год я приезжаю, словно бы к родне,
 От забот я отдыхаю в горной стороне.
 Я брожу в садах тенистых, рву твои цветы —
 Для единственной, что сердце полонила мне.
 Я люблю воды журчанье, свежих струй игру,
 И прогулки в Пятигорске рано поутру,
 В дали с Лермонтовской Арфы я люблю смотреть,
 Разлучась навек с Кавказом, я в тоске умру.
 Плеск озер и звон потоков — музыка сама,
 Яркой зеленью пленяет листьев бахрому.
 Вместе с милым отчим краем, с хлопковой землей,
 О Кавказ, ты стал владыкой сердца и ума!

ХАЛМУРАТ САПАРОВ

(Родился в 1932 г.)

Творчество Халмурата Сапарова посвящено детям и молодежи. Издательство "Каракалпакия" выпустило три его книги: "Сажены" (1959), "Молодой мастер" (1961), "Ремез" (1965). Поэт учит детей любить природу, красоту и богатство родного края, а главное — быть трудолюбивыми, честными и смелыми молодыми строителями коммунизма.

Х. Сапаров — автор поэм "Мои современники" и "Корреспондент".

Стихи Халмурата Сапарова печатались в переводах на русский, узбекский, казахский языки.

ТРУСИШКА

Весной я пасеку завел
И говорю братишке:
—Пойдем, дружок, проверим пчел.
—Боюсь,— сказал трусишка.
—Да цел останешься, не трусь!
Захныкал он:— Боюсь, боюсь...
—А меду хочешь?— я спросил.
Он пальцы горсточкой сложил.

РЕМЕЗ

Гнезда ремезов — среди веток.
В каждом гнездышке — птенцы.
Червяков несут для деток
С огородов их отцы.

Знай, дружок, червяк — вредитель,
Нет врага растениям злей.
Ремез — друг твой, он — спаситель
Огородов и полей.

ЛЕНИВЫЙ КОТ

Мышка в шкаф проход грызет
А на кресле важный кот
Ничего не замечает,
Все поет, чего-то ждет.

Нет, ему не до мышей,
Хоть толкай его взащей.
Может, думает он, мышка
Завтра станет пожирней?

КАК Я РЫБКУ ПОЙМАЛ

Утром встал я очень рано,
Рыбной ловлей занялся.
Я хотел поймать сазана
Или просто карася.

Допустив в воде ошибку,
На крючок поймалась рыбка.
Взяв ее за плавники,
Я домой пошел с реки.

С детворой я дома дружен:
Сразу шум и кутерьма!
Будет вкусная на ужин
У ребят моих карма.

МОЙ БРАТИШКА

Мой братишка — во дворе.
День-деньской малыш в игре.
Даже дождик нипочем
Не загонит брата в дом.

Слышу — громкий плач раздался.
Я, конечно, испугался,
Прыг во двор — и увидал:
Поскользнулся он, упал.

Я братишку поднимать,
 Плачет малый — не унять.
 Подаю ему игрушки —
 Не глядит, ревет опять.
 — Ах, земля тебя свалила?—
 И давай я топать с силой,
 Улыбнулся братик мой,
 Побежал, смеясь, домой.

РЕБЕНОК И ГУСЕНОК

Мой брат годовалый и желтый гусенок
 Вдвоем ковыляли. Не скажешь—кто хуже.
 Братишка в два года — бегун, постреленок!
 Хромает по-прежнему гусь неуклюжий.

ПРО УТКУ

Как-то раз живую утку
 Принесла с базара мама.
 Поручила мне, мальчишке,
 Присмотреть за нею мама.

Я, сказать по правде, не был
 В эти годы домоседом,
 А уж тут с утра до ночи
 Все бродил за уткой следом.

Чуть к воде ее потянет —
 Я пугался не на шутку:
 Все ныряет да ныряет,
 Страшно — вдруг утонет утка!

НАБИ БУРЕКЕШОВ

(Родился в 1926 г.)

Первую книгу под названием "Стражи жизни" Наби Бурекешов составил из рассказов и очерков (1959), хотя стихи стал писать значительно раньше. Лишь через три года после этой книги он выпустил поэтический сборник "Сильные судьбы". В книгу вошли стихи и поэма.

Наби Бурекешов продолжает работать и как прозаик. Последнее его произведение — роман "Пламя мести", — в котором рассказывается о революционных событиях в низовьях Аму-Дарьи.

ПАРТБИЛЕТ

Я помню, ночью вышел из райкома,
(Не позабыть той светлой ночи мне!)
Я помню, счастливо и безмятежно
Луна плыла по небу на спине.

В ушах — слова напутствия: "Желаем
Тебе больших свершений, коммунист!"
По целине души как будто плугом
Прошлась та ночь. Стал мир велик и чист.

Как бы сиянье ленинского сердца
Вобрал в себя навеки партбилет,
И с той поры мне душу озаряет
Могучий, негасимый этот свет.

Свой партбилет горячею ладонью,
Я помню, прижимал тогда к груди,
И мне казалось: знамя коммунизма
Большой зарей алеет впереди.

Россия, как тебе я благодарен!
Казалось мне в ту ночь, что вдалеке
Я вижу сквозь распаханное время
Вождя родного на броневике.

В ту ночь всю жизнь мою вперед направил,
Мне озарил дорогу партбилет,
И я, наедине с самим собою,
Как будто перед ним держу ответ.

Как будто ночью той в стенах райкома
Доверили судьбу вселенной мне!..
А ночь была прекрасной и прозрачной.
Луна плыла в бездонной вышине.

ИСМАИЛ КУРБАНБАЕВ

(Родился в 1929 Г.)

В 1965 году вышел первый сборник стихов И. Курбанбаева "Есть такой парень в нашем ауле". Молодой поэт пишет о трудах и мечтах молодежи, о красоте родной земли, о думах и судьбах своих односельчан. Им написана также поэма для детей "Жумакуль мерген".

Издано и несколько прозаических произведений И. Курбанбаева, в том числе три повести: "Одноединственное слово", "Рождение" и "Невестка едет".

ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ

Твои дороги помню я, Кашира,
На них — следы бессмертные для нас...
Мне кажется,
Что стал и взгляд мой шире,
И силы стало больше во сто раз.

Вот Пронино.
А вот Кашира справа.
Остался перекресток за спиной,
И в хвойной нетускнеющей оправе
Впервые встали Горки предо мной.

Как будто Данко пламенное сердце,
В густом лесу сияет светлый дом.
Во все спешу с волнением взглядеться:
Здесь жил Ильич,
Здесь помнит все о нем.

Его дыханьем этот лес наполнен,
Приветлив с ильичевой простотой,
Он мог бы много о вожде припомнить,
Да жаль, что от рождения немой.

Он рассказал бы, как в тиши аллеи,
С тетрадкой присев на край скамьи,
О будущем моем душой болея,
Ильич писал последние статьи.

Они согреты зоркою заботой
О людях, что за ним с боями шли,
Что не жалели сил своих в работе
Во имя обновления земли.

Шумите, Горок мудрые деревья,
Слились навеки вы с моей судьбой!
Уеду я в свой край родимый, древний,
Но голос ваш останется со мной.

ЗАПИСИ ЖИЗНИ

Текут и текут невозвратные дни,
И течь после нас будут так же они.

Решил я: о прошлом не стоит жалеть,
С надеждой в грядущее надо глядеть.

Явился ты в мир и увидел его,
Но понял ли смысл бытия своего?

Неважно количество прожитых лет,
А важно, каким твой останется след.

И если мы радостно в завтра глядим,
То не потому, что мы к смерти спешим.

Кто стал бы рождаться, узнав наперед,
Что вскоре опять безвозвратно уйдет?

Трудись бескорыстно, собратьев любя,—
Добром после смерти помянут тебя.

* * *

"Нет... Слишком полна и капризная слишком.
А эта длинна, а вон та — коротышка,
У той голубые зачем-то глаза,
А вот черноглазая, но егоза,

Та слишком стыдлива, та слишком болтлива,
 А эта красива, но жаль — молчалива,
 Та, кажется мне, весела чересчур,
 Зато у подруги — вид слишком понур,
 А эта, видать, поумнее немного,
 Но что-то дика да еще толстонога..."

О девушки! Прочь от такого глупца —
 Причудам дурацким не будет конца.

ШАУДЫРБАЙ СЕИТОВ

(Родился в 1937 г.)

В 1964 году вышла первая книжка Ш. Сеитова для детей "Свисток". Издательство "Каракалпакия" > выпустило сборник его стихов "Где же ты, моя тропинка?".

Ш. Сеитов — автор цикла стихов "Говорит древний Хорезм", проникнутых раздумьями поэта о древнейшей цивилизации Востока, погибшей в результате завоевательских войн. Им написаны также две повести — "Много было улетевших журавлей" и "Беглянка".

Ш. Сеитов учится на заочном отделении Литературного института имени М. Горького. Псэт переводит с русского и узбекского языка. В его переводе изданы отдельными книгами "Дети подземелья" В. Короленко, повесть "Сирота" С. Айни, а также поэма М. Лермонтова "Черкесы".

ЭХО

Пустая школа.

Те ж портреты в рамах,

И доски...

О бывшего торжество!
 Здесь в классах,
 как в тысячелетних храмах,
 Хранится эхо детства моего.
 Я к парте подошел,
 но уместиться
 За ней не смог.
 Я посмотрел вокруг,
 И детство,
 словно хитрая лисица
 Так близко подпустив, исчезло вдруг.
 "Шаудербай!" —
 Себя позвал я звонко,
 И мне ответно
 загудел весь класс.

Как непохож
 на голосок ребенка
 Теперешний
 мужской,
 веселый бас.
 И вспомнился внезапно день далекий:
 С холщевой сумкою
 через плечо,
 Шел мальчик
 (я же сам!),
 веселый, ловкий,
 Что жил легко
 и верил горячо.
 Виденье детства
 даль земная скрыла,
 Я звал,
 но безответны времена.
 А в голосе моем
 давно окрепла сила,

И новых песен грудь моя полна.
 Хочу я,
 чтоб везде стихи мои звенели,
 Чтоб голос мой мужал,
 но не был груб,
 И чтоб от флейты,
 слышной еле-еле,
 Он поднялся
 До тембра звучных труб.

СЛОВО ОТЦА

Я крепким и выносливым родился,
 Хоть вольным детством и не наслаждался.
 И я, как одноплеток миллионы,
 Прошел сквозь пламя, выйдя закаленным.
 Я пас овец. Осталось и поныне
 Тоскующее детство в той пустыне.
 Сменив на штык пастушеский свой посох,
 Пошел за счастьем я для братьев босых.
 — Давно ль — ты спросишь — было это дело
 С тех пор полвека вихрем пролетело.
 Хоть холод нам пришлось узнать и голод,
 Но сердцем я еще и бодр, и молод.
 От капель пота молодого тела,
 Быть может, и земля помолодела,
 И капли крови — был я ранен пулей,—
 Быть может, в землю молодость вдохнули.
 Таких, как я, в то время много было,—
 Теперь в отчизне юной — наша сила.
 Идем мы с мощным караваном жизни,
 И жизнь моя вся отдана отчизне.
 Далеко молодость моя осталась,
 Но годы, мчась, не приближают старость —
 Я каждый миг пережитого славлю,

Им в сердце вечный памятник поставлю.
У каждого свой долг на этом свете,
И старец верит в заповеди эти:
И ты исполни долг свой до конца,
О сын, не знавший горестей отца.

НА ОЗЕРЕ

Ресницами тростник
Дрожит в закатный миг,
А озеро блестит верблюжьим глазом.
Уже не горячи
Вечерние лучи,
Зайдет светило — и погаснут разом.

Из-за прибрежных круч
Горит последний луч,
А я стою с двухстволкой наготове,
На лебедей смотрю,
Летающих на зарю,
Похожую в воде на море крови.

А стая лебедей
Все ниже, все смелей,
Расправив крылья, рассекает воздух,
И бьет, и бьет в обрыв
Взволнованный прилив,
И брызги рассыпаются, как звезды.

Стал угасать закат,
Лишь отблески горят
Над синей мглой задумчивой долины...
А лебеди ко мне
В озерной тишине
Плывут, как в лунных бликах балерины.

Была среди них одна
 Особенно стройна,—
 Но разве взять живьем ее сумею?
 И поднял я ружье,
 Прицелился в нее —
 В крылатую, пленительную фею.

Так тихо все вокруг,
 Что слышен сердца стук,
 И плеск воды, и листьев сонный лепет.
 О лебединый плач!
 Я выстрелил, палач,
 В прекрасную свою царицу-лебедь.

Не смог я красоту
 Настигнуть на лету,—
 Красавица взвилась и потонула в тучах...
 На крылья обопрясь,
 Лежит, скатившись в грязь,
 Другая, вся в кровавых пятнах жгучих.

Не ту я подстрелил,
 Которую любил,
 А пала жертвою красавица другая...
 Тоскуя и любя,
 Напрасно жду тебя,
 Твой горделивый взлет припоминая.

* * *

Заря весь мир обрызгала вином,
 Над озером, словно колдунья, ива,
 Покинул ястреб на ветвях свой дом,
 В цветах лужайка, как платок, красива.

Вобрав в себя весь мир в рассветный миг,

Роса блестит на лиственных узорах.
 Перепелов звучит веселый крик,
 И журавли отражены в озерах.

Цветы в саду влюбленны и чисты,
 И словно молодые новоселы,
 Летят, целуя свежие цветы,
 Мохнатые, восторженные пчелы.

Недаром манит их цветочный мед,
 Недаром их томит весенней жаждой,—
 От поцелуев их на ветке каждой
 Родится плод любви — румяный плод.

* * *

Как бесприданница, земля бедна.
 Лишь первый луч сверкнул на тихих волнах,
 И в облачках еще заря бледна —
 Но жаждет солнца пламенный подсолнух.
 Полдненным зноем сожжена земля.
 Вьюнок чуть жив на выгоревших склонах.
 В тень с жаркого песка спешит змея.
 Но жаждет солнца пламенный подсолнух.

День отпылал. Вечерний воздух чист,
 Огни заката тонут в водах сонных,
 И горизонт уже задумчив, мглист,
 Но жаждет солнца яростный подсолнух.

МОЯ ДУША

Душа дороги шире столбовой,
 Весь мир она легко вместит, все страны,
 И отчий край с небесной синевой,
 И звезды, и хребты, и океаны.

И если сердце ближнего болит,
 Печалюсь я, душа мягка, как вата.
 Но если бой — душа как монолит,
 Непримиримая душа солдата.

В душе моей, вмещающей весь мир,
 Бесчестному нет места, нет привета,—
 "Ты умер для меня, хоть был мне мил",—
 Другого не дождется он ответа.

Душа моя открыта для друзей,
 Для них всегда — весь свет ее, вся сила,
 Для верных солнечно вершина в ней,
 Но в ней черна изменницы могила.

ЛЮБЛЮ

Весенний ветер радостен и молод
 И отступает зимний лютый холод.
 Умчались тучи, снова даль просторна,
 Упали в землю золотые зерна.
 Потоков вешних звонко рокотанье,
 Гусей летящих гулко гоготанье.
 "Пора!" — промолвит на заре дехканин
 И разгорается работа в поле.
 Потом, когда земля вся золотая,
 И в небе плачут гуси, улетаая,
 Встав у ворот дехканин машет стае,
 Ее прощальным словом провожая: —
 Летите, гуси, весело и шумно,
 Высокие под вами тают гумна,
 Не бойтесь неминуемой разлуки,
 Взгляните на озера, на излуки,
 Туда, где вы птенцам весь мир открыли.

Окрепнут в перелете ваши крылья.
 Я приходил к вам — помните вы это?
 Тогда у вас господствовало лето.
 Я говорил вам: "Плавайте, не труся,
 Играйте, весело плескайтесь, гуси,
 Вас не спугнет ни гром ружья, ни пламя,
 Я гость ваш, гуси, я люблюсь вами.
 Я жизнь люблю, я верный друг природе,
 Пусть больше будет вас на небосводе,
 Пусть ваши крики огласят просторы,
 Пусть от птенцов белеют все озера.
 Мне, как и вам, противен свист картечи.
 Я мирный человек. До новой встречи!

УЗАКБАЙ ПАРЖАНОВ

(Родился в 1937 г.)

Стихи молодого поэта Узакбая Пиржанова неоднократно печатались на страницах каракалпакских газет, в журнале "Аму-Дарья".

У. Пиржанов пишет и прозу,— опубликованы его повести "Портрет" и "Августовский вечер".

У ДОРОГИ

(Тазгаранскому памятнику героям гражданской войны)

Дождь перестал, холодный ветер стих,
 Плывут по небу клочья туч седых,
 И путники, скользя по мокрой глине,
 Идут сюда, к задумчивой долине,
 Где у дороги, темен и уныл,
 Раскинул ветви старый торангыл.

Он с листьев слезы дождевые льет,
 Он словно все ветра к себе зовет,
 Стоит верблюдом старым у дороги —

Как будто верблюжонка ждет в тревоге.
 Уж много лет страдает он — о чем?
 Тоскует и вздыхает он — о чем?

Послушай, старый, строгий торангыл,
 Растущий у дороги торангыл:
 Гебе недолго одному томиться —
 Весной к тебе опять слетятся птицы
 И будут петь о солнце и любви,
 Развеют думы горькие твои.

Следы от пуль, что на коре твоей,
 Похожи на глаза слепых людей...
 Так Расскажи мне о сраженьях старых,
 О пламенных бойцах и комиссарах,
 Что гибли здесь от вражьего огня,
 Когда на свете не было меня.

Недаром твой суровый, тихий шум
 Нам навевает столько скорбных дум:
 Боль по друзьям погибшим и поныне
 В твоей сокрыта темной сердцеvine,—
 Ведь ты когда-то очевидцем был
 Их гибели геройской, торангыл.

Здесь одинокий памятник стоит,
 Царит молчанье у гранитных плит...
 О старый торангыл! Ты доброй тенью
 Теперь служи иному поколенью
 И странника, уставшего с пути,
 Густой листвой от зноя защити.

МОЕ ДЕТСТВО

Детство, детство! Ты опять передо мной —

Вспоминается мне снова край родной.

Вон на дереве гонец весны — удоб
Все одну и ту же песенку поет.

Вон отважными скитальцами вдали
Пролетают с криком гуси-журавли.

Вновь деревья одеваются листвою,
Чтобы путников спасти в палящий зной.

Темных туч плывет бродячий караван,
Будто в поисках недостижимых стран.

И дождинки по камням бегут, искрясь,
В землю вешнюю впитаться торопясь.

Травы, блещущие утренней росой,
Склоны гор покрыли вешнею красой!

И козлята по обрывам прыг да скок,
Не боятся, что обвалятся в поток.

А ягнята так кудрявы и скромны,
Словно баловни заботливой весны.

Вдоль арыка резво бегают они,
Приустанут — и улягутся в тени.

Я шагаю,— а кузнечики, звеня,
Ловко прыгают подальше от меня.

И зайчата белолобые стремглав
Прочь несутся, уши чуткие подняв...

Эй ты, детство озорное, отзовись,
Не играй со мною в прятки — появись!

Буду снова ярких бабочек гонять,
Вечерами разожгу костер опять

На речном, зеленом, темном берегу —
В том тумане, что рассеять не могу.

ТУЛЕПБЕРГЕН МАТМУРАТОВ

(Родился в 1939 г.)

Т. Матмуратов — молодой поэт-лирик, Его стихам свойственна теплота и задушевность. Эти черты нашли свое выражение и в его поэме "Айсанем", повествующей о чистой и трогательной любви двух молодых сердец.

Издательство "Каракалпакия" выпустило два сборника стихов Т. Матмуратова — "Тополь белый или зеленый?" (1965) и "Лирика" (1966).

Я ХОЧУ

Я хочу, чтоб стихи мои свет излучали,
Как весенних ночей голубые светила,
Чтоб они врачевали людские печали,
Чтобы в душу вливали надежду и силы.

Я хочу, чтоб стихи мои пахли весной,
Чтоб сердца родником освежали журчащим,
Но могли бы мгновенно, готовые к бою,
Стать оружием, врагов беспощадно разящим.

Вижу день: уничтожены бомбы, снаряды,
 Из кинжалов стальные штампуются перья,
 А над миром грохочет стихов канонада —
 В силу слов, в силу строк,
 В силу разума верю!

ТАК КРАСИВ ЭТОТ МИР

Что значит человек живой?
 Движенье и огонь!
 Тебя я поднял, шар земной,
 Взял на свою ладонь.

Чудесен, разноцветен ты,
 В руках тебя верчу:
 Так много в мире красоты —
 Всю обозреть хочу!
 Так много в мире красоты,
 Что целый век дивись!
 Она — и мощные хребты,
 И луговой нарцисс.

То ручейком звенит в лесу,
 То девушкой идет,
 Что заплела себе в косу
 Созвездий хоровод.

То в душу звуками течет,
 Чарующими слух,
 То воздвигает звездный свод,—
 Захватывает дух!

Мне хочется обнять весь мир,
 Но — не могу обнять,

Он мне так бесконечно мил,
Что глаз не оторвать.

Страшусь по-гамлетовски я
Всего, что мир грязнит...
Красива ты, земля моя —
Мой светоч, мой магнит!

* * *

Отважусь ли ответить на вопрос:
Кто самым светлым сердцем обладает,
Кто глубже всех во тьму, в пороки врос?
Не знаю я, Да и никто не знает.

Ответь, какая женщина одна
Всех женщин красотою затмевает?
На свете существует ли она?
Не знаю я,
Да и никто не знает.
Когда наступит мой черед уйти,
Когда живое сердце отпыляет?
Где упаду я замертво в пути?
Не знаю я,
Да и никто не знает.

И сколько суждено еще скакать
Коню мечты, что время обгоняет?
Хотел бы я теперь об этом знать.
Но я не знаю.
И никто не знает.

ПОМНЮ

Как-то раз ты, беспечно играя,
Предложила: кто дольше из нас

Сможет выдержать, не мигая,
Взгляд других немигающих глаз?

"Что, не можешь?
Смотри, разморгался,
Точно полные веки песка!.."
Как я злился
И как терялся.
Как досада была глубока!

Этот день
В невозвратном затерян,
Как в зыбучих песках на ветру...
Как теперь бы хотел я затеять
Нашу детскую эту игру!

Не отвел бы свой взгляд я навеки,
От твоих удивительных глаз.
Нет любимей тебя человека!—
Это понял я только сейчас.

ТВОИ ЛУЧИСТЫЕ ГЛАЗА

Как самому с собой бороться?—
Ведь с этой памятной весны
Тебя забыть не удастся,
Тобой полны и явь, и сны.
Я помню:
Ты со мною рядом,
Тайком обнять тебя хочу,
Но ты кого-то ищешь взглядом,
И я растерянно молчу.
Мне вспоминать невыносимо.
Чернее я не помню дня:

Ты холодно смотрела мимо,
 Как будто вовсе нет меня.
 О, что в душе понатворили
 Твои лучистые глаза!
 Когда бы мне они светили!..
 Но меркнет неба бирюза
 Под пеленой,
 За облаками,—
 Любовь померкла, отцвела...
 Не сердце мне —
 Холодный камень
 В обмен на сердце ты дала.
 И все равно,
 Когда ты часто
 Проходишь об руку с другим,
 Я вслед тебе желаю счастья
 Всем сердцем любящим своим.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

О, если бы камню — печали людей!
 От камня осталась бы горстка углей.
 О, если бы камню — улыбку людей!
 Цветка полевого он стал бы светлей.

* * *

Ты ценишь не чувства — лишь мысли свои,
 Ты думаешь: разум над миром царит,
 А завтра нагрянет безумство любви —
 Твой разум холодный шутя покорит.

* * *

Чем вас подвести, дорогие друзья,
 Чем перед страной провиниться моей,
 Уж лучше в степи, без еды и питья,
 Погибну на ложе из голых камней.

* * *

Горячим свинцом будешь ранен в бою —
 От смерти сумеют тебя уберечь,
 А ранят обидою душу твою —
 Отравленных слов из души не извлечь!

* * *

Я клялся, я душу тебе изливал —
 Твой взгляд оставался холодным, чужим...
 Когда б я врага, как тебя, умолял,
 Давно бы он сделался другом моим!

* * *

На резвый ручей устремляю свой взор
 И думаю: жизнь — это струйка воды.
 Гляжу на вершины незыблемых гор
 И думаю: вечны мечты и трудь

УЛМАМБЕТ ХОЖАНАЗАРОВ

(Родился в 1938 г.)

Первые свои стихи У. Хожаназаров опубликовал в 1963 году. Наряду с лирическими мотивами в поэзии У. Хожаназарова отчетливо звучат и мотивы гражданские,— в этом отношении показательна его поэма "Обычный сельский разговор". Раздумьям о судьбах народа, о суровых уроках истории посвящен цикл его стихов "Из Бухарской поездки".

* * *

Хочу быть молнией во тьме ночной —
Внезапной вспышкой ослепить твой взор,
Хочу тропу найти в глуши степной —
По ней уйти в непознанный простор,
Хочу ребенком бегать босиком
По теплым травам летним вечерком.

Пастушеской свирелью стать хочу,
Звучать вдали — в безмолвии песков,
Хочу подобно тайному лучу
Светиться в черноте твоих зрачков...
Все, что когда-то людям не дал бог,
Отнять у бога я бы им помог!

Хочу познать земную широту,
Хочу, чтоб счастье мне земля дала,
Хочу я видеть в людях доброту —
Жить человек не может без тепла,
Хочу я радостей, страстей и гроз,
Но видеть не хочу покорных слез.

Хочу я соколом бесстрашно взмыть —
С вершины на земной простор взглянуть...
Как весь огромный мир в груди вместить?
Но распахну ему навстречу грудь,
Все совершу, о чем давно мечтал,
Чтоб этот мир еще прекрасней стал.

ИВА

Над речкой гнется ива молодая,
И радостно колышутся цветы...
Шепни мне ветер, с дальних гор слетая:

Какую весть несешь с собою ты?

Повеял ты,— и все пришло в движенье,
С лугов донесся сладкий аромат,
А у ветвей — такое выраженье,
Как будто знают что-то, но таят.

Рассвет горячим золотом сверкает,
Природа рада каждому лучу,—
Все радостному сердцу обещает,
Что от любимой весть я получу.

УТРО

Восток все голубей и золотистой —
Лучи теснят ночную темноту.
Все замерло... И лишь лепечут листья,
Да ветер что-то шепчет на лету.

Вот, приготовясь к утреннему пенью,
Встряхнулся соловей, на ветку сел,
А звезды смотрят с грустным сожаленьем
Их блеск уже заметно потускнел.

Шумит канал, не знающий покоя,
Еще туманен берег... Но смотри:
Крылом тревожа гладь, летят стрелою
Две ласточки — предвестницы зари.

СКАЧЕТ ЖЕРЕБЕНОК

Скачет, скачет жеребенок.
Жеребенок, как ребенок —
Добродушный, ласковый,
С доверчивыми глазками.

То налево, то направо
 По камням бежит и травам,
 По тропинке, через мост,
 Распустив по ветру хвост.
 Ржет он звонко, тонко-тонко.
 Зазывают жеребенка
 Степь, луга и дальний лес —
 Беспредельный мир чудес.
 Грива плещется густая,
 Ноги — струнки, хвост — трубой...

Пусть седла он не узнает
 И кнута над головой.

ВСТРЕЧА

Мы, словно птицы, встретились случайно
 У перекрестка, где стоят такси...
 Тебя искал я долго и печально
 И мысленно просил тебя: прости!..

Давно меж нами оборвалась привязь —
 Пять лет прошло с того дурного дня,
 Когда, на мелочь глупую обидясь,
 Исчезла ты — покинула меня.

Теперь я вижу: муж с тобою рядом,
 А на руках ты держишь малыша.
 Тебя я молча поздравляю взглядом —
 И отхожу, куда-то заспеша...

СКУПОСТЬ

Была она розою огненно-красной.

Жемчужной росой на весенней листве.
 Была дуновеньем прохлады атласной.
 Голубкой, летящей в густой синеве.

Звездой была она необычайной,
 Была золотистым, пушистым плодом,
 Рисунком была с затаенною тайной,
 Густым камышом над зеркальным прудом.

Но скупость законы природы явили,
 Что щедростью дарят обычно сердца:
 Все дочки не в мать, не в красавицу были —
 Увы, походили во всем на отца.

МОЛЬБА

Когда бросалась ты потоком грозовым
 На берега, чтобы ломать и грызть их,
 И люди жертвовали самым дорогим
 Для утоления твоей корысти,
 Когда играючи, с улыбкой плутовской,
 Ты всё брала, что надо и не надо,
 А после, выйдя из воды сухой,
 Спешила прочь, назад не бросив взгляда,—
 Тогда казалось, что в твоих руках —
 Все нити счастья, славы и успеха,
 Но все равно в глазах, искрившихся от смеха,
 Мольбу я различал — мольбу и страх.

Я ТАК ОЗАБОЧЕН ЛЮДСКОЮ СУДЬБОЙ...

Глаза обжигали, а голос был нежен,
 Всех сверстниц была ты когда-то стройней.
 Как много надежд погубила ты!.. Где же
 Все те, кто любви не добился твоей?

Зачем же теперь сожалеть, дорогая,
 Что прочь невозвратно умчались года?
 Ведь выпустив сокола, ловчие знают,
 Что он не вернется назад никогда.

Не надо грустить... Тяжелей мое бремя:
 Я так озабочен людскою судьбой!..
 А если б родились мы в разное время,
 Сегодня я не был бы рядом с тобой, Не так ли?..

ПИСЬМО СОЛДАТА

Скоро дальний звук свирели затоскует о любви,
 Журавли с протяжным криком над селеньем
пролетят,
 Ветер крыльев их овеет косы черные твои,—
 Дни считай тогда по пальцам и дыханье затаи:
 К поздней осени в селенье возвратится твой солдат.

ИЗ "БУХАРСКОЙ ТЕТРАДИ"

ВСЕ ВЕТШАЕТ

Дворцы, медресе, пережив поколения, ветшают,
 Корана священного нравоученья ветшают,
 Твердынь крепостных вековые строенья ветшают,
 Железо и бронза, и даже каменья ветшают.

Где ткани, ковры, драгоценная кладь караванов?
 Где сукна багряные из тонкорунных баранов?
 Дворы постоялые после горячих барханов?—
 Проходят века, и людские творенья ветшают.

Где слава батыров, когда-то повсюду известных?

И где их клинки, чьи удары прославлены в песнях?
 Где мудрые старцы, читавшие судьбы в созвездьях?—
 Былые деянья под пылью забвенья ветшают.

Лишь звезды одни. Да, лишь звезды живут
бесконечно,
 В бездонных высотах сверкая бесстрастно и вечно.

БАШНЯ

Это было, а может быть нет, в Бухаре,
 В Бухаре — на вечерней заре.

Там старинная башня, строга и стройна,
 Выше всех минаретов она.

Но взгляни на отвесную кладку камней:
 Словно крови подтеки на ней.

Как на старом браслете — рубин в серебре
 Алый блеск на стене — на заре.

Было это в годину раздоров и бед,—
 Кто-то подал эмиру совет:

"Чтобы недругов вешать, веревок не трать
 Лучше попросту с башни бросать!"

Говорят, был эмир так доволен и рад,
 Что советчику выдал халат,

Смельчаков, бунтарей с этой башни крутой
 Стал бросать на заре золотой.

Много лет пролетело с тех пор, но молва

О народных страданиях — жива.

И на башню взойдя, глядя вниз с высоты
Хоть на миг призадумайся ты.

КЕНЕСБАЙ РАХМАНОВ

(Родился в 1942 г.)

К. Рахманов — представитель талантливой поэтической молодежи. Во время службы в рядах Советской Армии молодой поэт написал ряд стихотворений о солдатских буднях, о нашем советском патриотизме ("Родина", "Эдельвейсы увяли" и др.). Недавно им написан цикл шестистиший, в которых поэт делится с читателем своими раздумьями о жизни, о человеческих судьбах.

РОДИНА

Если вспыхнула кровь на песке, словно пламя,
Иль сломают черемухи ветку с цветами,
Иль пьяный огонь дом лизнет языками,—
Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если сверху кирпич с новой стройки сорвется,
Если в горе старик поседелый согнется,
Если плачем дитя безутешно зальется,—
Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если сына одна только мать потеряет,
И одна молодая жена зарыдает,
И один только сад без присмотра увянет,—
Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если тропка покроется горной травой,
Школа будет покинута вдруг детворою,
И река берега обломает волною —
Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если в грозную ночь пред грозой я не встану,
Если в бедственный день пред бедой я не встану,
Если, щит твой и меч, пред войной я не встану,
Только я виноват, покарай меня, Родина.

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ УВЯЛИ

Давно уже увяли эдельвейсы
И поселились в тучах пять гостей⁵⁴.
Дожди омыли города и веси,
И птицы в южных странах ждут вестей.

Как будто небу приказав: "Пролейся!" —
В объяття ливни приняла земля.
В горах давно увяли эдельвейсы,
Пришли морозы, склоны гор беля.

Пусть буря в небесах крылами машет,
Пусть ночь беззвездна, стужа все лютей,
Наш полк идет в неутомимом марше, —
Упрямее природы дух людей!

Чтоб ни было — труба зовет солдата,
И он идет, чеканя четкий шаг.
Он соловьем всегда споет для брата,
Орлиный клекот вечно слышит враг.

⁵⁴ "Пять гостей" — народное название пяти дней в конце сентября, когда обычно начинаются первые заморозки.

В горах давно увяли эдельвейсы,
Но в сердце страсть по-прежнему сильна!
Ты у огня любви в морозы грейся.
Уйдя, вернусь я снова — как весна.

ЦВЕТЫ

Весна уходит, солнце жжет все злее,
А облака плывут снегов белей
И, видя красоту земли, жалеют,
Что влагу, подарить не в силах ей.
Забыв печаль, стою я на скале
И думаю о небе и земле.

Могучая природа оживает,
В степи цветы доверчивы, чисты,
Хоть осенью безжалостно срывает
Безумный ветер нежные цветы.
Живут цветы, и ярок их покров,
Их корни все-таки сильней ветров!

* * *

Нельзя измерить даже океаном
Любовь к стране, что так мне дорога!
Хоть он разлит по всем меридианам,
Все ж у него есть дно и берега —
Любовь нельзя измерить океаном.

Любовь нельзя земным измерить шаром,
Любовь, что мне внушила с детства мать
Вокруг Земли при Магеллане старом
Еще прошли. Любовь же не объять,—
Любовь нельзя земным измерить шаром.

Так высока любовь моя к подруге,
Что горы в блеске солнечных лучей,
Вершины высочайшие в округе —
Лишь у подножия любви моей,
Так высока моя любовь к подруге.

И если буду уличен в измене,

Меня отчизна покарать должна,
 Пусть даже мать откажет мне в прощенье,
 Пусть отвернется от меня жена,
 Когда я буду уличен в измене.

Я б ничего не стоил, жертва страха,—
 И капли океана с этих пор,
 С земного шара даже горсти праха,
 И камня одного с высоких гор,
 Я б ничего не стоил, жертва страха.

ШЕСТИСТИШИЯ

1

Я учился у людей всему —
 Разговору, смеху и движенью,
 Даже думам, даже своему
 Немудреному стихосложению.

Много я умею — то и то,
 Только плакать не учил никто.

2

"Сотворен из глины, в глину превращаюсь я зачем?" —
 Так скорбел Хайям печальный в баснословные года.
 Что же! Живы иль мертвы мы, а закон единый всем:
 От земли своей, как видно, нам не деться никуда.

Вы в земле, и мы за вами — тоже в землю, чередой,
 Для того, чтоб новым людям совершать поклон
 земной.

3

Женился я. Они кричат кругом:
 Ах, что он сделал?.. Горе, дод-вайдод!¹
 Кого привел в родительский он дом?

Без воспитанья, чем она возьмет?

Развелся я. Кричат, что было сил:
Ах, что он сделал?.. Счастье он разбил.

4

К старику зашел рассказчику, и вот,
Словно я в музее, он — экскурсовод.

А другой старик тупым и хмурым был,
Не на кладбище ль я с ним среди могил?

Третий же старик буянил так,
Будто я не в дом попал — в кабак.

5

Девичья душа тонка, как струна,
Будь с ней осторожен и зря не тревожь.

Девичья душа тонка, как струна,
Заденешь не так — и ее оборвешь.

Ее оборвешь. А ведь, может быть, в ней —
Лады неоконченной песни твоей.

6

Листья ивы шумят на ветру.
На ветру, на юру, поутру.

Я, как ивовын лист пред тобой,
Пред моей беспокойной судьбой.

Если ветер ты — только качнешь,
Если буря — то с ветки сорвешь.

7

Как река без воды — обмелеет, забудется,
Как и сад без плодов — опустеет, забудется,
Как дорога травой зарастет, непроезжая, —
Человек без труда — захиреет, забудется.

Потому и должны мы призванье искать,
Чтобы путником средь бездорожья не стать.

8

Целуемся мы в молодости, друг,
Но женщины стареют и мужчины,
Глядишь, у нас и ласковых подруг
Не поцелуи на лице — морщины.

О милая, предвидя эти дни,
Вкус поцелуя в юности цени!..

9

В моем роду талантов, право, нет,
Ни музыкант в нем не был, ни поэт,

И сестры музыкой не увлекались,
И братья от сестер не отличались.

Но пел отец когда-то песню нам,
Вполголоса, во тьме, по вечерам.

ПОЭЗИЯ — ВЕРНАЯ СПУТНИЦА НАРОДА

Поэзия — одно из первых и основных творений духовной жизни каждого народа. Зарождение самостоятельной каракалпакской поэзии относится к периоду формирования каракалпаков, как народности, но глубокие корни этой поэзии уходят в еще более ранние времена — в духовную жизнь древних массагатов, черноклобуцко-печенежских племен, кипчакского и ногайского союзов, откуда ведет свое происхождение этот народ.

Каракалпакский фольклор очень богат и разнообразен. Сохранившиеся и по сей день легенды и сказки, пословицы и поговорки, исторические и обрядовые песни, героические эпосы, являющиеся гордостью нашего народа, как бы компенсируют его сравнительно немногочисленные письменные памятники. Известный казахский просветитель-демократ прошлого века Чокан Валиханов не без основания говорил в свое время: "Тысячи рассказов, повестей, песен и историй сохранились в памяти каракалпаков... Каракалпаки почитаются в степях первыми поэтами и песенниками". Одних только эпических поэм вместе с вариантами насчитывается у каракалпаков более пятидесяти!

Каракалпаки, как подтверждает современная историческая наука, сложились в народность в Приаралье. Наиболее ранними предками их, по выражению древнегреческих историков, были "массагеты болот и островов", в том числе предшественники печенегов-апасиаки (VII—II вв. до н. э.). Предками каракалпаков в эпоху средневековья считаются печенеги, огузы, кипчаки. А этногенез каракалпаков, формирование их в народность,

окончательно завершается в послемонгольский период (XV в.) в составе Ногайского союза.

Скудны и отрывочны дошедшие до нас свидетельства древних историков. Но даже по отдельным эпизодам из жизни наших далеких предков можно судить об их мужестве, гордости, свободолюбии.

Древнегреческий историк Ктесий сообщает о том, как персидский царь Кир захватил в плен предводителя племени саков Аморга. Тогда отважная Спаретра — жена Аморга — собрала войско из мужчин и женщин своего племени, разбила отряды считавшегося непобедимым царя Кира и освободила своего супруга.

А когда после покорения Мидии и Вавилона царь Кир двинул свое войско на массагетов, его постигло еще более сокрушительное поражение. Царица массагетов Томирис сумела заманить захватчиков в пустынную степь, где и разгромила персидское войско. В этой битве погиб и сам Кир, основатель могущественной по тому времени персидской державы. Было это в 529 году до н. э. Повествуя об этих событиях, "отец истории" Геродот, основываясь на эпических сказаниях, сообщает о том, как царица Томирис приказала погрузить голову Кира в мех, наполненный кровью, чтобы "напоить кровью ненасытного".

Два века спустя, в 328 г. до н. э., на земли Средней Азии вторглись войска Александра Македонского. К прославленному полководцу явился посол хорезмского царя Фарасмана и от имени своего повелителя предложил ему помощь, если Александр Македонский захочет покорить амазонок — соседей хорезмийцев. Однако грозный завоеватель не решился двинуть свои войска на амазонок. Легенда рассказывает, что в ответ на это предложение Александр якобы изрек: "Не будет

большой чести, если я одержу победу над женщинами, а если потерплю поражение, то это будет вечным позором!" Как знать, быть может, ему вспомнилась тогда плачевная судьба персидского царя Кира.

Отголоски этих древнейших событий, отголоски далеких времен матриархата, героических дел амазонок-массагеток, можно различить во многих эпизодах знаменитой каракалпакской эпической поэмы "Сорок девушек". И еще раз убеждаешься в правоте известных слов Белинского: "Поэзия верна истории".

Героическая поэма каракалпакского народа "Сорок девушек" — замечательное порождение человеческого гения.

Мощная и увлекательная, тонко передающая самые разнообразные оттенки человеческих чувств, насыщенная красочными народными образами, эта поэма является вершиной эпического творчества нашего народа. Главная героиня поэмы — отважная и благородная воительница Гулаим — воплощает в себе высокие идеи справедливости и гуманизма, беззаветной любви к родине, а ее любовь к хорезмскому богатырю Арыгслану являет собою образец чистоты и верности. В поэме нашла отражение и идея братской дружбы между народами: после победы над чужеземными завоевателями освобожденной страной начинают править представители четырех населяющих ее народов.

Но самое значительное, что отличает этот эпос от героических сказаний многих других народов — это то, что основные герои поэмы — девушки, сорок славных девушек, защищающих родину, изгоняющих полчища чужеземных захватчиков, борющихся за справедливость, за мирную, счастливую жизнь родного народа.

Смелость, мощь и великодушие звучат в словах верной помощницы Гулаим — Сарбиназ, когда она бросает вызов захватчику и поработителю хану Суртайше:

Эй, ты хан Суртайша, закрой свою пасть,
 Я ногами твою попираю власть.
 Я — Саркопа несдавшегося посол,
 Не тебе моей кровью напиться всласть.
 Гулаим не желает народу зла,
 И в столицу твою не затем вошла,
 Чтоб народ неповинный карать-казнить
 И обители мирные жечь дотла!

(Пер. А. Тарковского)

Эпическая поэма "Сорок девушек" является национальной гордостью каракалпакского народа. Она переведена на русский язык и на многие другие языки народов нашей страны, получила высокую оценку не только в Советском Союзе, но и за границей.

Узловым моментом в истории формирования каракалпакской народности известный ученый С. П. Толстов считает образование печенежского политического объединения IX—XI вв.

Средневековые предки каракалпаков — черноклобуцко-печенежские племена — принимали активное участие в политической жизни Киевской Руси, о чем свидетельствуют древнерусские летописи, а также исследования дореволюционных и советских ученых, труды зарубежных историков и востоковедов. Печенеги принимали участие в походах князя Игоря. "Черные клобуки" поселялись близ границ русских княжеств, за что они обещали защищать русские границы от врагов, участвовать в военных походах Руси. "Мы... умираем за Русскую землю, за твою

честь!"— клялись "черные клобуки" князю Юрию Долгорукову в 1149 г.

Эти исторические связи Руси с печенегами, половцами и другими кочевыми племенами наложили свой отпечаток и на духовную жизнь народов тех времен. Отголоски этого взаимообщения мы находим в замечательном памятнике древнерусской литературы "Слово о полку Игореве" в виде слов тюркоязычного происхождения.

Да и спустя много веков, в 1872 году, караалпаки, жившие на берегах Зарафшана, сообщали русским исследователям о том, что они пришли из России и что у них до сих пор сохранились песни о жизни на русски землях.

Степные племена вместе с русским и другими народами приняли на себя удар полчищ Чингис - хана. В ряде произведений караалпакского фольклора, например, в легенде "Гульдурсун", нашла отражение тема борьбы против монгольского нашествия. В этой легенде осуждается поступок девушки Гульдурсун, которая предала родину, предала своего отца ради любви к врагу — к монгольскому военачальнику.

В XII в. восточная или тюркская группа печенежско-огузских племен (от которых ведут свое происхождение караалпаки) была завоевана кипчаками, явившимися с берегов Иртыша, и вошла в состав кипчакского союза. К этим временам относится зарождение некоторых караалпакских эпических поэм, например, известного эпоса "Коблан".

Послемонгольская история караалпаков связана с Ногайским союзом (XIV—XVI вв.) "Ногайский период" истории караалпаков породил большинство известных нам произведений караалпакского эпоса ("Ал- памыс", "Маспатша", "Шарьяр" и др.).

В памяти нашего народа сохранились не только легенды и песни, но и имена многих поэтов и сказителей ногайского периода — Асана-кайгы (Асана горемычного), Ормамбет-бия, Жиренше-Шешен, Соппаслы сыпыра жырау и др. К этому же периоду относится и возникновение письменной литературы каракалпаков, казахов и других народов, чьи предки входили в состав Ногайского союза.

В одной из старинных народных песен — "Песне об Ормамбет-бие" — рассказывается об уходе ногайцев с насиженных мест на новые земли в связи с нападением внешних врагов, особенно после гибели одного из виднейших ногайских мурз Ормамбета в конце XVI в. Это — печальная, трогательная песня о бедствиях разоренного народа, о его прощании с родным краем.

После распада Ногайского политического объединения (XVI в.) каракалпаки выделились в самостоятельную народность и перекочевали с берегов Волги и Урала в северный Хорезм, на земли своих ранних предков. В XVI—XVIII вв. каракалпаки селились по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи, на Жанга-Дарье.

Это были времена упорной борьбы каракалпакского народа за свою независимость. Многострадальный народ не только постоянно испытывал на себе гнет своих племенных вождей, но и пережил нашествия джунгар (1723 г.), казахских ханов (1743 г.), бухарских и кокандских правителей. Каракалпаки вместе с узбеками, казахами и другими народами не раз восставали против бухарских владык (в 1611 г. и 1681 г.). Группа каракалпаков, проживавшая в верховьях рек Яика и Эмбы, в 70-х г. XVII в. принимала участие и в восстаниях башкир.

Все эти события в той или иной мере находили свое отражение в каракалпакском фольклоре, героическом

эпосе, произведениях каракалпакских поэтов и сказителей.

В XVIII в. в результате нашествия джунгарских и казахских правителей каракалпаки перекочевывают из дельты Сыр - Дарьи к южным берегам Аральского моря и низовьям Аму-Дарьи.

Крупнейшим представителем каракалпакской литературы этого периода был поэт и сказитель Жиен-жырау Тагай улы. В своей знаменитой поэме "Разоренный народ" поэт с потрясающей силой изобразил реальные исторические события. Бесчисленных жертв и страданий стоил народу тяжелейший переход через пустыню — к низовьям Аму-Дарьи. Автору довелось быть участником и очевидцем этих трагических событий, и в своей поэме он с беспощадной правдивостью называет истинных виновников этого народного бедствия:

От набегов ханских страдал,
 Вымирал, погибая народ.
 Истлевали трупы людей
 На песке пересохших рек.
 Налетали со всех сторон,
 Пировали стаи ворон.
 Беззащитен был человек...
 Были склонны к жестокости и греху
 Восседавшие наверху.
 Наш казий дела несправедно вел,
 А ишан развратен был, как козел.
 Все, что есть у нас — вымогали они.
 Пыткам нас подвергали они,
 Людей неповинных ни в чем.

(Пер. В. Державина)

Поэма проникнута глубокой болью и скорбью при виде страданий разоренного народа, понесшего

бесчисленные жертвы во время тяжелого перехода через пески Кызыл - кумов.

Во второй половине XVIII в. на Жанга-Дарье, к востоку от дельты Аму-Дарьи, образовалось самостоятельное Каракалпакское владение, которое просуществовало до начала XIX в.

Но и на новых землях не сладко жилось каракалпакскому народу. Его продажная правящая верхушка не раз вступала в сговор с хивинскими ханами, и в начале XIX века каракалпакский народ оказался под гнетом хивинского владычества.

Видным представителем каракалпакской поэзии этого периода, певцом страданий и чаяний трудового народа, гневным обличителем господствующей власти был Кунхожа (1799—1880 гг.). Во многих своих стихотворениях ("Чабаны", "Жнецы", "Мой край", "Кем я стал?") поэт правдиво отобразил тяжелую, беспросветную жизнь обездоленных бедняков.

Поэт не боялся возвысить свой голос против жестоких правителей. Когда хивинский хан созвал самых известных поэтов своего ханства и потребовал от них восхваления своего богатства и могущества, Кунхожа не захотел кривить душою и сложил стихи, далеко не лестные для ханской власти. Желая унижить поэта, хан подарил ему старого, полуслепшего, чесоточного верблюда. Но поэт не остался в долгу: он тут же сочинил сатирическое стихотворение "Ну и верблюд", в котором едко высмеял хана за его "щедрый подарок". И только широкая известность и уважение, которым пользовался в народе Кунхожа, спасли дерзкого поэта от жестокого наказания.

Для многих произведений Кунхожи характерна аллегоричность, развернутые метафоры. Таково, например, его известное стихотворение "Белый камыш":

Ты из воды растешь, а жажды
 Не можешь утолить своей.
 Под дуновеньем гнешься каждым.
 Хоть много у тебя корней...

И все-таки жди доброй вести,
 Держись, не сохни у воды!
 Смотри: я так же, как и ты,
 Стою на очень скользком месте.

(Пер. *Р. Морана*)

Выдающимся классиком каракалпакской поэзии, замечательным лирическим и патриотическим поэтом был Ажинияз Косыбай улы (1824— 1878 гг.). Поэт получил широкое по тому времени литературное образование, владел арабским и персидским языком, глубоко изучил классическую восточную поэзию. Он окончил известное хивинское медресе Шергази, где незадолго до него учился и знаменитый туркменский поэт Махтумкули, чья поэзия оказала большое влияние на творчество многих каракалпакских поэтов прошлого столетия.

Ажинияз первым ввел в каракалпакское стихосложение некоторые классические формы восточной поэзии, в том числе мухаммас (пятистишие). В этой антологии читатель найдет и образцы лирической поэзии Ажинияза ("Мои глаза", "Ах, Дарийха!.."), и некоторые из его дидактических стихов, в которых нашли выражение горечь и протест поэта против социального неравенства и несправедливости:

Богач, владелец многих стад,
 Таким послушным слугам рад,
 Что, впроголодь живя, молчат,—
 Богатым безответный нужен.

Рабу, что мучится в нужде,
 Гниет в неволе и беде,
 Кому удачи нет нигде,
 Тому свободный жребий нужен.

(Пер. Г. Ярославцева)

В 1858 — 1859 гг. произошло крупнейшее антихивинское восстание каракалпаков (так называемое "Кунградское" или "Бозатауское" восстание), ставившее своей целью сбросить иго хивинского хана, отделиться от Хивы и присоединиться к России. Восстание было поддержано русской аральской флотилией во главе с известным прогрессивным офицером и ученым А. И. Бутаковым. Но разногласия среди руководителей повстанцев привели к поражению восстания.

Ажинияз оказался среди тех, кто был угнан в плен после беспощадного подавления восстания. Будучи очевидцем этого трагического события, поэт создал свою знаменитую поэму "Бозатау" ("Остров плодородия"), являющуюся и поныне одной из любимых старинных песен каракалпакского народа. Поэт сочинил и печально-проникновенную мелодию этой песни, в которой с огромной силой запечатлелась и его скорбь при виде народных страданий, и его глубокая любовь к отчему краю, и горестные чувства в час расставания с родными местами:

Мы уходим. Нас гонят в неведомый край,
 Покидаем тебя. Бозатау.
 Слезы льются, в глазах почернело... Прощай,
 Покидаем тебя, Бозатау,

При народе земля, при земле был народ,
 А теперь безземельных мучение ждет,
 Больно будет сердцам, захиреет наш род,
 Ты кормильцем нам был, Бозатау.

Все разграблено... Плач и смятение окрест...
 Отрывая людей от насиженных мест,
 Кареглазых сынов, чернобровых невест
 Гонят всадники вдаль, Бозатау.
 (Пер. Г. Ярославцева)

Прошое столетие, ставшее для каракалпакского народа периодом самой ожесточенной социально-политической и национально-освободительной борьбы, выдвинуло целый ряд замечательных поэтов, борцов за справедливость, среди которых, подобно яркой звезде, сверкает имя выдающегося классика каракалпакской литературы Бердаха (1827—1900 гг.).

Бердах — это поэтический кумир каракалпакского народа, а его богатое, многогранное творчество — вершина всей поэзии дореволюционной Каракалпакии.

В многочисленных лирических произведениях и поэмах Бердаха правдиво отразилась мрачная картина прошлой жизни каракалпакского народа. Как истинный поэт-демократ, Бердах оценивал события и общественные отношения своего времени с передовых позиций, мужественно боролся за права трудовых людей. Через все творчество Бердаха проходит трагическая тема страданий и унижений угнетенного народа.

В нищей юрте проснувшиеся на рассвете
 Просят хлеба и плачут голодные дети.
 Сердце жгут безответные жалобы эти.
 Душит бедных в железных объятых налог.

(Здесь и дальше пер. Н. Гребнева)

Но Бердах был не только певцом народных страданий. В стихотворениях "Лучше", "Кажется", "Налог", в поэме "Хан-самодур" и во многих других

произведениях поэт бесстрашно выступал против царившего вокруг него обмана, гнета и произвола, гневно обличал жестоких правителей, резко осуждал социальное неравенство. Поэт призывал бороться за народное счастье, верил, что только самоотверженной борьбой можно добиться свободной и справедливой жизни:

Друзья, борцы, что за свободу
 Готовы и в огонь, и в воду,
 Сочувствующие народу
 Для дела правого нужны.

В своих поэмах, посвященных историческим событиям ("Амангельды", "Ерназар-бий" и др.), Бердах воспел народных вождей, возглавлявших восстания против ханской власти. Прославляя мужество и бесстрашие этих героев, поэт ставил их в пример своим современникам. Помимо своих художественных достоинств эти поэмы представляют большой интерес и для историков. Так например, поэма Бердаха "Родословная" служит для современных исследователей источником целого ряда ценных исторических сведений.

Одной из сверкающих вершин во всей истории каракалпакской литературы была и остается знаменитая поэма Бердаха "Хан-самодур", отрывки из которой читатели найдут в этой антологии. В этом замечательном произведении великий поэт обобщил не только свои самые заветные думы и чувства, но и передовые взгляды каракалпакской общественности того времени, идеи освобождения трудового народа от ханского и царского гнета.

Творчество Бердаха проникнуто горячей любовью к простым труженикам, вся жизнь поэта была образцом служения родному народу. Прав был поэт, когда

говорил: народ и Бердах любят друг друга так, как мать и ее верный единственный сын. Прошли годы, и сбылись вдохновенные, пророческие строки великого народного поэта:

Друг, руку другу протяни,
Сильны мы, если не одни.
Настанут радостные дни,
Заря взойдет когда-нибудь!

Демократические традиции Бердаха оказали влияние на творчество передовых каракалпакских поэтов, начиная с середины прошлого столетия. Отеш, Гульмурат, Омар, Сарыбай и многие другие, развивая эти традиции, продолжили борьбу за человеческие и гражданские права угнетенных тружеников.

Роскошествуют лжец, богач, злодей,
А ты, бедняк, лишь дырами владей...
С умом за дело взяться мы должны,
Нужна нам верность, как клинку — ножны.

(Пер. Д. Голубкова).

Замечательный лирик Гульмурат в своем стихотворении "Одинокий гусь" создал запоминающуюся образную картину социальной несправедливости своего времени. Сарыбай в своих баснях ("Разговор с летучей мышью", "Разговор с воробьем") с глубокой горечью изобразил жестокий произвол властителей и тяжкую судьбу обездоленного народа. А классовый подход к явлениям жизни, разоблачение угнетателей, защита интересов угнетенных бедняков с еще большей остротой проявились в творчестве Омара-шаира:

Тем, кто труды других сосет легко,
 Как будто пьет не кровь, а молоко,
 Тем, кто вознесся слишком высоко,
 За грех и преступленья я воздам!

(Пер. В. Стрельченко).

Вместе со всеми народами России, освобожденными Великим Октябрем, каракалпакский народ "в семье великой, в семье вольной, новой" впервые получил право на свободный труд и счастливое будущее. Поэзия народа, подобно горной речке, вырвавшейся из темного ущелья, свободно потекла по широким просторам новой действительности.

Впервые смогли по-настоящему расцвести народные таланты,— в этом можно убедиться на примере творческой судьбы Аяпбергена Мусаева, Сейфулгабита Мажитова, Касыма Авезова и других зачинателей каракалпакской советской литературы.

Аяпберген Мусаев (1880—1936 гг.) еще до революции был известным в народе поэтом. Но подлинного расцвета его творчество достигло после победы советского строя — стихи этого замечательного народного поэта о новой, справедливой власти, о великом Ленине, о первых трудовых достижениях освобожденного народа горячо и призывно звучали по всей Каракалпакии.

Сейфулгабит Мажитов (1867—1938 гг.) тоже был свидетелем двух эпох. Наряду с огромной просветительной и организаторской деятельностью по созданию школ, первых учебников, редактированию первой каракалпакской газеты и т. п., С. Мажитов создал немало талантливых стихов, сказок, басен, которые явились в свое время заметным вкладом в развитие молодой каракалпакской советской литературы. События первых революционных лет и в

особенности бурный рост народного образования — излюбленная тема поэта. Созданное им в 1924 году стихотворение "Ильич" стало народной песней о великом вожде революции. Пьесы С. Мажитова "Ерназар алакоз", "Багдагуль", так же как и пьеса К. Авезова "На пути к заветной цели", заложили основу каракалпакской драматургии.

Октябрьская революция, принесшая с собой небывалые перемены в жизни всего народа, породила целую плеяду талантливых поэтов 20-х — 30-х годов, среди которых следует в первую очередь назвать Айтбая Матъякубова, Асана Бегимова, Хожамета Ахметова, Избасара Фазылова, Жолмурзу Аймурзаева, Дали Назбергенова, Мырзагали Дарибаева, Амета Шамуратова, Науруза Жапакова и др.

В творчестве первого поколения поэтов советской Каракалпакии наиболее характерной чертой является сочетание традиций народной поэзии и новой, революционной тематики. Именно в этом — неповторимое своеобразие каракалпакской поэзии этого периода, заложившего основу для всего ее дальнейшего развития.

Хожамет Ахметов (1908—1932 гг.) — яркий представитель "атакующей" поэзии первых лет борьбы за новый, советский уклад жизни. Политическая лирика — основной жанр поэта. Борьба с реакционными пережитками прошлого, утверждение политики большевистской партии, воспевание коллективного труда, борьба за равноправие женщин, за всеобщее образование — такова тематика большинства его стихов. Призывы, агитки, лозунги характерны для страстного, непримиримого духа поэзии Х. Ахметова. "Не давайте дорогу", "Это твой долг", "Мой класс", "Пусть будет изгнан", "Дух Октября", "Делите справедливо", "Корреспонденты" и

многие другие его стихи до сих пор сохраняют свою ценность боевой, агитационной поэзии. Своей динамичной, экспрессивной манерой стиха Х. Ахметов одним из первых ввел новые ритмы революционной поэзии в каракалпакское стихосложение.

Глубоким, задушевым лиризмом отличается творчество Избасара Фазылова (1908—1961 гг.). Написанное им в народном стиле стихотворение "Черная овца" (1924 г.), рассказывающее о страдальческой жизни молодого пастуха, долгое время пользовалось большой популярностью, — его распевали по всей Каракалпакии.

Плодотворное влияние революционной поэзии Владимира Маяковского и Демьяна Бедного ощущается во многих стихах Асана Бегимова (1907—1958 гг.).

Гражданская, патриотическая тематика составляет основу творчества и другого поэта 30-х годов — Мырзагали Дарибаева (1907—1942 гг.). Таковы его стихотворения "Большевицкая весна", "Калбике", "Голубое озеро" и др. В своих поэмах "Айпара" и "Аимжамал" М. Дарибаев правдиво рассказал и о тяжелой, безрадостной доле каракалпакских женщин в прошлые времена, и о светлых горизонтах, открывшихся перед ними после победы советского строя.

Со второй половины 30-х годов ведущими поэтами советской Каракалпакии становятся Аббаз Дабылов (род. в 1898 г.) и Садык Нурумбетов (род. в 1900 г.).

Аббаз Дабылов — выдающийся поэт каракалпакского народа. В его творчестве нашли выражение лучшие традиции дореволюционной каракалпакской поэзии, продолженные и развитые на почве новой, советской действительности. Созданные Аббазом-шаиром в 30-х годах популярные стихи "Товарищи", "Объединяйтесь в артели!", "Мавзолей", "Я

видел" отразили огромные сдвиги, произошедшие в жизни и в сознании трудового каракалпакского народа. Стихи А. Дабылова отличаются богатой образностью, глубиной чувств, подлинной народностью. Его эпическая поэма "Бахадыр", повествующая о революционной борьбе каракалпакского народа, и по своей масштабности, и по художественным достоинствам относится к крупнейшим явлениям нашей поэзии. За этот большой поэтический труд Аббаз Дабылов в 1967 г. был удостоен звания лауреата республиканской премии им. Бердаха.

С первых же дней Великой Отечественной войны Аббаз Дабылов и Садык Нурумбетов развернули кипучую деятельность, своими мужественными, призывными стихами поднимая и вдохновляя родной народ на самоотверженную борьбу против фашистских захватчиков. Лучшие стихи, созданные ими во время войны (например, стихотворение "Сын мой" С. Нурумбетова или "Зачем нам трусливый джигит?" А. Дабылова), явились не только непосредственным откликом на грозные события, но и правдивым выражением мыслей и чувств, владевших советскими людьми в те суровые, героические годы. За большие литературные и общественные заслуги обоим поэтам-соратникам было присуждено в 1942 году звание "Народный поэт Каракалпакии", а в послевоенные годы — звание "Народный певец Узбекистана".

Садык Нурумбетов — друг и ровесник Аббаза Дабылова — также является наиболее видным представителем этого поэтического поколения. В отличие от творчества А. Дабылова, основное направление которого можно назвать "психологической лирикой", в поэзии С. Нурумбетова преобладает лирика гражданская. Широкую известность завоевали также сатирические стихи

Садыка-шаира — "Порханы", "Лодырям" и др., в которых поэт, прибегая то к лукавому юмору, то к острому гротеску, бичует невежд и лентяев, обманщиков и тунеядцев. Продолжая и развивая лучшие традиции каракалпакского фольклора С. Нурумбетов, как и А. Дабылов, создал несколько поэм, написанных в духе народных эпических сказаний ("Бердах", "Шелковод Жаныл", "Хамар" и др.). Недавно поэт завершил работу над поэмой "Братья", посвященной труженикам Хорезмского оазиса, воспевающей нерушимое единство наших народов, рожденное в борьбе за новую жизнь.

К числу крупнейших поэтов Каракалпакии принадлежит и Жолмурза Аймурзаев (род. в 1910 г.).

Творческий путь Ж. Аймурзаева пролегал почти через все этапы развития каракалпакской советской литературы (он начал писать стихи в 1927 году). Из его ранних стихов и поэм следует прежде всего отметить стихотворение "Ко дню коллективизации" (1930 г.). Тема острой классовой борьбы, разгоревшейся в годы создания колхозного строя, получила дальнейшее развитие в его известной поэме "Схватка" (1935 г.) — одной из первых значительных поэм в каракалпакской поэзии советского периода.

Мужеством и зрелостью отмечены стихи Ж. Аймурзаева, созданные в годы Великой Отечественной войны, — "Письмо с фронта", "Украина в огне", "Приду на праздник" и др. Самое сильное, самое яркое и страстное из них — стихотворение "Слушай, мой сын!" (1942 г.), одно из лучших произведений, созданных в годы войны каракалпакскими поэтами. "Прокляни меня, сын, если я не стану щитом Отчизны!" — восклицает в этом стихотворении поэт.

Ж. Аймурзаев создал около десяти поэм, наиболее значительные из них — "Схватка" (1935 г.), "Мы победили в борьбе" (1938 г.), "Светлый путь" (1947 г.).

Своеобразна поэтическая манера нашего выдающегося поэта Тилеубергена Жумамуратова (род. в 1915 г.). Широкой известностью пользуются его меткие и остроумные сатирические стихи: "Сон Маспамбета" (о пьяницах), "Подлиза Алламурат" (о подхалимах), "Критик-председатель" (о людях, признающих критику только на словах), "Писатель и золотая рыбка" (о зазнавшемся писателе) и многие другие. Талантливый импровизатор и отличный чтец, Т. Жумамуратов является сейчас одним из самых популярных каркалпакских поэтов, ему присвоено звание народного поэта Каракалпакии.

В последние годы в творчестве Т. Жумамуратова все большее место начинают занимать лирические и лирико-философские стихи. В созданном им ко дню своего пятидесятилетия в большом стихотворении "Из лирики моей жизни", поэт подводит итог всему пройденному им жизненному и творческому пути, делится с читателями своими заветными думами и замыслами. Это задушевная лирическая исповедь относится к числу лучших произведений поэта. Значительны по мыслям, интересны по своему образному строю и циклы четверостиший Т. Жумамуратова, в которых он успешно развивает традиции классического восточного "рубай" — четырехстрочной лирической миниатюры.

Значительный вклад в развитие поэзии советской Каракалпакии внесли и многие другие талантливые поэты — Байнияз Каипназаров, Жолдас Сеитназаров, Хожабек Сеитов, Бабаш Исмаилов, Тажетдин Сеитжанов, Хожамурат Турумбетов, Галым Сеитназаров. Русский читатель сможет по достоинству

оценить творчество этих поэтов, познакомившись с их стихами, включенными в антологию.

Среди наиболее известных каракалпакских поэтов послевоенного поколения следует прежде всего назвать Ибрагима Юсупова (род. в 1929 г.). Его поэзии присуще острое чувство современности, широкий кругозор, новаторское разнообразие тематики и поэтических форм. Во многих его стихах мы встречаем глубокие раздумья о жизни и творчестве, о высоком предназначении человека, о долге поэта перед народом и своей эпохой.

Ты можешь сам сто раз забыть о том, что ты поэт.
 Но шла в сердца твоя строка — и ты живешь, поэт!
 Но если ты хоть раз забыл, что звался человеком,
 Ты лгал! Ты лжешь своей строке, ты трижды не поэт!

(Пер. Г. Ломинадзе)

Наряду с превосходными лирическими, философскими и пейзажными стихами большое место в творчестве И. Юсупова занимают поэмы и баллады. Написанная еще в 1949 году его первая поэма "Товарищ учитель" имела большой успех у каракалпакских читателей. За нею последовали поэмы "Судьба актрисы" (1958 г.), "Правда о ковровщице" (1961 г.) и, наконец, "Степные грезы" (1964 г.) — наиболее значительное и зрелое произведение этого одаренного поэта.

"Степные грезы" — романтическое повествование о жизни и труде нефтяников, строителей газопровода, покорителей пустыни. Место действия поэмы — песчаные просторы безжизненного плато Устюрт, превратившегося в арену упорной борьбы человека со стихийными силами природы. Напряженные сюжетные эпизоды перемежаются в этой поэме с лирическими отступлениями — размышлениями

автора О победоносной силе человеческого труда и разума. Значительность темы, стройность композиции, богатство мыслей и образов, живое дыхание современности, которым пронизаны строки этой поэмы, делают ее одним из лучших произведений в истории советской каракалпакской поэзии.

Тем временем на нашем поэтическом горизонте появляются все новые молодые таланты. Здесь следует, прежде всего, назвать М. Сеитниязова, Д. Айтмуратова, И. Курбанбаева, Ш. Сеитова, Х. Сапарова, Т. Матмуратова, У. Хожаназарова, К. Рахманова и др.

Отрадно то, что в большинстве своих стихов эти молодые поэты избегают голословия и декларативности, стремясь воздействовать на читателей прежде всего силой и убедительностью своих поэтических образов. Об ответственности современного поколения за мир и счастье на земле горячо, с искренним волнением говорит М. Сеитниязов в своих стихотворениях "Моя температура" и "Я видеть мир хочу, как на своей ладони".

Да, оттого, что я со всеми вместе
 Всю тяжесть века на плечах держу,
 Судьбой людей, их совестью и честью,
 Как собственной судьбою, дорожу,—
 Я видеть мир хочу, как на своей ладони!

(Пер. С. Северцева)

С этими строками перекликаются и стихи нашего талантливого баснописца Д. Айтмуратова, в чьем творчестве за последнее время начинает все увереннее звучать гражданская лирика:

Хочу по земле я шагать, как соратник весны,
 Хочу, чтоб и камни сверкали, стихом зажжены,
 Хочу на земле утверждать правоту новизны,

И петь для людей я хочу задушевно и звонко.

(Пер. С. Липкина).

Идеями советского патриотизма пронизано творчество всех современных каракалпакских поэтов. Молодое поэтическое поколение находит для выражения этих идей новые, яркие образы. Таково, например, стихотворение "Родина" Кенесбая Рахманова — самого молодого из представленных в этой антологии поэтов:

Если сына одна только мать потеряет,
И одна молодая жена зарыдает,
И один только сад без присмотра увянет,—
Это я виноват, покарай меня, Родина!

(Пер. С. Сомовой)

Этот краткий обзор творчества наших молодых поэтов можно было бы значительно расширить. Они безусловно заслуживают этого. Но они заслуживают и большего — специального разговора об их творчестве.

* * *

Современная каракалпакская поэзия, развивая свои лучшие национальные традиции и творчески овладевая опытом мировой поэзии, с каждым годом вносит все более заметный вклад в нашу многонациональную литературу.

Лучшие произведения каракалпакских поэтов не раз появлялись на страницах периодики, издавались отдельными сборниками. Однако до последнего времени не было еще создано такой книги, которая могла бы дать русским читателям широкое

представление обо всем пути, пройденном нашей каракалпакской поэзией.

Эта первая на русском языке "Антология каракалпакской поэзии" в известной мере отражает наиболее яркие явления каракалпакской поэзии всех периодов ее исторического развития.

В заключение хочу выразить нашу глубокую благодарность всем участникам создания этой антологии и прежде всего — нашим друзьям, поэтам Москвы и Ленинграда, чей большой, вдохновенный труд запечатлен на страницах этой книги.

*Марат Нурмухамедов
член-корреспондент АН УзССР,
доктор филологических наук.*

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАКАЛПАКСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Сорок девушек (отрывки). *Перевод А. Т арковецкого.*
 Шарьяр (отрывки). *Перевод С. Северцева*

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Песни юношей

Моя красавица. *Перевод Н. Гребнева*
 Сладки твои губы. *Перевод Н. Гребнева*
 Милый друг. *Перевод Н. Гребнева*
 Дует ветер. *Перевод Н. Гребнева*
 Вон две красавицы идут. *Перевод С. Сомовой*
 Где бы я ни был... *Перевод С. Сомовой*
 Поищи сама. *Перевод С. Сомовой*
 Дай воды... *Перевод С. Сомовой*
 Мухаллес. *Перевод С. Сомовой*
 Заходите в юрту, девушки! *Перевод С. Сомовой*
 Что в твоих глазах затаено? *Перевод Н. Гребнева*
 Не покидай меня, любимая! *Перевод Н. Гребнева*

Девичьи песни

Кукушка. *Перевод Н. Гребнева*
 Тоска по любимому. *Перевод Н. Гребнева*
 Той. *Перевод Н. Гребнева*
 Песня Назук. *Перевод Н. Гребнева,*
 Высокий чинар. *Перевод Н. Гребнева*
 Мне бы кухню. *Перевод Н. Гребнева*
 Песня любви. *Перевод Н. Гребнева*
 В шелк и бархат я одета. *Перевод Н. Гребнева*
 Когда, любимый, мы соединимся? *Перевод Н. Гребнева*
 Я была стройна, я была бела... *Перевод Н. Гребнева*
 Песня девушки. *Перевод Н. Гребнева*

В излучине реки водоворот. *Перевод Н. Гребнева*
 Не летишь ты в мой цветущий сад. *Перевод Н. Гребнева*
 Не облей дождем любимого. *Перевод Н. Гребнева*

Нравоучительные песни

Что плохо? *Перевод Н. Гребнева*
 Конь чистокровный, стучащий копытом ... *Перевод Н. Гребнева*
 Чужим живу в родимой стороне ... *Перевод Н. Гребнева*
 Скажи, журавль, парящий в даях чистых... *Перевод Н. Гребнева*
 Что нужно джигиту? *Перевод Н. Гребнева*
 Садир-палван. *Перевод И. Гребнева*
 Притча. *Перевод С. Сомовой*
 Мулла. *Перевод С. Сомовой*
 Ишан. *Перевод С. Сомовой*

Колыбельные и детские песни.

Колыбельная. *Перевод Н. Гребнева*
 Где сорока? *Перевод Г. Яроелавцева*
 Эй, верблюды! *Перевод Г. Яроелавцева*
 Лисенок. *Перевод Г. Яроелавцева*

КАРАКАЛПАКСКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ

Жиен-Жырау

Разоренный народ. *Перевод В. Державина*

Кунхожа

Кем я стал? *Перевод Р. Морана*
 Мой край. *Перевод Р. Морана*
 Верблюд. *Перевод Р. Морана*
 Дохлая рыба. *Перевод Р. Морана*
 Кому нужен? *Перевод Г. Яроелавцева*
 Камыш. *Перевод Р. Морана*
 Вместе со страной. *Перевод Р. Морана*

Ажинияз

Бозатау (отрывок). *Перевод Г. Ярославцева*
 Мои глаза. *Перевод Д. Голубкова*
 Нужен. *Перевод Г. Ярославцева*
 Ах, Дарийха!.. *Перевод П. Железнова*
 Пустой мечтой ты оказалась, жизнь, моя. *Перевод Д. Голубкова*
 "Если жирною станет лысуха..." *Перевод Д. Голубкова*

Бердах

Море рыбы своей не дает. *Перевод Н. Гребнева*
 Лето придет ли? *Перевод Н. Гребнева*
 Мой бык. *Перевод Н. Гребнева*
 Невестка. *Перевод Н. Гребнева*
 Зйайте. *Перевод Н. Гребнева*
 Мне нужны. *Перевод Н. Гребнева*
 Моя подруга. *Перевод Н. Гребнева*
 Роза с бутоном. *Перевод Н. Гребнева*
 Хан-самодур (из поэмы). *Перевод Н. Гребнева*

Гульмурат-шаир

Одинокий гусь. *Перевод Р. Морана*
 Куда я пойду? *Перевод Р. Морана*

Сарыбай

Я вас проклиная, годы мои! *Перевод Д. Голубкова*
 Разговор с летучей мышью. *Перевод Г. Ярославцева*

Отеш-шаир

Надо. *Перевод Д. Голубкова*
 Подобны. *Перевод Г. Ярославцева*
 На смерть Бердаха. *Перевод Д. Голубкова*

Омар-шаир

Я возвращаюсь (отрывок). *Перевод В. Стрельченко*

Воздам. Перевод *В. Стрельченко*
 Бибиджан. Перевод *П. Железнова*

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ КАРАКАЛПАКИИ

Аяпберган Мусаев

Ленин. Перевод *С. Северцева*
 У каракалпаков есть ... Перевод *С. Северцева*
 Беги к озеру. Перевод *С. Северцева*
 Черный ишак. Перевод *С. Северцева*

Сейфулгабит Мажитов

Ильич. Перевод *С. Северцева*
 Каракалпак. Перевод *С. Северцева*
 Наши отцы. Перевод *С. Северцева*
 Прочь! Перевод *С. Северцева*
 Девушкам. Перевод *С. Северцева*

Аббаз Дабылов

Мечта. Перевод *Я. Хаустова*
 Хлопок. Перевод *П. Кобракова*
 Наш Нукус. Перевод *И. Ринка*
 Бердаху. Перевод *Г. Некрасова*
 Учись! Перевод *С. Северцева*
 Весна. Перевод *П. Кобракова*
 Трусливые джигиты не нужны! Перевод *П. Кобракова*
 Самолет, Перевод *П. Кобракова*

Садык Нурумбетов

Даутколь. Перевод *С. Северцева*
 Тиллахон. Перевод *С. Северцева*
 Вступай в колхоз! Перевод *С. Северцева*
 Порханы. Перевод *С. Северцева*
 Рыбачка. Перевод *С. Северцева*
 Первая вода на новой земле. Перевод *С. Северцева*
 Аму-Дарья. Перевод *С. Северцева*

Еду на стройку. *Перевод С. Северцева*
 Плод и листья. *Перевод С. Северцева*
 Из цикла "Мои знакомые". *Перевод Г. Некрасова*

Асан Бегимов

Подземная железная дорога. *Перевод Н. Панова*
 Бибиджан. *Перевод А. Дорофеева*
 Моя дочь. *Перевод А. Дорофеева*
 Пушкину. *Перевод А. Хаустова*

Избасар Фазылов

Черная овца. *Перевод В. Сикорского*
 На Каспийском море. *Перевод В. Сикорского*

Хожамет Ахметов

Не давай дорогу. *Перевод Г. Некрасова*
 Твой долг. *Перевод Г. Некрасова*
 Мой любимый труд. *Перевод Г. Некрасова*
 Корреспонденты. *Перевод Г. Некрасова*

Жолмурза Аймурзаев

Родина-мать. *Перевод Г. Некрасова*
 В родном ауле. *Перевод М. Быкадорова*
 Люблю весну. *Перевод А. Волкова*
 Приветствие. *Перевод Г. Юнакова*
 У водопровода. *Перевод М. Быкадорова*
 Схватка (поэма). *Перевод Б. Пармузина*

Мырзагали Дарибаев

В саду. *Перевод А. Ситковского*
 В колхозе. *Перевод А. Волкова*
 Айпара (из поэмы). *Перевод Г. Некрасова*
 Дали Назбергенов
 Мой колхозный аул. *Перевод А. Волкова*
 Сауле. *Перевод И. Некрасова*

Песня, будь такою! *Перевод К. Высоковского*

Амет Шамуратов

Слово старика. *Перевод Л. Равича*

Белое золото. *Перевод И. Ринка*

"Ранним утром я вышел..." *Перевод И. Богданова*

Капризная река. *Перевод И. Богданова*

Науруз Жапаков

Аму-Дарья. *Перевод В. Державина*

Труд. *Перевод В. Шефнера*

Соловьи. *Перевод А. Волкова*

Яблоко *Перевод В. Скворцовой*

Цветок. *Перевод В. Шефнера*

Учитесь, дети! *Перевод Н. Панова*

У памятника Пушкину. *Перевод В. Шефнера*

Байнияз Каипназаров

Человек. *Перевод А. Наумова*

Слово девушки. *Перевод В. Скворцовой*

Мать. *Перевод М. Луконина*

Знакомая роза. *Перевод С. Сомовой*

Горькому. *Перевод А. Чепурова*

Дуб. *Перевод Г. Юнакова*

Жолдас Сеитназаров

Весна и я. *Перевод С. Северцева*

Летучая мышь (басня). *Перевод С. Северцева*

Я чернявый паренек. *Перевод С. Северцева*

У карагача. *Перевод А. Волкова*

Книга. *Перевод А. Волкова*

Мать. *Перевод Г. Юнакова*

Мой зайчонок (из книги для детей). *Перевод Г. Юнакова*

Абитай Турумбетов

На уборке. *Перевод А. Волкова*
 Зулейха. *Перевод А. Волкова*
 "На листке бумаги белой..." *Перевод В Яремчука*

Хожабек Сеитов

Октябрьские зори. *Перевод Г. Некрасова*
 Нукус. *Перевод Г. Некрасова*
 Утро. *Перевод Г. Некрасова*
 Гнедой конь. *Перевод Д. Хаустова*
 Девушка цветов мне подарила. *Перевод В. Скворцовой*
 Из цикла "Светлый город". *Перевод Г. Некрасова и Н. Иоливина*

Марьям Касымова

С нами он! *Перевод Б. Шаховского*
 Письмо к пограничнику. *Перевод Н. Поливина*
 Поэт (А. С. Пушкину). *Перевод В. Сикорского*

Тлеуберген Жумамуратов

Из лирики моей жизни. *Перевод С. Северцева*
 На берегу Арала. *Перевод Г. Юнакова*
 Трактор и кетмень. *Перевод С. Северцева*
 Одной красавице. *Перевод С. Северцев"*
 Четверостишия. *Перевод С. Северцева*
 Из цикла "Строфы". *Перевод С. Северцева*

Бабаш Исмаилов

Бумажный урожай. *Перевод Г. Я роелавцева*
 Пустые фразы. *Перевод Г. Я роелавцева*
 Невежа. *Перевод Г. Я роелавцева*
 Недовольство масс. *Перевод Г. Я роелавцева*

Ибрагим Юсупов

Родина. *Перевод О. Дмитриева*
 Канны в Нукусе. *Перевод О. Дмитриева*
 Саксаул. *Перевод С. Северцева*

Фазан. *Перевод О. Дмитриева*
 Черный тал. *Перевод П. Пагирева*
 Рубай. *Перевод С. Ломинадзе*
 Степные грезы (отрывки из поэмы). *Перевод М. Луконина*

Тажетдин Сейтжанов

Ленин в моей жизни. *Перевод Г. Яроелавцева*
 "Я никогда еще не ждал..." *Перевод Г. Некрасова*
 Роза. *Перевод Г. Некрасова*

Хожамурат Турумбетов

Тропинка. *Перевод В. Гришина*
 Цветок. *Перевод М. Шехтера*
 Журавли. *Перевод В. Гришина*
 Ах, сердце. *Перевод В. Скворцовой*
 Хорошая книга. *Перевод В. Торопыгина*
 Надя. *Перевод А. Ревича*
 Вода. *Перевод А. Шниота*
 Твои глаза. *Перевод М. Шехтеоа*
 Днепр. *Перевод М. Шехтера*
 Сравнение. *Перевод М. Шехтера*
 Я твой сын. *Перевод А. Наумова*

Талым Сеитназаров

Ленин. *Перевод Г. Юнакова*
 Рыбак. *Перевод С. Северцева*
 Но я останусь верен ей. *Перевод Г. Юнакова*
 Не прощай. *Перевод С. Северцева*
 Ночные думы. *Перевод Г. Юнакова*
 "Когда над Родиной..." *Перевод Г. Юнакова*

Матен Сеитниязов

Я видеть мир хочу, как на своей ладони. *Перевод С. Северцева*
 Моя температура. *Перевод С. Северцева*
 Из цикла "Пустыня". *Перевод С. Северца*
 Бурильщики. *Перевод С. Северцева*

Сапоги Наполеона. *Перевод С. Северцева*
 Следы войны. *Перевод С. Северцева*
 "Не боялся я жестоких холодов..." *Перевод С. Северцева*
 "Два вестника с утра пришли..." *Перевод С. Северцева*
 "Ты растешь недосыгаемым цветком..." *Перевод С. Северцева*
 "Мимо бурной, пенистой реки..." *Перевод С. Северцева*
 Из цикла "Думы об Аму-Дарье". *Перевод С. Северцева*

Даулен Айтмуратов

Каракалпакия. *Перевод С. Липкина*
 Чего я хочу? *Перевод С. Липкина*
 Одинокая башня. *Перевод С. Северцева*
 Песня горной вершины. *Перевод С. Северцева*
 Мечта. *Перевод С. Северцева*
 Все в этом мире прекрасном есть! *Перевод С. Северцева*
 Светись, любимая, светись! *Перевод С. Северцева*
 Родина. *Перевод С. Северцева*
 Миниатюры. *Перевод С. Северцева*
 Басни
 Бурдюк. *Перевод В. Корчагина*
 Ерш и камбала. *Перевод С. Поликарпова*
 Замок и вор. *Перевод С. Северцева*

Жолдасбай Дильмуратов

Караман. *Перевод Н. Сидоренко*
 Воспоминания о канале Кегейли. *Перевод Н. Сидоренко*
 Аральская рыба. *Перевод Н. Сидоренко*
 Люблю тебя, Кавказ! *Перевод Н. Сидоренко*

Халмурат Сапаров

Трусишка. *Перевод Г. Ярославцева*
 Ремез. *Перевод Г. Ярославцева*
 Ленивый кот. *Перевод Г. Ярославцева*
 Как я рыбку поймал. *Перевод Г. Ярославцева*
 Мой братишка. *Перевод Г. Ярославцева*
 Ребенок и гусенок. *Перевод Г. Ярославцева*
 Про утку. *Перевод Г. Ярославцева*

Наби Бурекешов

Партбилет. *Перевод В. Сикорского*

Исмаил Курбанбаев

Горки Ленинские. *Перевод С. Поликарпова*

Записи жизни. *Перевод С. Поликарпова*

"Нет... Слишком полна..." *Перевод Г. Ярославцева*

Шаудырбай Сеитов

Эхо! *Перевод В. Сикорского*

Слово отца. *Перевод В. Сикорского*

На озере. *Перевод В. Сикорского*

"Заря весь мир..." *Перевод В. Сикорского*

"Как бесприданница, земля бедна..." *Перевод В. Сикорского*

Моя душа. *Перевод В. Сикорского*

Люблю. *Перевод В. Сикорского*

Узакбай Пиржанов

У дороги. *Перевод С. Сомовой*

Мое детство. *Перевод С. Сомовой*

Тулепберген Матмуратов

Я хочу. *Перевод С. Поликарпова*

Так красив этот мир... *Перевод С. Поликарпова*

"Отважусь ли ответить..." *Перевод С. Поликарпова*

Помню. *Перевод С. Поликарпова*

Твои лучистые глаза. *Перевод С. Поликарпова*

Четверостишия. *Перевод. Поликарпова*

Улмамбет Хожаназаров

"Хочу быть молнией..." *Перевод С. Сомовой*

Ива. *Перевод И. Векшегоновой*

Утро. *Перевод И. Векшегоновой*

Скачет жеребенок. *Перевод И. Векшегоновой*

Встреча. *Перевод И. Векшегоновой*
Скупость. *Перевод С. Сомовой*
Мольба. *Перевод С. Сомовой*
Я так озабочен людскою судьбой. *Перевод И. Векшегоновой*
Письмо солдата
Из "Бухарской тетради". *Перевод С. Сомовой*
Башня

Кенесбай Рахманов

Родина. *Перевод С. Сомовой*
Эдельвейсы увяли. *Перевод В. Сикорского*
Цветы. *Перевод В Сикорского*
"Нельзя измерить даже океаном..." *Перевод В. Сикорского*
Шестистишия. *Перевод С. Сомовой*

М. Нурмухамедов.

Поэзия — верная спутница народа

АНТОЛОГИЯ КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод с каракалпакского

Отв. за выпуск *Л. Щербакова*
Технические редакторы
А. Бабаханов, А. Бахтияров
Корректор *Л. Жуковская*

Сдано в набор 25/VI-1968 г. Подписано к печати 20/XI-1968 г.
Печ. л. 38,0. Усл. печ. л. 44,46. Уч.-изд. л. 21,32. Тираж 3000. Изда-
тельство художественной литературы им. Гафура Гуляма.
Ташкент, Навои, 30. Договор № 219—67.

* * *

Отпечатано в типографии № 3 Государственного комитета Совета
Министров Узбекской ССР по печати. Ташкент, Навои, 30. 1968 г.
Заказ № 455. Цена 2 р. 68 к.